Д.М. ФЕЛЬДМАН

САЛОН-ПРЕДПРИЯТИЕ:

ПИСАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»

В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920—1930-х ГОДОВ

РГГУ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д.М. ФЕЛЬДМАН

САЛОН-ПРЕДПРИЯТИЕ:

ПИСАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ И КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»

В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920–1930-х ГОДОВ

МОСКВА
1998

ББК 83.3(2)
Ф 39

Работа выполнена
при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (грант № 96-04-06373)

Автор пользуется случаем поблагодарить за неоценимую помощь
в работе Г.А. Белую, Н.А. Богомолова, А.Ю. Галушкина, В.Л. Гопмана,
О.А. Долотову, Г.Х. Закирова, В.Н. Каплуна, Л.Ф. Кациса,
А.В. Леденева, Н.И. Либана, В.В. Нехотина, М.П. Одесского,
Н.М. Рубашову, Е.Б. Скороспелову, А.А. Ширяеву.

ISBN 5-7281-0003-1

ВВЕДЕНИЕ

ЦЕЛЬ И ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Основная цель данной работы — выявление и анализ специфических закономерностей литературного процесса 1920-х годов. Объект исследования — московское писательское объединение и кооперативное издательство "Никитинские субботники".

Несмотря на традиционный интерес литературоведов к литературным сообществам легендарных двадцатых, "Никитинские субботники" — объединение и издательство — практически не изучались. Не то, чтоб эта организация осталась вовсе незамеченной, о ней писали немало, особенно в массовой периодике, однако даже название и годы работы не всегда указывались одинаково. Разночтения подобного рода обнаруживаются и в специализированных справочных изданиях[1]. Вот почему обращение к истории вопроса целесообразно предварить кратким перечнем основных этапов деятельности издательства и объединения, перечнем, составленным по материалам архива "Никитинских субботников"[2].

Впервые объединение литераторов, столь необычно именуемое, регистрируется в 1921 г. в Москве. Названо оно в честь основательницы и бессменной председательницы — Евдоксии Федоровны Никитиной, на квартире которой ежесубботне проводились заседания объединения[3].

Тогда же — в 1921 г. — регистрируется кооперативное издательство писателей "Никитинские субботники"[4]. В 1922 г. председателем правления кооператива избрана Никитина, сохранившая и пост председателя объединения[5].

Почти через десять лет кооператив, что выпустил более двухсот книг общим тиражом свыше миллиона экземпляров, официально прекратил свое существование, войдя в состав издательства "Федерация"[6]. Заседания же на квартире Никитиной продолжались более или менее регулярно до 1934 г.[7] За тринадцать лет в них приняли участие сотни писателей — почти вся московская литературная элита[8].

Что касается Никитиной, то с 1922 по 1931 г. она, руководя издательством и объединением, еще и преподавала русскую литературу: сначала в школе второй ступени, потом на Пречистенских рабочих курсах, на рабфаках различных вузов, и с 1924 г. — во 2-м МГУ[9]. Была также председателем Литературно-исследовательской ассоциации при Центральном доме работников просвещения (ЦДРП), сотрудником Института языкознания и других организаций[10]. Кроме того, довольно часто печаталась, получив известность главным образом благодаря исследованиям био-библиографического характера. Под ее редакцией выходили также беллетристические издания и сборники литературоведческих трудов[11]. В Союз писателей СССР Никитина была принята как критик и литературовед. После ликвидации издательства ее педагогическая деятельность прекратилась. В 1935—1947 гг. Никитина — сотрудник профсоюза работников полиграфической промышленности и печати СССР, председатель секции научных работников и член ЦК этого профсоюза, председатель Московского групкома писателей и т.п., занимает также ответственные посты в СП РСФСР. С 1959 г. персональный пенсионер союзного значения[12].

В 1957 г. бывшая председательница "Никитинских субботников" безвозмездно передала государству собранную за тридцать пять лет библиотеку, а также значительную коллекцию документов, куда входили архив объединения, письма и рукописи многих известных писателей, в том числе расстрелянных или погибших в лагерях, ссылках и т.п.[13].

Проблема хранения дара была решена в 1962 г.: согласно постановлению Министерства культуры РСФСР у Государственного литературного музея (ГЛМ) Министерства культуры РСФСР появился новый филиал — музей "Никитинские субботники". Основой его экспозиции стала переданная коллекция, а хранителем — дарительница. Должность Никитиной предоставили пожизненно, а квартиру ее, где находилась коллекция, признали помещением музея и расширили[14].

После смерти Никитиной в 1973 г. филиал, которым она руководила, пришлось ликвидировать, распределив экспонаты по соответствующим отделам ГЛМ. Основной корпус никитинских документов ныне хранится в Отделе рукописей музея[15].

Таковы сведения, подтвержденные документально. Обратимся теперь к печатным источникам.

Хронологически материалы библиографии вопроса распределяются на две основные части: 1922—1931 и 1962—1973 гг.

В периодике 1922—1932 гг. довольно редки не только специальные статьи, но и упоминания о "Никитинских субботниках" в ряду других твор-

ческих союзов[16]. Обычно речь там идет именно об издательском кооперативе, тогда как само объединение оказалось почти вне поля зрения современников[17]. Исключение составляют разве что выпуски альманаха "Свиток", издававшегося "Никитинскими субботниками", да несколько заметок в "Вечерней Москве", "Книгоноше" и т.п., главным образом об очередном юбилее организации[18]. И даже авторы специальных работ о литературных группировках не включают в их число объединение, возглавляемое Никитиной[19]. Характерно также, что в Литературной энциклопедии 1929—1939 гг. (ЛЭ) есть статья о Никитиной и созданном ею кооперативном издательстве "Никитинские субботники", а вот об одноименном писательском союзе не сказано ничего[20].

Зато в 1962—1970 гг. советская пресса уделила объединению "Никитинские субботники" столько внимания, сколько не уделялось ни одной из литературных групп эпохи "легендарных двадцатых". О "Никитинских субботниках" печатались статьи в "Литературной газете", "Литературной России", "Неделе", "Правде", "Вечерней Москве", "Комсомольской правде", "Труде", "Московском комсомольце", "Учительской газете", "Гудке", в журналах "Вопросы литературы", "В мире книг", "Москва", "Звезда", "Нева", "Наш современник", "Наука и жизнь", "Отчизна", "Работница", "Огонек", "Смена" и др.[21]

Кстати, и в Краткой литературной энциклопедии 1962—1978 гг. (КЛЭ) статья о "Никитинских субботниках" превосходит по объему многие другие — о куда более значительных объединениях. А в статье о литературных кружках "Никитинские субботники" охарактеризованы как оплот русского реализма предреволюционной эпохи — похвала едва ли не из самых высоких для советского литературоведения 60-х годов[22].

Если верить тогдашним публикациям, объединение сложилось еще в 1914 г., хотя поначалу издательской деятельности не вело. В двадцатые годы туда входили известные писатели, критики, литературоведы, художники, среди которых — И.Э.Бабель, М.А.Булгаков, В.В.Вересаев, Н.К.Гудзий, С.М.Городецкий, Е.Е.Лансере, Л.М.Леонов, А.С.Неверов, А.С.Новиков-Прибой, М.М.Пришвин, М.И.Цветаева, В.Я.Шишков, К.Ф.Юон и др.[23] На еженедельных заседаниях там, невзирая на групповую вражду, собирались имажинисты, рапповцы, перевальцы, лефовцы, крестьянские писатели и конструктивисты. Под председательством Никитиной они обсуждали читаемые на "субботниках" рукописи друг друга и сообща работали в издательском кооперативе, созданном по инициативе А.В.Луначарского, также состоявшего в объединении. А кооператив регулярно выпускал обсужденное и одобренное большинством, даже если издания были заведомо убыточными. В "литературных боях"

того времени объединение не участвовало, и внутренних конфликтов там не было, что выгодно отличало организацию, созданную Никитиной, от прочих групп[24].

Примерно то же самое рассказывала Никитина посетителям музея, охотно демонстрируя протоколы еженедельных заседаний с подписями знаменитостей, их письма и дарственные надписи на книгах, изданных "Никитинскими субботниками", — документы безусловно подлинные. Сохранились расшифровки стенограмм и магнитофонных записей так называемых "устных новелл" Никитиной — об издательстве, объединении, музее и о себе самой как об их основательнице[25]. Вероятно, Никитина готовила эти материалы к печати (существуют различные версии и варианты нескольких сюжетов), но так и не опубликовала под своим именем, поскольку "устные новеллы" частично вошли в статьи журналистов, писавших о "Никитинских субботниках".

Талантливый администратор, великолепный рассказчик, блестящий экскурсовод, она сумела многих увлечь пропагандой музея и, поддерживая с журналистами дружеские отношения, добилась постоянной рекламы в массовой периодике, причем довольно эффективной рекламы: в 60-е годы музей был весьма популярен[26].

Экскурсанты, судя по записям в журнале посещений, буквально заслушивались рассказами хранителя. Назывались эти рассказы "Три чуда в моей жизни", "Четыре чуда в моей жизни", "О чудесах в моей жизни" и т.п.[27]. "Чудесами" именовались события, которые, по мнению главного хранителя, были определяющими и в истории "Никитинских субботников", и в ее собственной биографии.

В частности, Никитина сообщала, что пяти лет от роду, закончив начальную школу, поступила в гимназию, одиннадцати лет подверглась семимесячному аресту за участие в работе "ученического революционного кружка", тринадцати лет закончила гимназию, в шестнадцать — историко-филологическое отделение Московских высших женских курсов и девятнадцатилетней "получила там кафедру"[28]. Объединение, возглавляемое Никитиной, сформировалось в 1912-1914 гг. благодаря инициативе Алексея Николаевича Веселовского, предложившего слушателям своего семинария в Московском университете и на Высших женских курсах создать "Литературный кружок", с которого все и началось, а затем к молодежи примкнули Ю.И.Айхенвальд, Н.Л.Бродский и другие известные литераторы[29]. Издательство же в 1921 г. организовал регулярно посещавший "субботники" и читавший там свои пьесы А.В.Луначарский. Нарком, уверяла Никитина, сам, без просьб и напоминаний, решил, что его коллеги по объединению имеют право не только на слуша-

телей, но и на читателей, в связи с чем по-государственному обеспечил "Никитинские субботники" всем необходимым, вплоть до жилых и производственных помещений[30].

Знаменитая коллекция сформировалась, как повествовала Никитина, благодаря введенному ею правилу: после каждого "субботника" все обсуждавшиеся рукописи передавались председательнице, авторы же получали потом машинописные копии[31]. Эти материалы Никитина хранила в московской квартире и на даче в подмосковном поселке более четверти века. Она берегла все, включая письма и рукописи репрессированных литераторов, что было весьма рискованно. В данном случае, объясняла бывшая председательница "Никитинских субботников", ее и архив спасло не столько "чудо", сколько предусмотрительность. А вот решение Министерства культуры о создании музея было, по словам Никитиной, сюрпризом для нее, т.е. относилось к разряду "чудес".

Таковы — в изложении Никитиной — основные этапы истории объединения, издательства и музея "Никитинские субботники". Версия эта активно пропагандировалась вплоть до смерти Никитиной[32].

После закрытия филиала упоминания о "Никитинских субботниках" вновь крайне редки. Впрочем, некоторый спад интереса к этой организации наметился раньше — к началу 70-х годов. Упоминаний в периодике становилось все меньше, как и посетителей в музее. И это вполне закономерно: пресса уже сделала все, что могла, тиражируя рассказы главного хранителя о сбереженных богатствах, очередные статьи ничего принципиально нового не содержали, а период информационного голода, когда любые сведения об уничтоженной культуре воспринимались с восторгом и благодарностью, завершился. Пришла пора конкретных исследований, но их практически не было, поскольку именно здесь по отношению к материалам "Никитинских субботников" и возникли препятствия.

Разумеется, речь идет не о формальных ограничениях — фонды музея секретными не считались. Однако и надлежащей информационно-поисковой системы там по сути не было: возможно, у Никитиной просто не хватало времени, чтобы создать ее[33]. А без описей и каталогов архивные разыскания, как известно, весьма затруднены.

В новом филиале ГЛМ только Никитина свободно ориентировалась среди залежей собранных ею рукописей и книг, только хранитель решала, кому и когда позволить работать с музейными материалами, что выдавать исследователям, что скрыть до поры. Но даже если искомые материалы выдавались, соблюдение системы ссылок на архивные документы, необходимое при корректной их публикации, было весьма проблематично. Вот

почему о "Никитинских субботниках" писали преимущественно те, кому не нужно было заботиться об академически выдержанном оформлении научно-справочного аппарата.

После ликвидации филиала "Никитинские субботники" научная обработка материалов была еще очень далека от завершения. Потому архив издательства и объединения в полном объеме оставался недоступным для исследователей до сравнительно недавнего времени — пока не был описан в соответствии с существующими нормами[34].

Возможно, что отсутствие интереса специалистов к "Никитинским субботникам" в семидесятые-восьмидесятые обусловлено не только труднодоступностью или недостаточностью источниковой базы, но еще и характерным для многих исследователей неприятием унификаторского подхода к литературным группам периода нэпа, подхода, навязываемого официальной идеологией. Суть его, применительно к данному случаю, выразил один из лидеров "охранительного" направления в советском литературоведении — А.И.Метченко. «Объединения, — доказывал он, — возникали не только под влиянием потребности "коллективного начала", о которой писали Серафимович и Фурманов, но в ряде случаев и для того, чтобы отстоять независимость художественного творчества от общенародных целей, к осуществлению которых призывало молодое Советское государство»[35].

Критерии тут сформулированы предельно четко: "хорошо" — жажда "коллективного начала", утоленная в 1934 г. созданием СП СССР, "плохо" — стремление к независимости. Неприемлющих такой подход интересовали прежде всего проблемы соперничества литературных группировок 20-х годов, противостояние эстетических и политических тенденций[36]. А "Никитинские субботники" с этой точки зрения себя вообще не проявили. В какой-то мере столь громоздкую аморфную организацию можно было бы счесть прообразом того же СП СССР, всегда и во всем единого.

Сведения о подписях знаменитостей на протоколах сами по себе ничего не меняли: творчество отдельных литераторов, посещавших "Никитинские субботники", не соотносилось с деятельностью объединения в целом. Устойчивые ассоциативные связи — типа "Леф и В.В.Маяковский", "ЛЦК и И.Л.Сельвинский" или же "РАПП и А.А.Фадеев" — не сложились, поскольку "Никитинские субботники" были организацией слишком массовой и разнородной[37]. Потому вопрос о роли и месте этого объединения в литературном процессе 20-х годов специалистами не ставился.

Сторонники официальной концепции литературного процесса этого периода также игнорировали "Никитинские субботники", хоть и по иным

причинам. Их главным образом интересовали аспекты "борьбы за идейное единство советской литературы" в рамках творческих союзов, непосредственно субсидируемых правительством, — Пролеткульта, РАППа и т.п.[38]. Кооперативное издательство и группа литераторов, сотрудничавших с ним, не относились — в силу своей политической "безликости" — к подобным союзам.

"Колоссальный материал прошлого, лежащий в документах и разного рода мемуарах, — писал Б.М.Эйхенбаум, — только частично попадает на страницы (и не всегда один и тот же), поскольку теория дает право и возможность ввести в систему часть его под тем или другим смысловым знаком. Вне теории нет и исторической системы, потому что нет принципа для отбора и осмысления фактов". Вообще сама нужда в исследовании фактов, их отборе — "диктуется современностью — проблемами, стоящими на очереди. История есть, в сущности, наука сложных аналогий, наука двойного зрения: факты прошлого различаются нами как факты значимые и входят в систему неизменно и неизбежно, под знаком современных проблем. История в этом смысле есть особый метод изучения настоящего при помощи фактов прошлого"[39].

Пользуясь терминологией Эйхенбаума, можно сказать, что литературно-бытовые аспекты деятельности объединения "Никитинские субботники" оказались как бы "вне теорий". В итоге окончательно утвердилась версия истории "Никитинских субботников", созданная их основательницей.

Однако изучение литературного процесса — задача многоаспектная, и наличие своего рода "белых пятен" в одной области неизбежно влияет на результаты исследований в другой. Никитинская же версия безусловно противоречит существующим представлениям о формировании и взаимоотношениях литературных групп 20-х годов, представлениям о литературном быте не столь далекой эпохи, основанным на фактах, собранных и систематизированных поколениями историков и литературоведов. Необходимость документальной проверки тут очевидна даже при минимально критическом отношении к никитинской версии.

Начнем хотя бы с досоветской биографии Никитиной. В Российской империи вряд ли осталась бы незамеченной пятилетняя гимназистка и тринадцатилетняя слушательница Высших женских курсов. А если б Никитина в девятнадцать лет "получила там кафедру", такое событие несомненно было б зафиксировано в тогдашней периодике. Тем не менее, следов нет.

Обратимся теперь к первому периоду истории объединения. Инициатива или вообще какая-либо деятельность А.Н.Веселовского по организа-

ции пресловутого "Литературного кружка" не зафиксированы ни в 1912, ни в 1914 г.[40]

Советский период — в описании Никитиной — тоже загадочен. В самом деле, "Никитинские субботники" — не партячейка и не профсоюз, потому нет никаких рациональных объяснений долголетнему и вполне добровольному сотрудничеству литераторов, яростно и непримиримо враждовавших вне объединения. Тех же рапповских "неистовых ревнителей" и "умеренных" перевальцев, например. Да и Луначарский, будучи наркомом, известности в качестве организатора частных издательств не получил.

Сомнительна также история формирования знаменитой коллекции — пресловутый обмен рукописей на машинописные копии. Если Никитина лично перепечатывала рукописи, читавшиеся на каждом "субботнике", то времени на что-либо другое у нее бы просто не осталось, оплачивать же перепечатку из собственных средств для нее было б слишком накладно, кстати, в документации кооперативного издательства подобные расходы не отражены. Что и понятно: вряд ли пайщики кооператива согласились бы тратить немалые суммы только ради поощрения в своей председательнице страсти к собирательству. Стало быть, нашлись иные способы пополнения коллекции.

Наконец, нельзя признать достоверными и опубликованные сведения об организации музея "Никитинские субботники". Разумеется, никитинская коллекция была весьма ценной. Однако до и после Никитиной многие коллекционеры безвозмездно передавали государству не менее ценные собрания. А вот получение через пять лет в качестве ответного дара собственного музея, расширение квартиры и пр. — события экстраординарные. Ссылки на "чудо" тут неуместны. В 1962 г. решение Министерства культуры об учреждении филиала ГЛМ РСФСР и назначении на "руководящую должность" пожизненно не могло быть сюрпризом для назначаемой. Без участия МГК КПСС, а также руководства СП СССР, СП РСФСР и всех полагающихся длительных согласований подобные решения тогда не принимались.

Музей "Никитинские субботники" — достаточно заметное явление в культурной жизни столицы 60-х и начала 70-х годов. Пожалуй, истинная история его создания — архив Никитиной содержит относящиеся к ней материалы — наиболее убедительно характеризует пресловутые "чудеса", как в хронике издательства и объединения, так и в биографии их основательницы. Обратимся к фактам, подтвержденным документально.

В пятидесятые годы Никитина предпринимает попытку "улучшить жилищные условия": после смерти родственников она оказалась в комму-

нальной квартире. Права на получение отдельной квартиры она, согласно тогдашнему жилищному законодательству, не имела, потому Никитина ссылается на необходимость сохранения коллекции документов и библиотеки, имеющих значительную музейную ценность[41].

Ее библиотека и собрание рукописей еще с 20-х годов были достаточно известны в кругах московских коллекционеров. И о собственном музее она думала еще до войны, предлагая учредить "музей советской литературы" на основе той же коллекции[42]. Коллекция росла, состав ее менялся, кое-что владелица продавала, став, можно сказать, постоянным поставщиком Государственного литературного музея[43]. Затем ситуация изменилась, речь шла уже не о благих пожеланиях, а о спасении собранного за тридцать лет.

В коммунальной квартире действительно не было надлежащих условий для хранения, часть собрания Никитина вывезла на дачу, но и дачи она меняла[44]. Проблему следовало решать срочно, и Никитина доказывала, что коллекцию целесообразнее содержать в том виде, в каком та сложилась, поскольку собранными материалами уже пользуются многочисленные исследователи, переезд же обязательно создаст препятствия ученым[45]. При таком положении, по мнению Никитиной, проще расширить ее квартиру и тем заодно избавить ГЛМ от забот по перемещению книг и документов.

Будучи ответственным работником ССП, Никитина прибегает к помощи коллег и старых знакомых, в частности, К.А.Федина, использует его влияние как члена правления ССП[46]. Влияние это растет: в 1958 г. Федин становится академиком АН СССР, в 1959 — первым секретарем правления ССП, в 1962 — депутатом Верховного Совета СССР.

Не забывает она и о рекламе. 28 августа 1954 г. сдан в набор пятый том фундаментальной "Истории Москвы", где в статье А.А.Волкова о литературных организациях 1900—1917 гг. "Никитинские субботники" описываются наряду с хрестоматийно известными объединениями — "Средой" Н.Д.Телешова и "Литературно-художественным кружком". «В 1914 году, — указывает автор, — писательницей Е.Ф.Никитиной было организовано литературное объединение под названием "Никитинские субботники". Его демократизм, заботливость о молодых, начинающих писателях и исключительная энергия председательницы собрали кружок, в котором участвовали более ста московских писателей и литературоведов. Почетным членом объединения был Горький, печатавшийся позднее в этом издательстве. Многие ведущие советские писатели начинали свой творческий путь в нем, выступая на заседаниях субботников и печатая в издательстве свои первые произведения: А.С.Неверов, А.С.Новиков-При-

бой, Л.Сейфуллина, Л.Леонов, Вера Инбер, а также видные литературоведы и театроведы А.В.Луначарский, Н.Л.Бродский и другие были активными участниками субботников. В кружке принимали участие художники, которые делали зарисовки, портреты, шаржи и иллюстрации: К.Ф.Юон, Е.Е.Лансере, Куприянов, Крылов и Соколов (будущие Кукрыниксы) и др. "Никитинские субботники" имели свой орган — альманах "Свиток"»[47].

Приведенный фрагмент, как уже отмечалось, весьма характерен для официальной историографии "Никитинских субботников". Во-первых, ни в 1914, ни в 1917 г. (а именно эти хронологические рамки указаны в статье) такого названия просто не было, поскольку Никитина (урожденная Плотникова) носила до 1919 г. фамилию своего первого мужа — Н.В.Богушевского, о чем свидетельствуют архивные материалы[48]. Писательницей Богушевскую тогда не считали, и перечисленные Волковым литераторы, за исключением Бродского, не имели к ней никакого отношения до 1922 г., когда и был издан первый выпуск альманаха "Свиток"[49]. Во-вторых, численность "Никитинских субботников" достигла указанной в статье только через три года после официальной регистрации "Никитинских субботников", т.е. к 1924 г.[50] Горький же, вообще ни на одном из заседаний не присутствовавший, стал почетным членом объединения лишь в 1928.[51]

Понятно, что автор, не располагая информацией, счел нужным пересказать в общих чертах то, что слышал от основательницы объединения. Аналогичным образом готовились позже и статьи Е.П.Короткова о Никитиной и "Никитинских субботниках" в КЛЭ, что видно по черновым записям, датируемым 1964—1965 гг.[52]

На "Историю Москвы" — довольно авторитетное по тому времени издание — Никитина ссылалась в дальнейшем, добиваясь расширения квартиры для своей коллекции. После XX съезда КПСС и знаменитой речи Н.С.Хрущева о культе личности И.В.Сталина аргументация Никитиной дополнилась еще и ссылками на материалы репрессированных писателей. В 1957 г., когда она официально заявила о безвозмездной передаче государству своей библиотеки и архива, вопрос о хранении, т.е. создании нового филиала ГЛМ, тоже был поставлен официально.

Уйдя на пенсию по возрасту, Никитина частично утратила влияние, связанное со служебным положением, но от задачи своей не отступилась. Федин, поднявшийся на очередную ступеньку служебной иерархии, попрежнему поддерживал Никитину в ее хлопотах, а вместе с первым секретарем помогало (более или менее) все руководство ССП.

Наконец восьмилетние труды увенчались успехом, и понятно, что "чудо", "сюрприз" и т.п. здесь ни при чем. Музей был создан благодаря неукротимой энергии Никитиной, точному политическому и психологическому расчету, упорству и связям номенклатурной собирательницы. В совокупности это вполне можно назвать одной из форм проявления организаторского таланта Никитиной.

О хлопотах, связанных с созданием музея, были осведомлены многие московские литераторы, знавшие новоявленного главного хранителя еще в 20-е годы. Они, конечно же, не могли не обратить внимания на обилие несуразиц в публикациях о "Никитинских субботниках" и "устных новеллах" Никитиной[53]. Однако ни публично, ни в печати никто ей не возразил; во всяком случае, такого рода возражения не зафиксированы документально.

Принимая во внимание связи Никитиной в ССП и ее авторитет в редакциях самых крупных периодических изданий, уместно предположить, что дискуссия в печати вообще бы не состоялась, даже если бы литературоведы и решили поспорить[54]. Кроме того, сыграли свою роль и многолетние дружеские отношения Никитиной с "ветеранами" объединения, на которых она ссылалась, — Арго, В.Е.Ардовым, Н.К.Гудзием, К.Л.Зелинским, В.М.Инбер, О.Г.Савичем, Л.М.Леоновым, П.А.Радимовым, И.Л.Сельвинским и др.[55] Чьи-либо попытки уличить основательницу "Никитинских субботников" косвенно компрометировали бы всех, кого она ранее призвала в свидетели. Без скандала тут бы не обошлось. Да и заслуги Никитиной в том, что касалось сохранения документов, — до организации музея — были бесспорны, каким бы образом она их ни сберегала.

Стоит также учесть, что снисходительность современников в значительной степени была обусловлена и репутацией музея. Сразу после открытия главный хранитель возобновила у себя на квартире (т.е. в помещении музея) еженедельные "литературные собрания" — читательские конференции, выставки художников, скульпторов и т.п. Собрания по традиции именовались "Никитинскими субботниками"[56]. К середине шестидесятых филиал ГЛМ РСФСР превратился в своеобразный "оазис вольности", где собирались неформальные объединения молодых литераторов и художников[57]. И когда тема сталинских репрессий была официально "закрыта", на "субботниках" запрет игнорировали дольше, чем где бы то ни было в государственных учреждениях, проводя вечера, посвященные памяти репрессированных писателей. У Никитиной выступали П.Г.Григоренко, В.Т.Шаламов и другие участники правозащитного движения, что, конечно же, не афишировалось,

но в Москве было известно очень многим. Полемика вокруг "Никитинских субботников" — если бы она развернулась — компрометировала б не только прославленную "собирательницу и хранительницу русской культуры" (как именовали главного хранителя авторы панегирических статей), но и сам "оазис вольности".

Эти факторы, хоть и не были определяющими, но, наряду с указанными выше, весьма способствовали утверждению официальной версии "Никитинских субботников" в 60-е годы. Далее ситуация развивалась по обычной модели, описанной Фединым: "Множество фактов литературной жизни, — сетовал бывший представитель группы "Серапионовы братья", — распылилась отчасти потому, что их никто у нас не собирал, отчасти же потому, что они мешают укоренившейся привычке строить выводы из выводов, пользоваться уже существующими готовыми представлениями, которые одни литературоведы преподают и внушают другим"[58].

Вообще никитинскими "соавторами", подобно Волкову и Короткову, оказались почти все писавшие о музее, издательстве и объединении. Черновики и копии некоторых статей Никитина хранила в личном архиве и часто ссылалась на такого рода публикации[59]. Потому интересны они отнюдь не в аспекте фактографии, а скорее как проявление феномена личности самой Никитиной, ее обаяния, благодаря которому собеседники с готовностью соглашались верить невероятному и не замечать очевидное.

К примеру, Н.Вентова, автор статьи, напечатанной журналом "Москва", утверждает, что Никитина в 1914 г. «окончила Московский университет и была оставлена на кафедре литературы, как тогда говорили, "для подготовки профессорского звания". Ее научные руководители — профессора М.Н.Розанов, П.Н.Сакулин и А.Н.Веселовский» — совместными усилиями создали объединение, позже возглавленное ученицей[60].

Другой автор, опубликовавший пространную статью в журнале "Наука и жизнь", не только почти дословно воспроизводит справку из пятого тома "Истории Москвы", но указывает также, что на "Никитинских субботниках" бывал еще и С.А.Есенин[61].

Р.Корн, считавшаяся своего рода специалистом по "Никитинским субботникам" (ее статьи печатались не только в советской периодике), сообщает в "Вопросах литературы", помимо прочих небылиц, что А.С.Неверов "много лет был постоянным секретарем объединения", хотя обязанности секретаря тот исполнял не дольше трех месяцев, как это видно по архивным материалам[62].

На самом деле "много лет был постоянным секретарем объединения" М.Я.Козырев. Но Никитина избегала упоминаний о нем: расстрелянный

в 1941 г., Козырев даже после реабилитации считался писателем почти антисоветским — из-за неопубликованной антиутопии "Ленинград", над которой он работал со второй половины 20-х годов[63]. Мнение это было неофициальным, и все же Козырева посмертно восстановили в ССП не на исходе пятидесятых, как большинство репрессированных литераторов, а лишь в 1963 г., благодаря хлопотам вдовы и друзей[64].

Рукопись "крамольной" повести Никитина сохранила, но соображения рекламы оказались более существенными, чем уважение к автору, который вел и подписывал в качестве секретаря протоколы собраний с 1924 г.[65] Протоколы же эти Корн, по ее словам, видела неоднократно. Кстати, глава "Никитинские субботники" есть и в книге ее воспоминаний, изданной в 1986 г., где к журнальным ошибкам добавлены новые, например причисление к "неизменным членам содружества", т.е. "Никитинских субботников", К.И.Чуковского, никогда в объединение не входившего[66].

Подобного рода несообразностями изобилует большинство публикаций 1955—1974 гг., воспроизводились они и позже комментаторами, коль скоро шла речь о "Никитинских субботниках".

В связи с этим, завершая предварительный обзор источников, необходимо отметить, что публикации 1922—1932 гг. не дают достаточной информации о работе объединения "Никитинские субботники", а публикации 1955—1974 гг. содержат главным образом сведения недостоверные.

Следовательно, результатом данной работы должно быть описание подлинной, а не фальсифицированной истории "Никитинских субботников" как объединения литераторов и кооперативного издательства, т.е. феномена литературного быта 1910—1930-х годов.

Основной материал — архив "Никитинских субботников" и личный архив председательницы объединения, документы, ранее не вводившиеся в научный обиход.

Правда, Никитина вносила изменения и в музейные документы, когда пыталась приспособить их для пропаганды своей версии. Но делалось это неумело, следы (стирания, зачеркивания, исправления) хорошо заметны, да и сопоставительный анализ документов позволяет установить первоначальный вариант текста.

Изучение деятельности объединения и кооперативного издательства "Никитинские субботники" — проблема, с одной стороны, частная: попытка убрать еще одно "белое пятно" в истории литературного процесса 20-х годов. С другой стороны, на материале "Никитинских субботников" отчетливо прослеживаются генеральные закономерности литературного процесса в указанный период — закономерности, связанные с развитием

и последующей ликвидацией частных издательств. Именно этому и уделяется наибольшее внимание.

В данной работе сочетаются хронологический и проблемный принципы изложения. Соблюдения хронологической последовательности в описании и оценке конкретных фактов требует специфика изучаемого объекта. Проблемный же принцип продиктован самой постановкой исследовательской задачи.

Первая часть посвящена предыстории "Никитинских субботников" — периоду, охватывающему 1912—1920 гг., проблемам типологии литературных организаций 1900—1910-х годов, а также биографии Никитиной. Вторая часть отведена преимущественно истории издательства "Никитинские субботники" — от подготовительного этапа 1920—1921 гг. до выпуска первой партии книг и кризиса 1922—1923 гг. В главах третьей части рассмотрены деятельность объединения и одноименного издательства с 1924 по 1927 г. и проблемы типологии литературных организаций 20-х годов. Главы четвертой части отведены описанию деятельности издательства и объединения в 1927—1934 гг. и анализу причин ликвидации "Никитинских субботников" в контексте литературного процесса того времени. В заключении кратко охарактеризованы этапы формирования "Никитинских субботников", роль анализа деятельности этой двуединой организации для создания целостной концепции литературного процесса 1920—1930-х годов и проблемы источниковой базы.

Материалы "субботников" 1920—1931 гг. для удобства использования вынесены в раздел "Приложения", так же, как и каталог издательства, список публикаций Никитиной, материалы к истории издательства, шуточные стихи и рассказы членов объединения и т.п. Соответствующие ссылки на приложения даны в тексте.

ЧАСТЬ I

ПРЕДЫСТОРИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГРУПП

ГЛАВА 1

Создание легенды

"Никитинские субботники" их основательница считала главным делом своей жизни, и с такой оценкой вполне можно согласиться. История объединения и издательства неотделимы от биографии Никитиной. Однако до 1932 г. биография ее известна лишь по упоминавшимся уже "устным новеллам" и публикациям, т.е. существует в нескольких версиях и вариантах. Потому анализ деятельности "Никитинских субботников" целесообразно начать с жизнеописания Никитиной.

Определить точно дату ее рождения не представляется возможным. К примеру, согласно словарю "Писатели современной эпохи", изданному в 1928 г., Никитина родилась "15 февраля 1893 г.", что не противоречит ЛЭ, но опровергается КЛЭ — "16 (28). II. 1895"[1]. Указанные же источники, в свою очередь, опровергаются материалами архива, хотя и архивные материалы дают разноречивые сведения[2].

Тем не менее, сопоставляя личные документы и дневниковые записи, можно предположить, что Никитина родилась не ранее 1890 г. и не позднее 1891 г. в Ростове-на-Дону. Там она жила до 1907 г., училась в гимназии[3]. Кстати, будущую председательницу объединения звали тогда Евдокией Плотниковой. Именно Евдокией, а не Евдоксией, как она именуется в документах московского периода[4].

В 1960-е годы хранитель филиала ГЛМ неоднократно рассказывала, что осиротела в раннем детстве (мать умерла от холеры, отец ушел), жила в крайней бедности и воспитывалась дальней родственницей — А.Н.Матюшенко[5]. Эта история документально подтверждается лишь отчасти: воспитывали Евдокию Плотникову родственницы по материнской линии — тетка с бабушкой, но они вовсе не бедствовали. Известно также, что Плотникова действительно училась в гимназии, но поступила туда, конечно же, не пяти лет от роду, а своевременно[6].

Лишь отчасти соответствует действительности и рассказ об участии в работе "ученического революционного кружка", конфликте с полицией и переезде в Москву[7]. Слышали его многие, причем еще в 20-е годы. Вошел он и в словарь "Писатели современной эпохи", где о Никитиной сообщается: "В старших классах принимала участие в подпольной ученич. организации. При переходе в 7-й класс была арестована и несколько времени просидела в тюрьме"[8].

Один из ученических кружков Плотникова посещала, но вряд ли его можно счесть "подпольным". С 1870-х годов подобного рода организации — так называемые кружки самообразования или саморазвития — возникали едва ли не в каждой гимназии. Е.Н.Чириков, например, вспоминая о своих гимназических товарищах, писал: «В старших классах мы уже группировались в "кружки саморазвития" и, подчиняясь революционному духу того времени, читали Михайловского, Шелгунова, Миртова, Чернышевского, Писарева»[9]. Возможно, что полиция заинтересовалась этими собраниями, хотя семимесячный арест гимназистки, исключение с "волчьим билетом", о чем повествовала главный хранитель в 1960-е годы, документально не подтверждаются.

Однако известно, что как раз тогда у Плотниковой были трудности с платой за обучение, а ей хотелось попасть в восьмой класс, который считался "педагогическим", — окончившие его имели право преподавать в начальной школе и принимались на Высшие женские курсы (ВЖК). Из Ростова-на-Дону Плотникова уехала по приглашению жениха, Николая Валериановича Богушевского, надеясь с его помощью продолжить образование[10].

В Москве Плотникова училась в гимназии М.Ф.Калайдович и летом 1909 г. вышла замуж[11]. О своем замужестве она напишет в дневнике "Жизнь исковеркана в 18 лет"[12]. Вероятно, в связи с изменением социального статуса поступление на Высшие женские курсы казалось ей проблематичным — такое было не принято. Но в 1910 г. "Евдокия Федоровна Плотникова (по мужу Богушевская) держала экзамен по гимназическому курсу в Лазаревском институте восточных языков"[13]. А в 1910 г. она стала курсисткой[14].

В 1911 г. у Богушевских родился сын Олег (покончил самоубийство в 1931 г.), и вопрос о продолжении образования опять утратил актуальность[15]. Но через год Богушевская вернулась на курсы и в 1914 г. окончила историко-философское отделение[16].

К этому периоду относятся ее первые опыты в области литературоведения и критики: написанное еще в гимназии сочинение об И.С.Ту

геневе она пытается опубликовать в московских журналах[17]. Позже Никитина утверждала, что попытки эти были успешны, соответственно и автор статьи о ней в ЛЭ, Н.Н.Захаров-Мэнский, указывает: "Печатается с 1914 (журн. "Семья и школа", ст. "И.С.Тургенев")"[18]. Однако такой статьи нет в годовом журнальном комплекте. Вероятно, Захаров-Мэнский, состоявший в объединении "Никитинские субботники", поверил на слово председательнице[19].

С 1916 г. выпускница МВЖК, закончив "одногодичные курсы Московского учебного округа для подготовления учителей и учительниц средних учебных заведений", преподавала в Черняевском женском училище[20]. Работала она с энтузиазмом, рамками программы себя не ограничивала, устраивала конкурсы сочинений, тематические вечера, утренники и т.п. — в общем, проявляла присущие ей организаторские способности[21]. Причем именно организаторские: случаи проявления "научных дарований" и связанные с этим "чудеса" не фиксируются документами той поры. Никитина — обычная гимназистка, затем курсистка, потом учительница, и все указанные этапы проходит примерно в том же возрасте, что и большинство коллег. Исключением она не была.

Истоки пресловутых "чудес", что связаны со "сверхранним" поступлением в гимназию и на курсы, выявляются при анализе документов, периодически подававшихся для официальной регистрации объединения и кооперативного издательства "Никитинские субботники" в 1920-е годы[22].

По причинам вполне извинительным — обычное кокетство — Никитина несколько раз меняла в регистрационных материалах дату рождения, не желая официально преступить рубеж тридцатилетия. Вероятно, в соответствующих инстанциях анкетные данные главы издательства не проверяли, и в итоге разница дошла до пяти-шести лет. После ликвидации издательства и объединения это не играло роли, пока в 1960-е годы Никитина, уже как главный хранитель филиала ГЛМ, не решила на экскурсиях рассказывать о себе. Тут могло выясниться, что к 1917 г. председательнице "Никитинских субботников", родись она в 1896 г., не удалось бы закончить восемь классов женской гимназии, МВЖК, одногодичные учительские курсы, да еще и пару лет преподавать в Черняевском училище. И тогда сложились легенды о бедной девочке-сироте, которую за необычайные способности — "чудом" — досрочно приняли в начальное училище, затем в гимназию, о юной революционерке, исключенной из гимназии с "волчьим билетом", но, опять же благодаря "чуду", завершившей среднее и высшее обра-

зование. Аналогичными "чудесами" мотивировалось знакомство с известными литераторами, чьими усилиями и было создано объединение литераторов.

Никаких чудес, разумеется, не было и в последнем случае. Группа, ставшая основой "Никитинских субботников", сформировалась исключительно благодаря организаторским способностям будущей председательницы. На юбилее объединения в 1964 г. О.Г.Савич вспоминал, как шестнадцатилетним гимназистом вместе с друзьями пришел к своему учителю литературы, дабы обсудить программу созданного ими революционного кружка. Однако жена учителя убедила гостей, что кружок литературный куда более соответствует их интересам, и гости с хозяйкой решили время от времени собираться под руководством ее мужа для чтения и обсуждения своих стихов, прозы или тогдашних журнальных новинок. Вскоре вечерние собрания стали довольно частыми, и хозяин дома охотно уступил жене председательское кресло[23].

Савич не указал точной даты, но, вероятно, было это в 1912—1913 гг.[24] О характере тогдашних собраний судить трудно: протоколы, если и велись, не сохранились, а сведения, полученные при анализе воспоминаний участников, отрывочны и противоречивы[25].

Интересно, что на юбилейном заседании 1919 г. начало деятельности организации, созданной Никитиной, было отнесено к 1913 г.[26] Чем мотивировалось такое решение — точно установить нельзя. Но первая из сохранившихся программ "литературных вечеров", или же "литературных собраний", действительно датируется 20 сентября 1914 г.[27] Происходили они на квартире у Богушевских — "Большой Козихинский пер. Д. 3/5 (Чебышевой) кв. 26"[28].

Характеризуя документы 1914-1918 гг., необходимо сделать ряд оговорок. Подлинность некоторых программ вызывает серьезные сомнения: даже визуально обнаруживается, что бумага, карандаш и т.п. явно не соответствуют дате, указанной на программах, относясь к периоду гораздо более позднему[29]. Уместно предположить, что появление такого рода "стилизаций" связано с созданием в 1962 г. музея, который возглавила Никитина. Будучи первым историографом "Никитинских субботников", она в интересах пропаганды музея и ради дополнения экспозиции "восстанавливала" недостающие, на ее взгляд, документы. С учетом того, что документы все же "восстанавливались" по дневниковым записям, сведения, в них содержащиеся, можно считать хотя бы отчасти достоверными.

С 1914 г. литературные вечера проводятся регулярно, посещают их не только учащаяся молодежь, но и преподаватели Московского уни-

верситета, Высших женских курсов и Лазаревского института восточных языков — А.Н.Веселовский, П.Н.Сакулин, Н.Л.Бродский, Ю.И.Айхенвальд и др.[30] И если в 1912 г., по свидетельству Савича, гимназисты составляли большинство на собраниях у Богушевских, то к 1915 г., как вспоминал И.Н.Розанов, "первый гимназический состав схлынул"[31].

Причины изменения состава, которые в 1960-е годы указывала Никитина, не следует, разумеется, принимать во внимание. Надо полагать, маститые ученые и литераторы появились на "вечерах" благодаря связям Богушевского, выпускника Московского университета, продолжавшего не только педагогическую, но и научную работу. Это был круг его коллег, друзей и знакомых[32]. Вероятно, Богушевский же и пытался ввести на еженедельных собраниях академические нормы — подготовку программ, регламентацию выступлений, протоколы и т.п.

Итак, 20 сентября 1914 г. Веселовский, если верить Никитиной, предложил считать участников собраний "литературной группой"[33]. Возможно, что и не предлагал, или предложил не он и не тогда, но в указанный день Веселовский на "литературном вечере" действительно присутствовал. Он, согласно программе, читал доклад "Влияние Мопассана на творчество Чехова"[34]. Никаких иных сведений документы той поры не содержат, да и в программах до 1918 г. сочетания "литературная группа" не обнаружено. Как правило, они озаглавлены "Литературный вечер у Е.Ф.Богушевской"[35].

На следующем "вечере" — 30 сентября 1914 г. — собравшиеся слушали доклад об армянской поэзии, который читал Ю.А.Веселовский (сын А.Н.Веселовского), и стихи Савича, 4 октября обсуждался доклад Айхенвальда "Поэты XVIII в.", 20 октября — доклад Сакулина "Поэты из народа. Самоучки. Самородки", 24 ноября — доклад Бродского "Крепостное право в русской художественной литературе", а в декабре было проведено собрание, посвященное памяти декабристов, на котором с докладами выступили отец и сын Веселовские, Айхенвальд и М.В.Португалов (историк, литературовед, первый директор открытого в 1921 г. музея И.С.Тургенева в Спасском-Лутовинове), Сакулин[36]. Впрочем, участников "литературных вечеров" более интересовал современный литературный процесс[37].

Программы 1915 г. в архиве Никитиной не сохранились, но о тогдашних "литературных вечерах" можно составить представление по записям И.Н.Розанова. Он отмечает, что участников становится все больше за счет начинающих литераторов, читаются и обсуждаются, в основном, их сти-

хи и проза, регламент выступлений уже не всегда выдерживается, да и вообще, некоторый академизм, ранее присущий собраниям, постепенно уходит[38].

Для каждого "вечера" на листе большого формата рисовали программу. Ее уменьшенные экземпляры — машинописные копии — раздавали гостям. Собрание обычно состояло из двух отделений: в первом — выступления поэтов, прозаиков или же доклады литературоведов, во втором — обсуждение, а затем — подготовка программы следующего "вечера". Споры по поводу прочитанного бывали порою весьма ожесточенными, поскольку — счел нужным подчеркнуть Розанов — собиравшиеся "никогда не были кружком или обществом литературных единомышленников. Диаметрально противоположные взгляды исповедывались многими участниками. Всех их связывали только историко-литературные интересы"[39].

Объединенная этими интересами группа друзей и знакомых четы Богушевских еще не имела ни четкой организационной структуры, ни названия. Тем не менее сложился почти постоянный состав, и несколько завсегдатаев "литературных вечеров" — Савич и его друзья гимназической поры — даже предприняли попытку совместной публикации.

В 1915 г. типографией штаба Московского военного округа напечатан сборник стихов и прозы "Альфа". Успехом сборник не пользовался, и сам факт его появления обусловлен помощью извне, но отнюдь не меценатской: заранее оговаривалось, что весь доход от продажи поступит в распоряжение благотворительных организаций[40].

Это — первое и единственное совместное издание, которое выпустили гости Богушевских. Авторами и составителями его были дебютанты: профессиональные литераторы, посещавшие "литературные вечера", в подготовке сборника не участвовали.

В 1916-1917 гг. собрания у Богушевских становятся все более частыми и оживленными, их посещают известные критики и литературоведы того времени. Стали традицией "вечера", посвященные творчеству русских классиков, обсуждаются актуальные проблемы современной литературы, произведения Л.Н.Андреева, Д.С.Мережковского, М.И.Цветаевой и др. Выпускаются рукописные сборники — "Штуковина", "Бутовский вестник" (в Бутове Богушевские снимали дачу, где летом устраивались "литературные вечера") и т.п.[41] По тогдашним программам легко проследить тенденцию: научные доклады, собственные стихи и проза участников читаются все реже, зато в ходу шуточные инсценировки, розыгрыши, буриме, шарады и прочие "салонные игры". Вот несколько примеров.

1) «**31 января 1916 г.**

"Кабаре"

I. Легкомысленное отделение для серьезных людей

1. В поисках счастья.
2. Стихотворение.
3. Инсценировка.
4. Шансонетки.
5. Кинематограф.

II. Проказы "Штуковины"

1. Ода.
2. Лирическая поэма.
3. Стансы.
4. Песнь о вещем Олеге.
5. Неуловимая.
6. Новоявленный лирик или еще одна победа.

III.

1. Словарь местного наречия.
2. Шарады.
3. Телеграммы.
4. Апофеоз.
5. Номера в публике.

Начало в 8 часов вечера»[42].

2) «**15 февраля 1916 г.**

"Вечер женской лирики"

Программа

1. Три победы русской поэтессы.
И.Н.Розанов
2. Волшебный фонарь Марины Цветаевой.
Овадий Савич
3. Стихотворения поэтесс.
Исполняют М.В.Португалов, О.Г.Савич, С.П.Циммерман и др.
4. Прения.

Начало в 9 часов вечера»[43].

3) «**5 марта 1916 г.**

"Сальеризм и моцартизм"

I. Сальеризм читательский
И.Н.Розанов

II. В защиту сальеризма
М.В.Португалов
III. Прения
Начало 10 ч. вечера»[44].

4) «**3 апреля 1916 года.**
I. "О настоящей и будущей радости русской интеллигенции".
По драме Мережковского "Будет радость".
М.В.Португалов
II. Прения»[45].

5) «**31 января 1917 г.**
"Вечер в Александрии"
(..."Как все, живу в Александрии"
Ю.И.Айхенвальд)
И.Н.Розанов
В.Л.Фишер
Ю.М.Соколов»[46].

Статистические данные, характеризующие своего рода "деакадемизацию" собраний, приведены в речи Никитиной на торжественном заседании, посвященном десятилетию "Никитинских субботников": "Количество историко-литературных докладов в 1915 г. — 8, художественных произведений прочитано 18, в 17 г. — 2 и 8, в 18 г. — 3 и 10"[47].

События февральской революции, как и события первой мировой войны, не отразились на тематике "вечеров", возобновившихся не позднее марта. Помимо прежних участников, там, судя по сохранившимся программам, присутствовали художник-кубист и поэт Л.Н.Голубев-Багрянородный, М.Д.Ройзман, М.С.Шагинян и др.[48] Неизменная председательница — Богушевская, многие программы так и озаглавлены: "Собрание литераторов у Е.Ф.Богушевской"[49].

К лету 1918 г. перерывы между собраниями становятся все более длительными, программы готовятся не столь тщательно, затем встречи на квартире Богушевских и вовсе прекратились. Завершился первый период более чем двадцатилетней истории объединения.

Возобновились "литературные вечера" примерно через полгода, в несколько ином составе, и не в Москве, а в Ростове-на-Дону, куда уехала председательница[50]. Но прежде чем перейти к описанию нового периода, целесообразно охарактеризовать почти шестилетнюю деятельность объединения, классифицировать его в ряду прочих.

ГЛАВА 2

«Литературный быт» и литературные сообщества

Эйхенбаум, анализируя проблемы "литературного быта", писал об эволюции различных типов объединений: «Образуются "кружки", "группы", устраиваются собрания, заседания или просто "вечеринки". Эти формы общения меняются, то приближаясь к наиболее "домашним", то развертываясь в сторону большей общественности или публичности — как меняется самый тип литератора, от поэта-дилетанта до журналиста-профессионала, как меняется и сама литература, от альбомной лирики до газетного фельетона»[51].

Работавшие под непосредственным руководством Эйхенбаума М.И.Аронсон и С.А.Рейсер выделяют на материале первой половины XIX в. два основных типа объединения: кружки и салоны. Под кружком подразумевается "небольшое, обычно приятельское объединение, собиравшееся где-нибудь на дому, не зарегистрированное в соответствующих инстанциях, но обычно имеющее, особенно в пределах первой четверти прошлого века, свой устав и ведущее протоколы своим заседаниям"[52]. Такого рода объединение "является как бы кратковременной организацией того литературного молодняка, который, не удовлетворяясь официальной литературой взрослых, пытается разрешить литературные вопросы по-своему". Конечно, — отмечают исследователи, — термины "молодняк" и "взрослые" не следует понимать дословно[53].

Литературный салон, по их мнению, "более чем кружок связан с бытовой обстановкой эпохи, потому что в нем нет твердо фиксированного состава посетителей и нет обязательности его посещения. Тут формы значительно более свободные, чем в кружке". Состав салона "в каждый вечер определяется личным желанием, личными интересами, волею, но не обязательством". Весьма существенная отличительная черта салона — "наличие хозяев. Это сказывается на характере салона в том отношении, что контингент посетителей далеко не всегда объединен общностью ин-

тересов, подобно членам кружка". Соответственно, "в наиболее ярких литературных салонах появляются люди, чуждые вопросам и интересам салона. Зато, иногда, литературные интересы так тесно сковывают небольшое ядро салона, что он несколько приближается по своему типу к литературному кружку". Салоны "работают двояко: в заранее твердо фиксированные дни и просто по вечерам. К первому типу относится салон В.Ф.Одоевского (субботы), ко второму — салон Е.А.Карамзиной". Разновидностью салонных собраний в первой половине XIX в. можно считать и журфиксы известных литераторов, часто обозначаемые установленным днем недели — "среды и воскресения Плетнева, среды Кукольника, четверги Греча, пятницы Никитенки, Жуковского и Воейкова, субботы Аксакова и множество других"[54].

По фиксированным дням недели обозначаются порою и кружковые собрания, но если по отношению к ним упоминание имени основателя (или председателя) — признак факультативный, то для салонов упоминание имени хозяйки (хозяина) — обязательно. Понятно, что функции кружков и салонов различны: "кружок, — полагают Аронсон и Рейсер, — больше связан с писателем, салон — с читателем". Салоны — организации, действующие в рамках традиции, кружки же "сами по себе не знают традиции". Вместе с "изменением литературной системы меняется и литературная функция кружка, изменяется определяющая его целеустремленность"[55].

Эйхенбаум в связи с этим отмечал: "Формы эти, как и все в истории соотносительны — ни одна не пропадает вовсе и не возникает совсем заново"[56].

Кроме салонов и кружков, Аронсон и Рейсер выделяют на материале "литературного быта" первой половины XIX в. и "объединения нерегулярные, случайные, эпизодические" — так называемые "публичные и домашние чтения писателями своих произведений", отмечая, что эта традиция сохранилась[57].

Разумеется, соавторы, описывая объединения прошлого, ориентируются в какой-то мере на современную им эпоху, явно или неявно сопоставляя кружки и салоны исследуемого периода с литературными организациями 1920-х годов и предшествующих десятилетий. Правомерность этого подхода отстаивал и Эйхенбаум: «История, — писал он, — не принадлежит к числу бескорыстных, чисто теоретических наук, если такие науки вообще есть. Кто-то в шутку назвал ее "пророчеством назад". Это вовсе не так странно, как может показаться. Да, мы "пророчествуем назад", чтобы таким образом разобраться в современности, потому что не можем пророчествовать вперед. Мы

ищем в прошлом ответов и аналогий — устанавливаем закономерность явлений. История — особый метод истолкования современности. Так появилась у нас проблема "литературного быта" и, — подчеркивает Эйхенбаум, — книга о литературных сообществах досоветской эпохи»[58]. Вот почему для авторов книги были в первую очередь важны не различия, а сохранившиеся дифференциальные признаки кружков и салонов.

В развитии этих форм можно проследить ряд этапов, связанных с изменением характера литературного процесса.

К началу XIX в. роль журналистики незначительна, потому кружки и салоны обретают необычайную популярность. Но уже во второй трети века они постепенно отходят на периферию литературного процесса, вытесняемые "толстыми" журналами. Именно вокруг журналов и группируются литераторы-единомышленники, кружковая деятельность как таковая — третьестепенна[59]. Тенденция сохраняется до 1880-х годов, когда журналы под давлением цензуры постепенно утрачивают идеологическую определенность.

В 1884 г. закрываются "Отечественные записки", и четыре года спустя А.П.Чехов пишет Я.П.Полонскому о ненужности объединения вокруг "толстых" журналов и стремления публиковаться именно там. Смысл в этом, по мнению Чехова, был, пока "во главе изданий находились люди с ясно выраженной физиономией, люди, вроде Белинских, Герценов и т.п.". А если "вместо литературных физиономий во главе изданий торчат какие-то серые круги", то "разница между самым толстым журналом и дешевой газеткой представляется только количественной"[60].

С падением роли журналов значение объединений — особенно кружкового типа — вновь возрастает. Объединяются не только литераторы, но и художники, актеры, музыканты, жизнь интеллигенции в ту пору буквально пронизана "кружковостью", как отмечает Г.Ю.Стернин[61].

В 1890-е годы объединения активизируются еще более, формируются также и новые, причем не только "домашние", но и официально регистрируемые: Литературно-артистический кружок, Литературно-художественное общество и Русское театральное общество — в Петербурге, Московский литературно-художественный кружок, Московское общество искусства и литературы, Киевское литературно-артистическое общество, Литературно-артистическое общество в Одессе, Харьковский литературно-художественный кружок и т.п.

Впрочем, официальная регистрация, давая ряд преимуществ для совместной издательской деятельности, часто ограничивала свободу регист-

рируемых организаций, о чем писал, например, В.Г.Короленко: "Каждое общественное начинание у нас на Руси рождается с зародышем смертельной болезни. В каждом уставе, подлежащем утверждению, непременно присутствует статья: общество может быть закрыто без суда и расследования, в порядке административного усмотрения губернатором или градоначальником, или министром, а иной раз и просто-напросто любым полицмейстером. Да, в сущности, пожалуй, и всегда судьба каждого общественного начинания зависит от господина полицмейстера, докладывающего по начальству"[62].

Соответственно кружковые объединения тяготеют именно к "домашней" организации, что не препятствует популярности многих из них[63]. Активизируются и объединения салонного типа, к примеру, А.А.Давыдовой, Л.Я.Гуревич, В.И.Икскуль, а затем и Е.А.Нагродской — в Петербурге, В.А.Морозовой — в Москве, А.А.Мысовской — в Нижнем Новгороде и др.

С литературными кружками не следует смешивать уже упоминавшиеся гимназические и студенческие "общества самообразования" или "кружки саморазвития". Правда, эволюция "обществ самообразования" в литературные кружки — тоже достаточно распространенное явление[64].

На рубеже XIX—XX вв. различия кружков и салонов не всегда проявляются достаточно отчетливо, грани размыты, что связано с частым изменением функций того или иного объединения. На основе салонных собраний порою формируются кружки единомышленников, как было с журфиксами у Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус, причем объединения эти непосредственно переходили к совместной издательской деятельности, как это случилось, например, со "средами" В.И.Иванова. «Почти вся наша тогда молодая поэзия, — вспоминал С.К.Маковский, — если не вышла из ивановской "башни", то прошла через нее — все поэты нового толка, "модернисты", или, как говорила большая публика, декаденты, начиная с Бальмонта: Гиппиус, Сологуб, Кузмин, Блок, Городецкий, Волошин, Гумилев, Ахматова, не считая наезжавших из Москвы Брюсова, Андрея Белого, Цветаевой» и многих других. В 1909 г. Иванов перенес собрания, «придав им характер более профессионально-поэтический, в редакцию "Аполлона", для чего было учреждено особое "Общество ревнителей художественного слова"»[65]. Однако "аполлоновское" объединение существовало недолго, распавшись, как и созданная Ивановым "Поэтическая академия", на несколько групп и т.п.[66]

Как типичный литературно-артистический салон начинались и "пятницы Я.П.Полонского". Хозяином салона после смерти поэта в 1898 г.

стал его сын — Б.Я.Полонский. По воспоминаниям В.В.Барятинского, "собрания эти не носили характера профессионально-литературного", но были всего лишь "воспроизведением — в более широком масштабе — вечеринок, устраивавшихся при жизни поэта в его доме". Затем на основе салона возник кружок, возглавляемый К.К.Случевским, и попасть туда могли только литераторы, причем "только после строгой баллотировки"[67]. Велась даже совместная издательская деятельность. После смерти Случевского в 1904 г. объединение сохранилось, и четыре года спустя, как сообщили газеты Петербурга, градоначальником была разрешена официальная регистрация «безуставного общества поэтов и поэтесс под названием "Вечера Случевского"»[68]. На этих "вечерах" литераторы собирались до 1917 г. Сами участники "вечеров" называли объединение "Кружком Случевского". И.И.Ясинский писал о нем: "Был это последний кружок поэтов, дотянувший свое существование до революционного перелома"[69].

В свою очередь и некоторые кружковые объединения трансформировались в салоны или же распадались на несколько автономных организаций. Создавались и своего рода "профессиональные клубы литераторов, художников и артистов" — с неизбежными буфетами, бильярдными и комнатами для карточной игры. Некоторые из них стали, что называется, "хозрасчетными", как, например, организованный в 1902 г. московский Литературный кружок или уже упоминавшийся Московский литературно-художественный кружок (МЛХК)[70]. Кстати, первый параграф утвержденного в 1914 г. Устава МЛХК гласил: "Московский литературно-художественный кружок имеет основной целью способствовать развитию литературы и изящных искусств и ближайшей целью: а) общение литераторов и художников; б) исполнение совокупными силами членов кружка и приглашенных лиц различных сценических произведений, концертов, публичных чтений и т.п.; в) устройство художественных выставок, вечеров, собраний"[71]. Понятно, что для такого рода организаций стремление к некоей идейной общности было не характерно.

Определенная терпимость была свойственна не только центральным, но и провинциальным объединениям. В Самаре, например, местная интеллигенция, вне зависимости от политических или художественных пристрастий, собиралась у К.Н.Позерна, Н.Ю.Босяцкого, В.О.Португалова и Я.Л.Тейтеля, причем на тейтелевских "вечерах", где бывали Горький и Н.Г.Гарин-Михайловский, собиралось иногда до двухсот гостей[72].

Иногда кружковые объединения — при сохранении каждым собственной структуры — группировались вокруг "толстых" журналов: "Детское

чтение", "Русское богатство", "Северный вестник" и др.[73] К примеру, на "субботах" у Д.И.Тихомирова, издававшего "Детское чтение", собирались писатели, объединившиеся еще с 1880-х годов в кружок "Парнас". По воспоминаниям Н.Д.Телешова, "беседа затягивалась обычно до трех ночи. Здесь бывало всего понемногу: и несколько застольных речей по поводу текущих событий, и множество новостей с обменом мнений, а также почти всегда рассказы, потом шутки, стихи и экспромты"[74].

Кружок "Парнас" стал базой знаменитого кружка "Среда", получившего название по дню недели, определенному для общей встречи участников на квартире Телешова. Историограф кружка — Ю.А.Бунин — писал: «В первое время наши собрания носили характер обыкновенных литературных журфиксов. Это было нечто вроде литературного салона, где читались и обсуждались написанные кем-либо из посетителей "сред" Н.Д.Телешова новые беллетристические произведения»[75].

Аналогичные объединения создавались во множестве, но они оказались недолговечны, как, например, московский кружок "Очаг", причину распада которого Ю.А.Бунин видел в том, что «"Очаг" не имел по своей цели никаких специфических особенностей и не отличался от "Среды", кроме некоторой разницы в составе членов»[76]. Состав же "Среды" постепенно, что называется, выкристаллизовался, и участники перешли к совместной издательской деятельности.

Первоначально предполагалось создание или приобретение собственного журнала, но эту идею пришлось оставить из-за организационных и чисто коммерческих трудностей[77]. Потому решено было выпускать сборники, и первая же попытка оказалась удачной[78]. Затем усилиями Горького издательство "Знание" было ориентировано на участников "Среды"[79]. Однако именно "знаньевский" период истории "Среды" завершился распадом объединения — большинство наиболее известных писателей рано или поздно жертвовали групповыми интересами ради сохранения творческой индивидуальности, да и Горький, увлеченный задачами литературно-политическими, не сумел решить чисто коммерческих издательских задач на уровне группы[80]. Он, правда, неоднократно пытался в 1910-е годы "реанимировать" былое "знаньевское" единство, но серьезных успехов не добился[81].

Путь "Среды" в целом типичен для многих писательских союзов самой различной ориентации: от салонных собраний — к кружковым, от группировки вокруг идейно близких журналов — к собственному, далее — выпуск собственного журнала, альманаха или сборника, стремление создать свое издательство. В.Я.Брюсов, например, организует выпуск символистских "Северных цветов", Мережковский, недовольный направлением "Мира ис-

кусства", зовет Брюсова в союзники, затем конкурирует и даже враждует с ним, символисты группируются вокруг издательства "Скорпион" (финансируемого, как и ряд других символистских начинаний, С.А.Поляковым), но, как и те, кто считает их идейными противниками, постоянно полемизируют, интригуют, ссорятся, мирятся, создавая и разрушая все новые объединения, журналы, издательства и т.п.[82]

Г.И.Чулков, к примеру, по поводу подобных ссор и примирений писал, что «все "символисты" и "декаденты" изнемогали в любви-вражде. Все, как символисты, хотели соединиться, и все, как декаденты, бежали друг от друга, страшась, будто бы соблазна, требуя друг от друга "во Имя", этим знанием "Имени", однако, не обладая»[83]. Разумеется, оценка весьма субъективна, но таково мнение современника о тогдашней литературно-бытовой ситуации. Анализ же разногласий символистов или их оппонентов не входит в задачу данной работы.

Помимо соображений идейных, причиной создания, распада и вражды некоторых литераторских союзов была рекламно-коммерческая деятельность. М.П.Арцыбашев, например, прямо говорил о борьбе с засильем "литературных генералов" и в борьбе этой весьма важным оружием считал собственный кружок, куда должны были войти Л.И.Андрусон, В.В.Башкин, Я.В.Годин, А.П.Каменский, В.В.Муйжель, А.С.Рославлев и Ан.Н.Чеботаревская. Арцыбашевым написан и устав кружка, где о целях объединения сообщается лишь, что "кружок собирается для чтения произведений своих сочленов и лиц, приглашаемых бюро", т.е. руководством кружка[84].

Об истинном смысле вскоре распавшегося союза Арцыбашев скажет в письме к Муйжелю: "Одно время все мы были сильны и действительно полезны друг другу именно своей крепкой связью. Среди декадентов, среди хулиганов и генералов мы прошли благополучно и быстро благодаря кружку". А вот "раздробясь, мы уже не сила"[85].

Арцыбашев еще долго не оставлял попыток создать и возглавить объединение для совместного "штурма" книжного рынка посредством серий "ударных" сборников. Удача ему не сопутствовала — автору популярнейшего "Санина" не хватало организаторских способностей, которыми, к примеру, обладали Горький, Брюсов или Гиппиус[86].

Однако идея такого рода "группы взаимной поддержки" соблазняла многих литераторов самых различных направлений. И это вполне закономерно. Наличие или отсутствие идейной общности в данном случае вопрос второстепенный. Существенно то, что объединению в целом гораздо легче привлечь к себе внимание издателей и читателей, чем по отдельности каждому из вошедших в него.

Для "группы взаимной поддержки" наиболее простой способ привлечь внимание публики — противопоставление кому-либо или чему-либо. Это, собственно, обусловлено изначальной целью: новой группе надлежит объяснить, чем она отличается от всех прочих союзов, иначе смысл ее создания непонятен публике. Следовательно, необходим оппонент, противник — реальный или же тот, кого участники объединения сочтут нужным "назначить" таковым. И чем жестче противопоставление, чем ожесточеннее ведется полемика, тем больше она привлекает внимания, тем выше спрос на продукцию полемизирующих.

Об этой тенденции, в частности, писал Андрей Белый Брюсову: "Когда я, так сказать, афишировал свою принадлежность к вашей группе, ряд лиц, с детства меня знавших и близких мне, отступили от меня. Стал я изгнанником, но и к вашему берегу не пристал, потому что нет у вас своего берега, все вы не любите друг друга и соединяетесь только ради совместного нападения"[87].

Тенденция проявлялась более или менее резко, но противопоставление оставалось дежурным приемом. К примеру, даже В.И.Иванов писал о реформированном символизме, пусть и не демонстративно, но все-таки отмежевываясь от предшествовавшей практики[88]. А Н.С.Гумилев, определяя акмеизм как направление, настаивал: "Для внимательного читателя ясно, что символизм закончил свой круг и теперь падает"[89]. Аналогичным образом противопоставляли акмеизм символизму гумилевские товарищи по группе. "Символическое движение в России можно к настоящему времени счесть в главном его русле завершенным", — писал С.М.Городецкий, в устной же полемике он был еще более резок, утверждая, что "отстоять акмеизм" значит "ошельмовать символизм"[90].

Д.Д. Бурлюк и соратники вообще отвергали все и вся: "Только мы лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве"[91]. Без оппонентов или противников мало кто мог обойтись.

Рекламно-коммерческий подход к объединению был свойствен не только литераторам, но и художникам — законы рекламы неизменны на любом рынке. Соответственно тем, кто не принимал в расчет подобные аспекты, причины вражды недавних единомышленников казались надуманными. Б.К.Лившиц, к примеру, недоумевал и в 1933 г.: «Действительно, что разделяло "Бубновый валет" и "Ослиный хвост", или, вернее, что отгораживало Давида Бурлюка от Ларионова и Гончаровой, ибо три этих художника были центральными фигурами обоих враждующих станов? Вопрос об этом я задавал себе и двадцать лет назад, но ответить на него мне было много труднее, чем теперь, когда время многое утрясло и прояснило»[92].

По мнению мемуариста, представители "Ослиного хвоста" могли «сколько угодно возмущаться ненужной, показною, по их словам, борьбой бубновалетчиков со "старым" искусством, попрекать Бурлюка мирнообновленческими (чуть ли не мирискусническими!) тенденциями, восставать против его популяризаторской деятельности, нападать на "Бубновый валет" и "Союз Молодежи", якобы ведущие к застою, — все это было слишком лично, слишком непринципиально, слишком незначительно по сравнению с общностью взглядов и художественных приемов, роднивших оба стана»[93].

Вполне вероятно, что разногласия, которые Лившиц полагал непринципиальными, Бурлюк и Ларионов находили фундаментальными. Но немаловажно и то, что яростные споры "модернистов" способствовали очень быстрому росту популярности обеих групп, о чем, конечно же, знали и Бурлюк, и Ларионов[94]. Проявления откровенной вражды в литературно-художественной среде обычно ассоциируются с публичным скандалом, а скандал, как известно, скорее всего привлекает внимание публики.

Сознательная установка на подобную рекламу характерна в первую очередь для футуристов. Лившиц, вспоминая о подготовке ряда программных документов, указывает, что "не мог преодолеть в себе чувства огромной ответственности за высказывания, призванные в корне уничтожить предварявшую нас литературную традицию", и называет себя "медленнодумом и плохим стратегом"[95]. Зато Бурлюк был хорошим стратегом и тактиком, думал быстро, умело выбирал соратников и меценатов, расчетливо эпатировал публику, нагнетая атмосферу перманентного скандала[96].

Кстати, на уровне "литературно-бытового поведения" в эпатаже едва ли можно видеть проявление чьей-либо индивидуальности. Ни кубофутуристы, ни их эпигоны ничего принципиально нового тут не выдумали, но лишь довели до крайности приемы, использовавшиеся ранее. Современниками же разноцветные кофты и разрисованные лица понимались как предел экстравагантности, имманентной всем "модернистам", в отличие от "буржуазных традиционалистов"[97]. А ругань на публичных лекциях, даже недопитый чай, демонстративно выплескиваемый из стакана прямо в первые ряды партера, воспринимались как экстремальная форма противостояния, т.е. эпатаж в форме агрессии. В конце концов, скандал — аттракцион, потому не целесообразно слишком часто обманывать ожидания публики. В.Г.Шершеневич писал в связи с этим: «Скандал в дореволюционной России был одним из легальных способов "протеста". Скандал был тогда и способом саморекламы»[98].

Потому в литературных эскападах противники редко усматривали личные оскорбления. Футуристы, например, издевались над Брюсовым, Бальмонтом, Горьким, Андреевым, Гумилев именовал футуристов "гиенами", пришедшими на смену льву-символизму, те в ответ называли акмеистов "сворой Адамов", однако до поединков дело не доходило[99]. Чуковский обличал неистовых будетлян, они, в свою очередь, высмеивали пафос обличителя, при этом критик и критикуемые отлично уживались как партнеры в деле взаиморекламы[100].

Любые инциденты, любая ругань в прессе — все шло на пользу, все способствовало успеху, росту спроса читательского и зрительского. Тот же Шершеневич, к примеру, вспоминал, что осенью 1913 г. за вход в артистическое кафе, где планировалось выступление футуристов, "платили баснословно дорого: чуть ли не по 25 рублей", тогда как за кресло в самом престижном "первом ряду Художественного театра" — в пять раз меньше[101]. Не случайно один из рецензентов назвал футуристов "доителями кошельков" одураченной публики, эффективность же пресловутого "доения" во многом обеспечивалась не только нападками на собратьев по ремеслу, не только продуманным и строго дозированным эпатажем, но — и в значительной мере — усилиями авторитетного обличителя — Чуковского[102]. Ну а вне зрительского внимания, не на глазах у публики самые отъявленные "взорвалисты" были достаточно "буржуазны". Экстраполируя ситуацию, можно отметить, что в современной терминологии описанную выше деятельность футуристов определили бы как агрессивный маркетинг.

Из этого, конечно, не следует, что союзы футуристов или их оппонентов были исключительно коммерческими, не творческими. Стоит оговорить еще раз: на типологическом уровне интересны именно организационные и рекламно-коммерческие аспекты, анализ же творчества, равным образом, соотнесение практики и целей, декларируемых в программных документах, не входят в задачу данной работы.

Таким образом, по отношению к периоду, начавшемуся в 1900-е годы и завершившемуся в 1917 г., можно выделить четыре основных типа литературных организаций:

1. Объединения, создаваемые литераторами (профессионалами ли, дебютантами) как своего рода "творческие лаборатории" — для совместного обсуждения написанного. Необходимое условие формирования — идейная общность участников или, по крайней мере, отсутствие существенных противоречий. Организации этого типа функционально соответствуют кружкам предшествующих периодов. Совместная издательская деятельность — если объединение к ней переходит — лишь одна из задач, и не обязательно главная.

2. "Группы взаимной поддержки", формируемые с изначальной установкой на совместную издательскую деятельность. И здесь проблема отсутствия или сглаживания идейных противоречий, что уже отмечалось выше, важна, однако не первостепенна, как для объединений кружкового типа. Подобные организации в более поздний период было принято называть группировками.

3. Литературные, или же литературно-артистические салоны. Тут вопрос об идейном единстве участников обычно не ставился, поскольку состав их определялся не коллегиальным решением, но личным выбором хозяина или хозяйки салона.

4. Профессиональные клубы литераторов, художников и актеров. Для этих организаций терпимость к идейным разногласиям — основное правило.

Разумеется, существовали объединения, которые трудно однозначно классифицировать в качестве кружка или салона, — это явления промежуточные, единичные.

Возвращаясь к "Литературным вечерам у Е.Ф.Богушевской", можно отметить, что объединение первоначально складывалось по модели "кружка литературной молодежи", но быстро трансформировалось в салон — со всеми признаками, свойственными организациям данного типа. О чем, собственно и писал Розанов, характеризуя собрания 1915 г. Кстати, он отмечает, что у субботних гостей Богушевских даже «слово "кружок" было не в обиходе. Говорили просто: будете на собрании у Евдоксии Федоровны? Или: как вам понравилось у Евдоксии Федоровны?»[103].

Профессиональные литераторы бывали у Богушевской вовсе не потому. что ей удалось каким-либо образом создать творческий союз литературных единомышленников, да в том и нужды не было. «От посетителей "салона", — как отмечает В.А.Милашевский, противопоставляя салон кружку, — не требуется единомыслия, каждый сам себе на уме!»[104]. При формировании салона решающее значение имели традиция "чтений" и дружеские отношения с хозяйкой.

Подобных салонов в Москве были десятки, если не сотни, в связи с чем современники не придавали особого значения "Литературным вечерам у Е.Ф.Богушевской" — о них вообще мало кто знал.

Правда, как упоминалось выше, несколько участников этих "вечеров" совместными усилиями составили и выпустили в 1915 г. сборник "Альфа". само название которого можно счесть символом литературного дебюта и указанием на возможность продолжения — серию аналогичных изданий — что-то вроде "от альфы до омеги". Следует ли из этого, что в рамках салона Богушевской сложилось объединение кружкового типа или же "группа взаимной поддержки"?

Нет, сам по себе выпуск сборника для нужд благотворительности — основание, недостаточное для подобных выводов. Во-первых, весьма характерно, что авторы-дебютанты даже не попытались объяснить, чем именно они объединены, кроме общей обложки, чего ради затеяно издание, если, конечно, не брать в расчет чисто благотворительные цели. Такого рода сборники в годы первой мировой войны выпускались постоянно и повсеместно, и почти для каждого из дебютантов они стали всего лишь удобной формой публикации — издать собственную книгу за свой счет обходилось куда дороже. Во-вторых, профессиональные литераторы, посещавшие салон Богушевской, не сочли нужным принять участие в "Альфе", что само собой бы подразумевалось, если б сборник был подготовлен кружком или "группой взаимной поддержки". А для объединений салонного типа совместные издания — редкость, исключение из правила. Потому-то авторы "Альфы" не стремились повторить опыт, о выпуске же альманаха или журнала и речи не было.

Созданное Богушевской объединение так и оставалось салоном — до окончательного распада на исходе 1918 г. И вряд ли единственной причиной распада был отъезд главы объединения: к тому времени ликвидировалось или самоликвидировалось большинство аналогичных организаций в Москве и Петрограде.

ГЛАВА 3

Издательская модель и революционная юстиция

Из Москвы хозяйка салона уехала почти на два года, оставив мужа и, вероятно, сына. Во всяком случае, о пребывании в Ростове-на-Дону сына Богушевской достоверных сведений нет.

О дальнейшей судьбе ее мужа известно очень мало. В годы нэпа Богушевский работал в московских школах, затем, по свидетельству его бывшего ученика, ныне старейшего преподавателя филологического факультета МГУ Н.И.Либана, был сослан и умер в ссылке[105]. Характерно, что Никитина — и в 1920-е годы, и позже — старательно избегала упоминаний о нем. Потому в историографии "Никитинских субботников" сложилась столь странная ситуация: объединение возникает не позднее 1914 г., но почему-то лишь к 1921 г. участники, словно спохватившись, решают назвать его в честь основательницы[106]. Проще, конечно, было бы сказать о "Литературных вечерах у Е.Ф.Богушевской", или же "Субботах у Е.Ф.Богушевской", да только именно это и было нежелательно. Разумеется, о реабилитации Богушевского тоже никто не хлопотал.

В качестве причин своего отъезда Никитина почти полвека спустя называла дефицит продовольствия в Москве и необходимость курортного лечения на юге. Согласно этой версии, она, по дороге на юг, остановилась в родном городе, встретила московских знакомых и восстановила традицию "литературных вечеров", потом, "поехав поправлять здоровье в Крым", была вынуждена задержаться в Новороссийске, там тоже нашла московских знакомых и организовала "литературные вечера", затем вернулась в Ростов-на-Дону, опять организовала "литературные вечера", случайно встретилась с Луначарским и по приглашению наркома вернулась в Москву, где в 1921 г. вновь сложилось объединение "Никитинские субботники"[107].

Версия эта явно нелогична, однако ни в 20-е, ни в 60-е годы председательница объединения не предлагала иной, более достоверной. Подлин-

ные же причины ее отъезда связаны с обстоятельствами семейными и политическими.

Если вспомнить уже цитировавшуюся запись в дневнике Богушевской, то отчасти понятно, почему отношения в семье были изначально, что называется, напряженными. Несколько раз Богушевские разъезжались, точнее, уезжал муж, забирая с собой сына, далее начинался этап примирения, новые ссоры и т.п.

В 1918 г., уже из Ростова-на-Дону Богушевская отправила (вероятно с оказией) письмо коллеге по Чернявскому училищу, пытаясь объяснить свой поспешный отъезд: "Я разошлась со своим первым мужем Н.В.Богушевским. Мой второй муж — Алексей Максимович Никитин. Он был членом Временного правительства (министром внутренних дел) и вследствие этого вынужден был покинуть Москву. Я не хотела оставить его в такую тяжелую минуту, это, во-первых, и, во-вторых, решила заняться устройством своих материальных дел, которые требовали меня в Ростов. Поэтому мы выбрали Ростов местом нашего временного пребывания. Нам казалось, что к осени, во всяком случае, картина правительственная изменится. Мне казалось, что пройдет 1—2 месяца, и я уже могу вновь быть в Москве, у своего дела, но сложилось иначе: Москва больна хронически"[108].

Эта версия убедительней, нежели ссылки на необходимость курортного лечения, и отчасти она даже подтверждается документально. Никитин действительно был министром, Богушевская действительно "разошлась со своим первым мужем", вот только более вероятно, что вторично она вышла замуж не в Москве, а в Ростове-на-Дону. Однако в любом случае у жены Богушевского, пусть и бывшей, оснований для отъезда нашлось бы ничуть не меньше, чем у жены Никитина.

Богушевский, по воспоминаниям Либана, симпатизировал, как и многие интеллигенты, эсерам. Однако в народных комиссарах, после разгона Учредительного собрания, видел узурпаторов и скрывать свое мнение не считал нужным. Подобная позиция была очень опасна, причем опасна и родственникам нонконформиста. Определялось это факторами объективными — направленностью тогдашнего законодательства и спецификой судопроизводства.

21 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров декретировал ранее отмененную смертную казнь для "неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов", а 23 февраля ВЧК объявила о своем праве расстреливать на месте "врагов Советской власти", к которым, помимо перечисленных категорий преступников, относились "саботажники и прочие паразиты"[109]. И быв-

шему министру, и Богушевскому, к сотрудничеству с Советской властью не стремившемуся, могли инкриминировать и саботаж, и контрреволюционную агитацию.

После событий 6 июля 1918 г. — так называемого "левоэсеровского мятежа" — опасность многократно возросла, постоянно шли массовые аресты. 5 сентября СНК принял "Постановление о красном терроре", согласно которому "классовые враги" подлежали "изоляции в концентрационных лагерях", а "лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам, мятежам" — расстрелу[110]. То и другое непосредственно относилось к Богушевскому: как "лицо буржуазного происхождения" его вполне могли причислить к "классовым врагам", равным образом объявить "прикосновенным" к заговору по причине многолетнего знакомства с рядом эсеров. Что до Никитина, то его "прикосновенность" была б сама собой разумеющейся: бывший министр внутренних дел, непримиримый противник большевиков, продолжавший борьбу с ними и после падения Временного правительства, неоднократно подвергавшийся арестам.

За "Постановлением о красном терроре" вскоре последовал знаменитый "Приказ о заложниках" — циркулярное письмо наркома внутренних дел Г.И.Петровского. "Все известные местным Советам правые эсеры, — требовал нарком, — должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел"[111]. И Богушевского, и Никитина это касалось едва ли не в первую очередь.

Концлагерь или заложничество были реальной перспективой для большинства антиправительственно настроенных интеллигентов. К примеру, И.Г.Эренбург писал М.А.Волошину 30 октября 1918 г.: "В сентябре мне пришлось бежать из Москвы, ибо большевики брали меня заложником"[112].

В случае ареста Богушевского или Никитина — по любому из перечисленных выше поводов — почти обязателен был и арест всех совершеннолетних членов их семей. Эта мера практиковалась регулярно — родственникам инкриминировалось недонесение о контрреволюционной деятельности, а подобное правонарушение влекло достаточно суровые меры наказания — вплоть до расстрела[113]. Так, что ни у жены Богушевского, ни, тем более, у жены Никитина не было оснований для возвращения в Москву...

Разумеется, бывшая преподавательница словесности не случайно встретилась в Ростове-на-Дону с московскими знакомыми. Сотни тысяч бежен-

цев стремились тогда покинуть территорию, контролируемую Советским правительством. Среди них было немало и литераторов.

Анализируя причины выезда того или иного писателя из Советской России эпохи гражданской войны, исследователи и мемуаристы, в зависимости от идеологической ориентированности и цензурных условий, ссылаются либо на обстоятельства чисто личные (поиски родственников, с которыми была утеряна связь, необходимость "поправлять здоровье" и т.д.), либо на голод, политические разногласия с правительством и террор[114].

Голод, безусловно, фактор важный, но не решающий. Политические разногласия тоже не помешали многим интеллигентам сотрудничать с новой властью. Массовый исход литераторов из Советской России вызван не только голодом или неприятием большевизма и страхом перед репрессиями. Для большинства самым весомым аргументом в пользу бегства была невозможность жить литературным трудом.

Обусловливалось это не одной лишь изощренностью или особой жестокостью новой цензуры. Меньше чем за год радикально изменился литературный процесс в целом, изменились условия литературного рынка[115].

До прихода к власти Совнаркома ход литературного процесса — на уровне модели — регулировался, как известно, взаимосвязями трех основных составляющих: автора, издателя и читателя. В отношениях с автором издатель был покупателем, а в отношениях с читателем — продавцом. Автору надлежало так или иначе искать своего издателя, в той или иной мере приспосабливаться к его вкусам. Однако издатель, в свою очередь, зависел от читателя, который "голосовал рублем", ограничивая издательский произвол. Отношение издателя к автору определялось результатами этого "голосования", и независимость автора зиждилась на возможности выбирать между издателями.

То, что автор порой выпускал книгу за свой счет или пользовался поддержкой какого-либо мецената, ничего по сути не меняло: любая полиграфическая единица (книга, журнал и т.д.) оставалась товаром, который следовало продать. В конечном счете, профессионал-писатель, живущий литературным трудом, все равно вынужден был ориентироваться на профессионала-издателя, непосредственно связанного с книготорговлей. Правительство же могло сколь угодно ужесточать цензуру, могло финансово поддерживать особо верноподданных авторов, но не имело власти заставить издателя печатать то, что не пользовалось спросом. Независимость издателя от правительства зиждилась на принципе неприкосновенности частной собственности. Издатель, как и автор, обладал правом тор-

говать своим товаром, если тот производился и реализовывался в рамках законов Российской империи. А коль так, то по условиям литературного рынка роль главного арбитра в спорах "книгопродавца с поэтом" отводилась все же покупателю, а не цензору.

Вот эта ситуация и была изменена к исходу 1918 г.: автор утратил независимость, поскольку практически утратил возможность выбирать издателя — правительство в лице государственных учреждений стало основным заказчиком литературно-издательской продукции. Что же касается розничного покупателя, то его мнение уже не было решающим: литература, став государственной, финансировалась из государственного бюджета, соответственно из бюджета и покрывались все убытки. Литературный рынок по сути перестал быть рынком, и авторы оказались в принципиально новых условиях, требующих новых навыков.

"Октябрьская революция, — писал Л.Д.Троцкий в 1922 г., — опрокинула не правительство Керенского, а целый общественный режим, основанный на буржуазной собственности. Этот режим имел свою культуру и свою официальную литературу. Крушение режима не могло не стать — и стало — крушением дооктябрьской литературы"[116].

Известно, что в пределах социума поведенческие модели задаются не только личными пристрастиями — влияют и такие факторы, как действующие законы. В истории литературы исследователи обычно игнорируют эту внебиографическую и, конечно же, внеэстетическую область, поскольку влияние законов опосредованно, и заметным оно становится лишь при радикальных преобразованиях законодательства. Для стабильных социумов такое — редкость.

Однако в истории литературного процесса советского периода указанный аспект весьма важен: с октября 1917 по декабрь 1918 г. правовая база литературного рынка изменилась чуть ли не полностью, радикальными были изменения 1921 г., а также 1930-1932 гг., и юридические новации сразу же проецировались на бытовой уровень. Потому при анализе деятельности каждого литератора по отдельности и литературных групп в целом вполне уместно исследование конкретных законодательных актов и общих установок советского законотворчества. Здесь связь очевидна.

Проблему превращения литературы в "колесико и винтик" государственной (партийной) машины лидеры РСДРП(б) изначально считали одной из самых актуальных[117]. Чисто эстетические аспекты во внимание не принимались, главной задачей было подчинение литераторов правительству. И, абстрагируясь от эмоциональных оценок, стоит отметить, что к решению этой проблемы лидеры партии подошли методологически кор-

ректно, избрав средства, адекватные цели. План был разработан задолго до прихода к власти.

Этим планом не предусматривались меры, подобные упразднению цензуры, законодательно проведенному Временным правительством 27 апреля 1917 г.[118] Напротив, четыре месяца спустя В.И.Ленин иронизировал в статье "Как обеспечить успех Учредительного собрания": «Капиталисты (а за ними, по недоразумению, многие эсеры и меньшевики) называют "свободой печати" такое положение дела, когда цензура отменена и все партии свободно издают любые газеты. На самом деле это не свобода печати, а свобода обмана угнетенных и эксплуатируемых масс народа богатыми, буржуазией»[119]. В качестве способа борьбы с несправедливостью предлагались меры экономические и военные.

К экономическим относилось введение "государственной монополии на частные объявления в газетах", т.е. публикация платных объявлений исключительно в государственных изданиях — дабы лишить "подлую контрреволюционную печать ее главного источника доходов, а стало быть и главной возможности обманывать народ". Военными же мерами были реквизиции: "Государственная власть в виде Советов берет все типографии и всю бумагу, и распределяет ее справедливо: на первом месте государство, в интересах большинства народа, большинства бедных, особенно большинства крестьян, которых веками мучили, забивали и отупляли помещики и капиталисты. На втором месте — крупные партии, собравшие, скажем, в обеих столицах сотню, или две сотни тысяч голосов. На третьем месте — более мелкие партии, а затем любая группа граждан, достигшая определенного числа членов или собравшая столько-то подписей"[120].

Если учесть, что из множества тогдашних партий в перспективе должна была остаться одна, то ей, согласно плану, и отводилось первое (оно же единственное) место, предоставлявшее право на "все типографии и всю бумагу".

К осуществлению плана приступили уже 25 октября 1917 г.: вооруженные отряды под командованием особо доверенных лиц врывались в редакции газет, объявленных контрреволюционными, взламывали склады, останавливали типографии, рассыпали набор и т.п.[121] 26 октября (8 ноября) Военно-революционный комитет принял "Резолюцию по вопросу о печати", предусматривающую "закрытие всех буржуазных газет" (критерий "буржуазности" не описывался), "подсчет типографий и находящихся в их распоряжении рабочих рук" и, конечно, репрессии по отношению к нелояльным[122]. Однако закрыть все сразу не решились — интеллигенция протестовала довольно энергично, и не учитывать общественное мнение было опасно[123].

27 октября Совнарком принял знаменитый Декрет о печати, разъясняющий целесообразность действий правительства: "Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса. Как только новый порядок упрочится, — всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону". До упрочения "нового порядка" закрытию в соответствии с декретом подлежали все "органы прессы:

1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству;

2) сеящие смуту путем явно клеветнического извращения фактов;

3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовного характера"[124].

Что есть "клеветническое извращение фактов" — не разъяснялось в декрете, таким образом этот продукт законотворчества предоставлял цензорам самые широкие полномочия. И цензоры не замедлили ими воспользоваться[125].

Законность их действий окончательно обосновал секретарь Всероссийского центрального исполнительного комитета В.А.Аванесов на заседании ВЦИК 4 (17) ноября, указав, что "новый режим в области печати" неуязвим с точки зрения права, поскольку в новых условиях, т.е. после победы, неприменимы старые понятия "мелкобуржуазных и буржуазных свобод"[126]. По поводу обещания скорой отмены "стеснений печати" позицию правительства недвусмысленно сформулировал Ленин: "Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом"[127].

"Борьба с буржуазной прессой" переходила в завершающую стадию. 5 (18) декабря 1917 г. ВЦИК принял декрет об учреждении при Революционном трибунале особого Революционного трибунала печати. "Ведению Революционного трибунала печати, — гласил декрет, — подлежат преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати". К указанным проступкам относились "всякие сообщения

ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни"[128]. Что есть "извращенные сведения о явлениях общественной жизни", опять не разъяснялось в декрете, потому решение о законности закрытия любой газеты или журнала практически нельзя было оспорить.

4 мая функции Ревтрибунала печати перешли к обычным ревтрибуналам, коим разрешалось (и предписывалось) неограниченное применение любых репрессий[129]. Впрочем, это уже мало что меняло. С 22 февраля — после выпуска известного воззвания "Социалистическое отечество в опасности" — без суда закрывались любые неугодные периодические издания, даже если все там напечатанное разрешалось предварительной цензурой[130]. Процесс шел последовательно и неуклонно: к исходу 1918 г. окончательно закрылись около пятисот газет[131].

И все же волевые решения о закрытии периодических изданий были не самым удобным средством борьбы с независимостью литераторов: применение грубой силы вызывало сопротивление (пусть и пассивное), соответствующим образом настраивало общественное мнение, а это затрудняло использование интеллигенции для решения задач, поставленных правительством[132].

Гораздо более эффективным оказался метод захвата полиграфической базы. В 1918—1919 гг. практически завершилась национализация целлюлозно-бумажных фабрик и типографий — правительство стало монополистом. А значит, любое издание можно было довести до самоликвидации, попросту не продавая издателям бумагу, не разрешая своевременно разместить заказ в типографии или же произвольно завышая цены.

Уничтожая периодику, правительство не забывало и о другом разделе программы — о частных издательствах. Их тоже постепенно закрывали, но тут устремления правительства ограничивались потребностью в книгах — без частников были невыполнимы многие государственные заказы, и правительству приходилось мириться с существованием немногих уцелевших издательских структур.

В свою очередь, издатели пользовались тем, что новая власть, национализировав бумагу и типографии, была не в состоянии даже инвентаризовать полученное. В условиях жесточайшего дефицита запасы неучтенной бумаги оставались на складах, поскольку сотрудники издательских отделов советских учреждений, да и Госиздата не обладали должным опытом или расторопностью, чтобы отыскать их. Часто совслужащие вовсе пренебрегали своими обязанностями: они работали за паек и скудное жалование, и разве что энтузиастов интересовал конечный результат.

Зато у частников энергии хватало. Они ухитрялись находить, а затем выкупать невостребованную бумагу у госучреждений и, добыв разрешение обратиться в типографию, доплачивали рабочим сверх установленной правительством нормы, дабы заказ был выполнен быстрее. У правительства же с печатниками не ладилось постоянно: привыкшие к соответствующей оплате специалисты высокой квалификации не желали соглашаться с тем, что на государство нужно работать чуть ли не даром.

Кстати, госучреждения — даже при согласии своих руководителей — не могли превышать расценки, поскольку этот вопрос надлежало решать централизованно. Только частники позволяли себе действовать сообразно требованиям рынка, ни у кого не спрашивая разрешения. Правда, прибыль, которую они получали, немедленно урезалась налогами, в связи с чем издатели постоянно пребывали на грани полного разорения.

Помимо полиграфических "стеснений" правительство вводило "новшества" и в области авторского права. Так, 29 декабря 1917 г. (11 февраля 1918 г.) на основании декрета ВЦИК были пофамильным списком "национализированы" классики русской литературы — т.е. право на эти издания правительство объявило своей монополией[133]. Идея опять же чисто коммерческая, подсказанная практикой ряда частных издательств. Частники, которых инфляция вынуждала максимально быстро сбывать продукцию, ориентировались на книги, требующие минимальной редакционной подготовки и пользующиеся стабильным спросом — вне зависимости от рекламы. Потому руководство Госиздата решило захватить данный участок рынка, заодно нанеся ущерб "классово чуждым".

В результате изданий русской классики стало гораздо меньше, а уцелевшие частники переориентировались на других авторов, привлекая их по возможности высокими гонорарами. Но правительство и тут попыталось вмешаться. 26 ноября 1918 г. Совнарком постановил:

"1. Всякое, как опубликованное, так и не опубликованное научное, литературное, музыкальное или художественное произведение, в чьих бы руках оно ни находилось, может быть признано по постановлению Народного Комиссариата Просвещения достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Примечание. Таким же постановлением Народного Комиссариата Просвещения могут быть объявлены достоянием Российской Советской Федеративной Социалистической Республики все произведения любого умершего автора.

2. Произведение, объявленное государственным достоянием, может быть размножено и распространяемо только Народным Комиссариатом

Просвещения или другими советскими учреждениями по согласованию с Народным Комиссариатом Просвещения"[134].

Идея, конечно, разбойничья, однако надо отдать должное размаху: правительство разом узаконило присвоение всего, что создано и будет создано, лишая авторов и наследников возможности выбирать издателя. Если толковать шире, авторам и наследникам запрещалась не только продажа, но даже обнародование — хотя бы и бесплатно — того, что ранее им принадлежало: "Самовольное издание, размножение, распространение и публичное исполнение произведений вопреки постановлению настоящего декрета влечет за собой ответственность как за нарушение государственной монополии"[135].

Правительство по собственному усмотрению решало, что из национализированного издавать, когда и сколько платить. Ну а частников можно было использовать для разыскания перспективных в коммерческом отношении текстов. Убедившись, что таковой найден, Наркомпрос согласно декрету изъял бы любую рукопись — в качестве достояния РСФСР.

Предусматривалась также попытка издателей "уйти" в переводную литературу: "Как право перевода, так и сам перевод на русский язык литературных произведений, появившихся на иностранных языках как в пределах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, так и за ее пределами, могут быть объявлены постановлением Народного Комиссариата Просвещения монополией Российской Советской Федеративной Социалистической Республики"[136].

Впрочем, эти намерения законодатели толком не реализовали. Сил Госиздата не хватало даже на выпуск давно планировавшихся книг, потому проблема изучения рыночной конъюнктуры деактуализовалась. Однако характерно, что глобальный план экспроприации интеллектуальной собственности был все же разработан.

Наряду с процессом всеобщей экспроприации шел и процесс накопления управленческого опыта. Опыт подсказывал, что, отобрав средства производства, экспроприаторы часто оказываются не в состоянии продолжить производство, т.е. пользы отобранное не приносит. Следовательно, проще было до поры только руководить и распределять, не занимаясь сложными проблемами производства в условиях дефицита. Но отказаться — даже временно — от идеи всеобщей экспроприации законодатели не желали. Соответственно, Президиум Моссовета принял 23 октября 1918 г. постановление, предусматривающее муниципализацию всех частных издательств и книготорговых предприятий, их складов, магазинов и т.п. Само имущество при этом считалось находящимся в аренде у прежних владель-

цев — до окончательного решения. В своеобразной "аренде" оказались и некоторые владельцы: их объявили служащими Моссовета, ответственными за выпуск планируемых книг. М.В.Сабашников, например, вспоминал в связи с этим: "Я был обязан подпиской продолжать свою издательскую деятельность"[137].

Правда, и тут не обошлось без курьезов: когда по указанию Моссовета 25 октября магазины и склады многих издательств, включая и прямых поставщиков Наркомпроса, были опечатаны, то библиотеки, школы и прочие учреждения ничего не получили по заявкам. Наркомпрос направил излишне ретивым законодателям гневные послания, да и не только Наркомпрос[138]. После долгих препирательств злополучное постановление пришлось отменить. Это, кстати, почти ничего не изменило, поскольку действовало множество аналогичных постановлений, и все, что госучреждения считали нужным присвоить, национализировалось, муниципализировалось или изымалось иными средствами.

В итоге к 1919 г. литераторы как представители "свободной профессии" оказались практически без средств к существованию: в большинстве своем закрылись и периодические издания, и частные издательства. Как известно, те, кто не поступил в госучреждения, обеспечивавшие служащих пайком (пусть и скудным), жили под угрозой голодной смерти или ареста.

"Литература после Октября хотела притвориться, что ничего особенного не произошло и что это вообще ее не касается, — иронизировал Троцкий. — Но как-то вышло так, что Октябрь принялся хозяйничать в литературе, сортировать и тасовать ее, — и вовсе не только в административном, а еще в каком-то более глубоком смысле"[139]. Троцкий не вдается в подробности — нужды нет: современники понимали, что означает "вышло так", и почему именно так, а не иначе.

Законов для управления литературой пока не придумали, зато жизнь литераторов была регламентирована довольно жестко: голодом их приводили к повиновению.

Ко всему прочему добавилась новая угроза — мобилизация на принудительные работы. Утвержденная еще 12 (25) января 1918 г. "Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа" (которую отказалось обсуждать Учредительное собрание) ввела "всеобщую трудовую повинность", а принятая 10 июля 1918 г. Конституция РСФСР (ее 1-й раздел составила пресловутая Декларация) придала трудовой повинности новый статус — элемента основного закона государства[140]. Правда, механизм конкретного применения закона довольно долго оставался неясным, но принятое 10 июля постановление СНК предписало всеобщую мобилизацию в

"тыловое ополчение" всех не занятых на государственной службе мужчин от 18 до 45 лет[141]. А 10 декабря Кодекс законов о труде (глава о трудовой повинности) отождествил понятие "труд" и "государственная служба", обязав работать на государство всех граждан от 16 до 50 лет[142].

Отсрочка предоставлялась лишь беременным ("на период времени за 8 недель до разрешения от беременности и 8 недель после родов"), увечным и больным — после официального медицинского освидетельствования. "Лица, обязанные трудовой повинностью и не занятые общественно полезным трудом, — гласил КЗОТ, — могут быть принудительно привлекаемы местными Советами Депутатов к выполнению общественных работ в условиях, устанавливаемых Отделами Труда по соглашению с местными Советами Профессиональных Союзов". Причины пресловутой незанятости во внимание не принимались. "Трудящийся, не имеющий работы по своей специальности, — указывал КЗОТ, — регистрируется в местном Отделе распределения рабочей силы в качестве безработного", безработный же, "получивший работу не по своей специальности, обязан принять ее, но может заявить о желании исполнять ее временно, до получения работы по своей специальности"[143].

Следовательно, для литератора средних лет, не пожелавшего или не сумевшего поступить на государственную службу, даже если он сохранял (и демонстрировал) лояльность по отношению к Советскому правительству и потому не опасался ареста, даже если он ухитрялся найти какой-то легальный заработок в уцелевших частных издательствах и тем гарантировал себя от голода, все равно оставалась реальной опасность запрета на профессиональную деятельность — посредством "привлечения к трудовой повинности" в любое время — на неопределенный срок. И хоть соблюдение этого закона контролировалось далеко не регулярно, многие полагали, что рисковать не стоит.

Можно, конечно, спорить, насколько целесообразны, уместны или гуманны были тогдашние законы. Бесспорно лишь одно: они существовали. И тем самым создавали объективные факторы, буквально выталкивавшие литераторов (и не только литераторов) из РСФСР. Понятно, что и бегство было сопряжено с риском, но тут каждый выбирал сам. Эренбург, например, тоже вырвавшийся на юг, писал в связи с этим: "От большевизма мы ушли, мы из него вышли, и никакая сила не заставит нас жить от декрета до декрета. Мы бежали не от голода, даже не от палачей из чека, а от прошлого ада, отработанного оброка"[144].

ГЛАВА 4

Никитинские субботники»: возрождение салона

Юг России привлекал тогда многих интеллигентов: к началу 1919 г. белые войска с помощью Великобритании и Франции остановили наступление красных, а с весны положение белых надолго стабилизировалось. Соответственно и у типографий работы стало больше.

"Белые" законы о печати были несравнимы с советскими, что позволяло приезжим литераторам возобновить профессиональную деятельность: выходили десятки журналов и сотни газет различной политической ориентации, издавались книги, альманахи и сборники, а Ростов-на-Дону стал своего рода литературной столицей. К примеру, из журналов, там выпускавшихся, можно назвать такие издания, как "Голос труда", "Донская волна", "Жизнь и литература", "Лукоморье", "Лучи солнца", "Народная мысль", "Орфей", "Пути России", "Радуга", "Родное слово", "Сцена и жизнь", "Театр и экран", "Труд и власть", "Фараон" и пр.[145] То, что в большинстве своем они были недолговечны, значения не имело: с закрытием одних возникали другие. Соперничали с Ростовом-на-Дону Екатеринодар и Новороссийск, тоже давшие пристанище многим интеллигентам. Некоторые из них охотно приняли участие в работе так называемого Осведомительного агентства (Осваг), а затем Отдела пропаганды "Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России А.И.Деникине".

Год спустя бывший осваговец А.М.Дроздов (по тогдашней терминологии — "белоэмигрант", позже — "возвращенец" и благополучный советский писатель) вспоминал: "Интеллигенция пришла к ген. Деникину растерянной, оплеванной, потрясенной, неся в руках разбитые скрижали и все десять заповедей, стертых губкой комиссара Луначарского и замусоленных окровавленными пальцами комиссара Ленина". Правда, — указывал мемуарист, — "в большинстве своем эта интеллигенция была внепартийна — тень и осколок старой

интеллигенции нашей, либеральной и передовой", что "в былые времена вела Россию к светлым дням, к короленковским огням впереди. Социалистическая ее часть должна была молчать; несочувствующие жили в стороне"[146].

Понятно, что на Дону интеллигенция (особенно из числа беженцев) тяготела к привычным формам общения — салонам и кружкам. Постоянным участником собраний одной из таких организаций стал и Дроздов. "Теперь, — писал он, — когда я вспоминаю о ростовском кружке, группировавшемся вокруг Е.Ф.Никитиной, русской феминистки и поэтессы, я вижу ясно, что вовсе не литература была там своего рода синдетиконом, склеивающим нас, но эта исконная тяга интеллигента к интеллигенту"[147].

Дроздов приехал в Ростов-на-Дону в июне 1919 г. Объединение, созданное "русской феминисткой и поэтессой", тогда уже существовало, и председательница успела сменить фамилию, вновь выйдя замуж. О втором муже она старалась не упоминать уже в 30-е годы, как ранее о Н.В.Богушевском. Однако в 60-е годы главный хранитель филиала ГЛМ не могла на экскурсиях избегать вопросов о "семейном положении", потому, словно бы невзначай, сообщала, что муж ее был "известным юристом", к "Никитинским субботникам" отношения не имевшим[148]. Версию эту молчаливо поддерживали и ветераны объединения, хорошо знавшие Никитина.

Он, кстати, был известен современникам не только в качестве юриста и министра внутренних дел, но и как один из меньшевистских лидеров, состоявший в РСДРП с 1899 г., член ЦК, неоднократно репрессированный впоследствии[149]. Конечно, создавая официальную версию истории "Никитинских субботников", глава объединения не могла не избегать упоминаний о нем.

Впрочем, летом 1919 г. Никитин меньшевиком уже не был, да и к другим партиям не примыкал, что, кстати, счел нужным отметить мемуарист-осваговец: "Отошел от политики бывший министр времен Керенского Никитин, посвятивший себя делу кооперации"[150]. В кооперативных начинаниях помогала и жена[151].

На Дону бывший министр и член меньшевистского ЦК оставался фигурой весьма заметной, в связи с чем салон, созданный Никитиной, быстро завоевал популярность. И если в Москве профессиональные литераторы были меньшинством среди участников "литературных вечеров у Е.Ф.Богушевской", то ростовские "собрания литераторов и художников у Е.Ф.Никитиной" или, как их еще называли, "субботы у Е.Ф.Никитиной" посещала тогдашняя художественная элита.

Первая из сохранившихся программ датирована предположительно 7 сентября 1919 г., однако собрания шли еще весною, и к осени группа в основном сформировалась, сложились традиции. "Мы, — вспоминал Дроздов, — собирались по субботам и неизменно в одном составе: Е.Н.Чириков, всегда бодрый, шутливый и ласковый, проф. Ладыжников, Борис Лазаревский, Любовь Столица, худ. И.Билибин, Е.Лансере, Игнатий Ломакин, или граф Ломакин, прозванный так за внушительную свою внешность, зычный голос и светскую изысканность за столом, я, художник Голубев-Багрянородный, Е.Ф.Никитина, супруг ее, министр времен Керенского, о котором я уже упоминал. Постоянно бывали дочь Чирикова, молодая художница Людмила Евгеньевна, и жена его, актриса Иолшина. Это было ядро. Остальные приходили как гости: художники, литераторы и актеры, забредавшие в Ростов, а изредка, как лакомое блюдо, заезжавшие из Европы политические деятели"[152].

Здесь мемуарист не вполне точен: названный им в числе прочих безвестный "проф. Ладыжников" был на самом деле довольно известным тогда писателем В.Н.Ладыженским, впоследствии тоже эмигрантом. Кстати, посещали собрания не только "художники, литераторы, актеры" вкупе с "политическими деятелями", но также коллеги Дроздова, Чирикова, Ломакина, Билибина и Лансере по Освагу — полковники К.Г.Житков, Б.А.Энгельгард и др.[153]

Если верить программам и воспоминаниям Дроздова, обстановка на "субботах у Е.Ф.Никитиной" была типично салонной. Сначала кто-нибудь из литераторов что-либо читал, затем "спорили о прочитанном, художники зарисовывали читавших", после чего "переходили в столовую" и продолжали беседы "за ужином, за пирогами и печеньями, на которые Е.Ф. была великая мастерица"[154].

Для каждого собрания готовилась программа в рисованной обложке, по образцу прежних московских. Большинство обложек — работы Голубева-Багрянородного. 14 сентября 1919 г. участниками объединения проведена его выставка, причем каталог выставки отпечатан в типографии, т.е. планировалось значительное количество посетителей[155].

26 октября под председательством Никитиной прошло собрание, посвященное юбилею объединения, заново организованного ею: ростовские "субботы", несмотря на обновление состава, решено было считать продолжением московских "литературных вечеров". На торжестве принято и новое название группы — "Никитинские субботники", предложенное Чириковым[156]. К тому времени документация объединения ведется вполне упорядоченно: к программам прилагаются протоколы, в которых, кроме фамилий выступавших и тем, обсуждавшихся на собрании, указаны

фамилии слушателей[157]. Выпускается также рукописный журнал "Ежевозможник Пенептикон", где, по словам Дроздова, "художники набрасывали карикатуры, концовки и зарисовки, а писатели писали все, что им вздумается"[158].

Рукописным журналом участники собраний не собирались ограничиваться. "Возникла, — пишет Дроздов, — мысль открыть свое книгоиздательство, и пошла возня в Осваге с просьбой отпустить бумагу. Думали выпустить литературный альманах, книги отдельных авторов, сказочки для детей. Всему этому не суждено было сбыться: удалось только выпустить книжку со сказками Е.Чирикова, Л.Столицы, моей, Б.Лазаревского и Е.Никитиной и книжку стихов Е.Ф.Никитиной", но эти книги появились в канун занятия большевиками Ростова[159].

Ссылка на "возню в Осваге" тут очень характерна: если бы просьба была исполнена, бумага досталась бы по льготной цене, а то и даром. Но, похоже, осваговское начальство не сочло нужным субсидировать очередную инициативу, не связанную непосредственно с пропагандой "белого дела". Затея же с альманахом была с самого начала бесперспективна: авторов такого рода изданий должно объединять нечто большее, чем еже-субботнее совместное посещение салона. С "книжкой стихов Е.Ф.Никитиной подобных проблем не было" — она издавалась на средства автора, убытки предусматривались[160]. А вот сборник сказок мог бы иметь коммерческий успех — детские издания тогда стали редкостью. Книга, собственно, и была задумана лишь прибыли ради, но красные уже подошли к городу, и коммерческие задачи утратили актуальность[161].

Последний "субботник" 1919 г. состоялся 14 декабря. Согласно программе Никитин читал свои "Воспоминания о перевороте 25 октября 1917 г. в Петрограде"[162]. "Я сидел возле стола, — пишет Дроздов, — и смотрел на широкое умное лицо бывшего министра; его ровный спокойный голос казался жутким: он пережил дворцовую осаду, но осаду города Ростова ему не удалось пережить — вместе с кооперативными деятелями Никитин, не успевший бежать из города, был расстрелян большевиками"[163].

Дроздов ошибся — чета Никитиных вовремя покинула Ростов-на-Дону, взятый Красной Армией, а "Никитинские субботники" возобновились в Новороссийске, куда переехали и другие участники объединения — те, кто не эмигрировал. Первая из сохранившихся программ датирована 16 января 1920 г.[164].

Красные подходили все ближе, из Ростова-на-Дону и других городов прибывали толпы беженцев, шла подготовка к эвакуации, но Никитины так и не эвакуировались. Полтора года спустя — на семилетии объедине-

ния — председательница "Никитинских субботников" вспоминала: "Еще были белые, но кругом уже зеленые, ждали красных". И тут опять «образовалась семья "субботников". Полуразрушенный холодный номер в гостинице, где примерзала по ночам голова к подушке, становился все более уютным, число собравшихся все более увеличивалось»[165]. Потом оно уменьшилось — началась эвакуация, беженцы грузились на корабли. Кто-то из никитинских гостей эмигрировал, а Никитины — то ли не успели, то ли не захотели.

Судя по протоколам, в Новороссийске было тринадцать заседаний, последнее — в апреле, но, если верить одному из писем Никитиной, она с мужем вернулась в Ростов-на-Дону еще в марте[166]. И там опять воссоздала "Никитинские субботники".

Первая из сохранившихся аутентичных программ датирована 1 мая 1920 г.[167] К этому времени формирование организационной структуры "Никитинских субботников" почти завершилось. Был разработан регламент собраний, принят устав, определен порядок приема в объединение[168]. Планировалась также совместная издательская деятельность — на собраниях обсуждались проекты официальной регистрации артели "Забава и наука"[169]. 7 августа объединением была проведена выставка работ академика А.А.Абашина — вместе с Голубевым-Багрянородным и Лансере[170]. На заседаниях выступали как прежние, так и новые постоянные участники: Н.Л.Бродский, О.Г.Савич, А.М.Евлахов, С.С.Ольденбург, Рюрик Рок и др.[171]

Сама же Никитина, согласно ее собственной версии, вернувшись в Ростов-на-Дону, читала в тамошнем университете курс лекций по "новейшей русской литературе"[172]. Документально это не подтверждается, но вполне вероятно, что московская словесница нашла работу по специальности. Необходимость поиска средств к существованию могла возникнуть хотя бы после ареста мужа. Экс-министра арестовали еще в мае, инкриминировали сотрудничество с белыми и отправили в Москву, где Никитин был приговорен к расстрелу, замененному пятнадцатилетним лишением свободы.

Неизвестно, подвергалась ли Никитина репрессиям, не вполне ясно, как сумела сохранить объединение. Соответствующие источники не обнаружены, догадки не продуктивны: всякое тогда случалось. Да и в Ростове-на-Дону созданное Никитиной объединение не мешало "культпросветорганам советской власти", напротив — активно с ними сотрудничало. Однако вскоре объединение распалось, поскольку председательница покинула Ростов-на-Дону — последний из сохранившихся протоколов датирован 1 сентября 1920 г.[173]

О причинах переезда Никитина рассказывала в 60-е годы. Согласно этой версии, Луначарский, прибывший в Ростов-на-Дону, посетил университет, случайно зашел на лекцию Никитиной, восхитился и предложил ей работать в Москве. Он же организовал переезд — по тому времени задача довольно сложная. Так ли было — трудно сказать. По документам видно лишь то, что летом 1920 г., после ареста мужа Никитина — "инструктор отдела Единой трудовой школы НКП" в Ростове-на-Дону и "лектор рабфака Донского университета"[174]. Вполне вероятно, что "трудоустроил" ее кто-либо из сотрудников Наркомата просвещения, хотя документально это, опять же, не подтверждено.

Зато в личном архиве Никитиной сохранился черновик письма Луначарскому: жена бывшего министра просила наркома помочь ей получить командировку в Москву, дабы навестить Никитина, старого социал-демократа, несомненно известного Луначарскому[175]. Командировку она получила, а вскоре и переехала в Москву окончательно: причем сумела вывезти библиотеку и архив объединения[176].

Кстати, многие участники "субботников" тоже отправились домой, приняв это решение вполне самостоятельно и не ссылаясь впоследствии на подсказку наркома. С некоторыми председательница встретилась в Москве, где опять возродилась традиция еженедельных собраний.

Подводя итоги "южного" периода истории "Никитинских субботников", следует отметить, что в объединении, дважды за два года распадавшемся по причинам объективным и дважды формировавшемся заново благодаря целеустремленности Никитиной, менялся лишь состав участников. Функционально же оно оставалось салоном, подобно "литературным вечерам у Е.Ф.Богушевской". Правда, после того, как "Никитинские субботники" сформировались уже на советской территории, наметилась тенденция преобразования салона в своего рода профессиональный клуб под председательством Никитиной. Но по сути это ничего не изменило: еженедельные собрания для их участников относились — как и прежде — к области досуга, а не профессиональной деятельности.

Соответственно, попытки выпуска альманаха, сборников и т.п. не имели успеха по причинам скорее субъективного характера — участникам не хватало энтузиазма. Каждый из профессиональных литераторов по отдельности справлялся с коммерческими задачами удачнее, нежели все вместе, а общие литературные цели посетители "субботников" не ставили. Если в чем они и были бесспорно едины, то лишь в стремлении покинуть территорию, контролируемую СНК. Для создания группы литературных единомышленников этого оказалось мало.

ЧАСТЬ II

ОТ САЛОНА К ПИСАТЕЛЬСКОМУ КООПЕРАТИВУ

ГЛАВА 1

Второй дебют

Осенью 1920 г. Никитина вернулась в Москву. Ей пришлось все начинать заново: искать и жилье, и работу. Нужно было также продолжать хлопоты о муже, да еще и принять меры, чтобы самой избежать ареста, поскольку оснований для этого по-прежнему хватало, хоть наркомпросовская помощь и сыграла определенную роль — лояльность недавней беженки была подтверждена.

С бытовыми трудностями Никитина справилась, предстояло вернуться к главному делу жизни — салону. Первый протокол московских собраний датирован 9 октября, и среди присутствовавших — секретарь ЛИТО Наркомпроса А.М.Росский. Затем к возродившемуся объединению присоединились, так сказать, ветераны — И.Н.Розанов и Н.Л.Бродский[1].

Постепенно возвращаются в Москву другие участники былых "литературных вечеров", собрания становятся регулярными и все более многолюдными. Согласно докладу председательницы на семилетии "Никитинских субботников" — 22 октября 1921 г. — объединением "с октября 1920 по октябрь 1921 гг. проведено 31 собрание, из них два — тематические вечера Пушкина и Блока", обсуждено "пятьдесят два выступления, из них 12 историко-литературных докладов, 139 стихотворных, одиннадцать прозаических и пять драматических произведений"[2]. Кроме того, совершены три литературные экскурсии — в Остафьево и Кусково (дважды) — и два коллективных посещения театра "Габима" — доклад о его работе прочитал на собрании "Никитинских субботников" Н.Л.Цемах[3]. На "субботниках" выступали Б.М.Зубакин, Л.П.Гроссман, Н.К.Гудзий, В.А.Луговской, А.В.Луначарский, П.Н.Сакулин, С.В.Шувалов и пр.

Отметим, что быстрое возрождение салона в Москве и столь высокая активность обусловлены обстоятельствами весьма специфическими. С окончанием гражданской войны издательская ситуация почти не измени-

лась и литераторы-профессионалы были по-прежнему практически лишены возможности печататься. Продолжался легендарный "кафейный" период истории русской литературы (охотно описывавшийся позже мемуаристами), но выступления в артистических кафе не заменяли иных форм литературной жизни, опять же, далеко не все из написанного соответствовало литературным программам кафе и вкусам тамошней публики. Вот почему кружки и салоны вновь обрели популярность, никитинский салон вновь стал одним из многих тогдашних, позволявших (пусть лишь отчасти) восполнить дефицит общения литераторов. Что, кстати, и видно по октябрьскому отчету Никитиной.

Сорок пять лет спустя академик (действительный член Академии педагогических наук СССР) В.В.Голубков вспоминал: «С Евдоксией Федоровной Никитиной я познакомился в 1920 году. Так как она интересовалась тогда работой со взрослыми, я пригласил ее преподавать литературу на Пречистенских рабочих курсах, а вместе с тем принять участие в подготовке литературной хрестоматии, задуманной словесниками-пречистенцами. Редактором хрестоматии согласился быть Лебедев-Полянский. Был составлен подробный план выпусков, подобран материал, но дело приостановилось, кажется, из-за отсутствия бумаги. Я стал бывать на "Никитинских субботниках", начиная с 20-го года и кончая настоящим временем»[4].

Описывает Голубков и регламент "Никитинских субботников": «Собирались к 7-ми часам. Основной состав — постоянные члены "Никитинских субботников", но с согласия Евдоксии Федоровны или по ее приглашению бывали и другие посетители. Обычно в 7 часов объявлялась повестка: научный доклад или чаще чтение автором нового, еще не напечатанного его произведения — рассказа, стихов. После доклада было обсуждение. Застрельщиком в прениях чаще всего был С.В.Шувалов. Спокойно, не волнуясь, он давал оценку прочитанному произведению, отмечал и сильные и слабые его стороны. За Шуваловым выступали другие участники собрания. Прения иногда принимали острый характер, но всегда в пределах "академического" приличия, без грубости, без оскорбительных личных выпадов»[5].

Голубков, выступая с этими воспоминаниями на одном из собраний "Никитинских субботников" в 60-е годы, старался не отступать от версии, которую создала главный хранитель музея. Но по крайней мере один раз проговорился: работу для Никитиной нашел не Луначарский, а знакомый ее старых друзей — Бродского и Розанова. И объединение возродилось тоже отнюдь не стараниями наркома: "Меня, — пишет Голубков, — всегда восхищала необычайная энергия, с какой Евдоксия Федоровна, раз

поставив перед собой определенную цель еще в далекой молодости, осуществляла ее в течение не одного десятилетия"[6].

Салон долгое время был целью самодостаточной: никакой практической выгоды Никитина от еженедельных субботников не получала, зато расходы, причем не только времени и энергии, были немалыми, ведь в голодные 1920-1921 гг. угостить собравшихся даже чаем — дело не простое. А у Никитиных собрания были многолюдны, и угощали не только чаем. Но вот наконец и в Москве была поставлена задача коммерческая: организовать издательство. И эту задачу Никитина тоже решила без помощи Луначарского — тут помог муж.

Никитин появляется на собраниях осенью 1921 г. — его освободили в связи с помилованием[7]. Гуманность в данном случае ни при чем: просто планы правительства изменились. В 1920—1921 гг. планировался суд над партиями меньшевиков и эсеров, затем круг обвиняемых решено было сузить — дабы избежать лишних конфликтов с международным социал-демократическим движением[8]. Суд над меньшевиками отложили на неопределенный срок, нескольких арестантов выпустили, а фальсифицированный "процесс правых эсеров" состоялся, как известно, в 1922 г.[9]

Отпускали, конечно, лишь наиболее известных социал-демократов, об участи которых тревожились авторитетные друзья и знакомые — не только за границей, но и в России. Вероятно, хлопотал за бывшего министра Луначарский, да и кроме наркома нашлись заступники среди "большевиков с дооктябрьским стажем", многим Никитину обязанных.

В.А.Антонов-Овсеенко, например, был обязан ему жизнью. В 1906 г. Антонов-Овсеенко (тогда тоже меньшевик), приговоренный к смертной казни за участие в вооруженном восстании, бежал из тюрьмы и добрался до Москвы, где обратился за помощью к товарищу по партии — присяжному поверенному Никитину. По рассказу Е.А.Ананьева, Никитин «поместил его в публичном доме, находя, очевидно, это убежище наиболее верным. Об этом последнем обстоятельстве, — добавляет Ананьев, — Овсеенко рассказывал мне как-то застенчиво и с некоторой долей отвращения. (Впоследствии, когда мы с ним увиделись в 21 году, он, против всякой логики, ставил в вину Никитину то, что тот поместил его в вышеуказанном "злачном месте".) По иронии судьбы это был тот самый Никитин, которого он арестовал в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства»[10]. Аналогичных историй о спасенных (пусть и не столь экстравагантным способом) беглецах за Никитиным числилось в избытке, не говоря уж о помощи политическим заключенным, ссыльным и т.п.

Именно с возвращением Никитина связано начало подготовки объединения к издательской деятельности. Инициативу, конечно, проявила председательница "Никитинских субботников", и по ее просьбе муж решал административные проблемы: вел переговоры с московскими типографиями, изыскивал бумагу и т.п.

Трудно сказать, насколько прочие посетители "субботников" были осведомлены о работе Никитина — впервые проблему собственного издательства коллективно обсуждали 15 октября 1921 г., когда подготовка почти завершилась. Кстати, Луначарский на том собрании не присутствовал, о наркоме вообще не вспоминали, а ведь непременно должны были б вспомнить, предложи он помощь[11].

Участники объединения могли рассчитывать лишь на себя. Потому В.Г.Вешнев, опытный журналист, хорошо знавший конъюнктуру, и предложил поставить на голосование вопрос о принципиальной желательности совместной издательской деятельности, о согласии каждого тратить время и деньги на предприятие, успех которого проблематичен.

Характерно, что вопрос об идейной общности будущих издателей опять не ставился. Потому как нужды в ней опять не ощущалось.

Литераторы, получившие известность в предреволюционные годы, стремились обрести утраченный статус "лиц свободной профессии", избавиться от унизительной необходимости отрабатывать паек в государственных учреждениях, дебютантов привлекала возможность публикации. Собственное издательство мыслилось в качестве привычного средства решения подобного рода проблем. А достаточно длительный (по меркам революционной эпохи) опыт общения был некоторой гарантией того, что в салон не попали мошенники, надеющиеся на легкую поживу. Своего рода гарантом был и сам Никитин — высококвалифицированный правовед, чья порядочность не ставилась под сомнение, признанный специалист в вопросах кооперации. Однако организация собственного издания, как и любое коммерческое начинание в РСФСР, было занятием весьма рискованным, что признавали все гости Никитиной.

ГЛАВА 2

Тупик революционной юстиции

Опасения издателей-частников были, конечно, связаны не только с производственными трудностями. Политическая обстановка тоже не внушала уверенности. Вопреки ожиданиям, правительство в 1920—1921 гг. продолжало наступление на частные издательства, используя уже существующую правовую базу и вводя новые ограничения.

Книжный дефицит при этом продолжал расти, хотя производство и распределение бумаги давно централизовали, а Госиздат, образованный по постановлению ВЦИК от 20 мая 1919 г., контролировал все и вся[12]. Частные издательства привлекались Госиздатом и Наркомпросом лишь для решения неотложных задач, однако это вызывало недовольство партийной элиты, поскольку противоречило основным идеологическим установкам.

Луначарский и руководивший Госиздатом В.В.Воровский часто полемизировали с "товарищами по партии", поскольку не видели реальной возможности полного отказа от услуг частников. 24 февраля 1920 г. Луначарский писал Воровскому: "Мне кажется, что сейчас отнюдь не своевременно закрывать последние большие книгоиздательства. Если тяжелое время в смысле бумажного и типографского кризиса продолжится, то, я думаю, мы ничего не выиграем от умерщвления частной инициативы, которая хотя как-нибудь умеет бороться с тяжелым временем и все-таки больше помогает, чем вредит работе Государственного Издательства"[13].

О катастрофическом положении в этой облас[ти с]видетельствует и декрет СНК от 20 апреля 1920 г.: "Все запасы книг и иных печатных произведений (за исключением библиотек), принадлежащие как частным лицам, так и равно кооперативам и всяким иным организациям и учреждениям, а равно и муниципализированные советами, объявляются собственностью государства (национализируются)". Исключение, согласно декре-

ту, составляют только "аппараты производящие (книгоиздательства частные или кооперативные, литературных и просветительских обществ), запасы которых на общих основаниях поступают в Наркомпрос через его органы". Разумеется, предусматривались и репрессии: "Владельцы и кооперативные организации, виновные в сокрытии запасов книг и иных печатных произведений, предаются суду"[14].

В общем это было вполне последовательное решение. Обосновав еще в 1918 г. необходимость "изъятия продовольственных излишков" у крестьян, правительство аналогичным образом боролось и с другими видами дефицита, правительством же инспирированного[15]. Кстати, декрет лишь упорядочил процесс "перераспределения" книг, начавшийся едва ли не 25 октября 1917 г., и это была не первая попытка упорядочения: еще 26 ноября 1918 г. СНК указывал, что "реквизиции библиотек, книжных магазинов, книжных складов и вообще книг" надлежит проводить только с согласия Наркомпроса"[16]. Разница была лишь в том, что теперь представители госучреждений на абсолютно законном основании изымали и личные библиотеки.

Очередные реквизиционные новшества не изменили положение, но правительство все более ужесточало политику по отношению к частникам, намереваясь превратить Госиздат в супермонополиста. Идея эта пропагандировалась весьма активно.

В июле 1920 г. выходит первый номер "Книги и революции", и этот "ежемесячный критико-библиографический журнал" становится своего рода рупором Госиздата — именно на страницах "Книги и революции" госиздатовское руководство постоянно утверждает свое право на монополию.

Так, В.А.Быстрянский, автор статьи "Государственное издательство и его задачи", пишет: «За уничтожением господства капитала над производством материальных благ и национализацией промышленности неизбежно должно было последовать уничтожение его власти в области духовного производства. Уничтожена власть капитала над печатью. Нет больше "свободы печати", как называлась в капиталистическом обществе "свобода" — подкуп печати капиталом». Соответственно, — полагал автор, — "капитал, лишившись своих экономических и политических позиций в России, должен быть вытеснен из области интеллектуального производства, из издательства книг и брошюр. Государство берет в свои руки все воспитание трудящихся, рабоче-крестьянская власть берет на себя дело их политического просвещения, она берет на себя и удовлетворение их духовных потребностей. Национализируется печать, национализируется издательское дело, национализируются театры".

Завершить этот процесс, по мнению Быстрянского, следовало как можно скорее — и для освобождения литераторов, порабощенных "издателем-книготорговцем", и ради "высших запросов духа", коими издатели пренебрегали в угоду "требованиям рынка". А Государственное издательство, — доказывал Быстрянский, — порабощать никого не будет, поскольку оно "не руководствуется интересами прибыли" и "не угождает моде", но "может развивать свою деятельность по определенному плану, имея в виду поднятие масс на высший уровень духовного развития".

В том же номере журнала И.И.Ионов потребовал для нужд Госиздата действительно полной и окончательной "милитаризации бумажных фабрик и типографий", причем "со всеми вытекающими отсюда последствиями"[17]. Что фактически и означало ликвидацию частных издательств посредством лишения полиграфической базы и сырья.

Окончательно вопрос о существовании частников должен был решить VIII Съезд Советов в декабре 1920 г. 17 декабря собравшаяся в Москве Первая конференция кооперативных издательств обратилась к А.В.Луначарскому с письмом, где указывалось: "Стеснение в пользовании денежными средствами, задержки платежей, затруднения при выдаче разрешений на печатание книг, реквизиции бумаги, закрытие типографий и изъятия из них рабочей силы не внушали бы общей тревоги, если бы в конце концов не последовали заявления со стороны руководителей Государственного Издательства, что кооперативы писателей должны отказаться от издательских функций и весь свой издательско-технический аппарат передать Государственному Издательству. Таким образом, кооперативные издательства оказались перед перспективой своей принудительной ликвидации"[18].

Поскольку гражданская война уходила в историю, рвущееся к монополии руководство Госиздата сочло нужным обосновать свои притязания не только идеологически, но и экономически. Например, в брошюре "Государственное издательство. Отчет на 1-е декабря 1920 года. Москва", выпущенной для делегатов VIII Съезда Советов, сообщалось: "Одним из тяжелых вопросов, который пришлось решать Госиздату, был вопрос о частных книгоиздательских фирмах. Бесспорно, принципам советского строя соответствует признание права на свободное издание всяких произведений, если только в них нет ничего противоречащего принципам самообороны рабоче-крестьянской России. Но в настоящее время необходимость самой суровой экономии бумаги и типографских средств заставляет идти в этой области на большие ограничения"[19].

Логика тут явно хромала: частников потому и терпели ранее, что без них нельзя было обойтись в условиях полиграфического дефицита. Дабы сгладить противоречие, в отчете пояснялось: пользы от частных издательств нет вовсе, а не ликвидировали их до сих пор, потому как предполагалось, "что они привлекут свежие литературные силы и помогут созданию общеобразовательной и научной литературы". Надежды эти, по мнению руководства Госиздата, не сбылись: «Большинство частных фирм некоторое время существовало преимущественно переизданием старых работ. Госиздат отпускал бумагу по твердым ценам, давал наряд на типографии, выплачивал аванс, а когда книга была готова, Центропечать разом покупала издание, надбавляя к "себестоимости" 35% — на содержание особого частно-издательского аппарата. Такая практика не имеет никакого оправдания»[20].

Столь высокая надбавка за повторные издания, не требующие дополнительных вложений в редакционный цикл, действительно могла показаться чрезмерной. Удачный аргумент был найден, и зампред Госиздата И.И.Скворцов-Степанов также использовал его в статье "Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия", опубликованной в декабрьском номере журнала "Книга и революция". "Что же касается теперешней деятельности солидных фирм, — писал он, — то на 90, если не на 99% она является деятельностью старьевщиков"[21].

Приводя эти данные, руководство Госиздата проверки не опасалось, полагаясь, как водится, на авторитет власти. Потому статистика была настолько далека от истины, что советские книговеды, описывая развернувшуюся полемику, старались вообще не касаться госиздатовской аргументации. К примеру, изданный в 1985 г. сборник "История книги в СССР 1917-1922" сообщает: «Кульминацией идеологической борьбы против принципов советского книгоиздания стал выпуск брошюры "Частные издательства в Советской России" (1921). Ее автор — издательский работник П.Витязев, сделав тенденциозный обзор деятельности частных издательств, выдвинул обвинения в адрес Госиздата как органа, якобы стремящегося лишь к подавлению частной инициативы»[22].

Трудно сказать, стало ли это "кульминацией", но автор пресловутой брошюры настойчиво подчеркивал, что "идеологическая борьба" ведется в неравных условиях: «У наших противников вся полнота власти, в их руках вся повременная и периодическая печать. Нам выносят смертный приговор и не дают права сказать хотя бы одно слово в свою защиту. Все попытки автора выступить легально в "дискуссионном порядке" не дали никаких положительных результатов. И для него остается толь-

ко один старый и уже не раз испытанный путь — прибегнуть к помощи "вольного печатного станка" и выпустить свою брошюру "явочным порядком"»[23].

В чем же заключалась пресловутая тенденциозность обзора? Вероятно, в том, что автор, опубликовав списки книг наиболее известных московских и петроградских фирм, выявил: подавляющее большинство не относилось к "переизданиям старых работ", а если что и переиздавалось, то именно по требованию Госиздата.

Ехидный "издательский работник" пошел и дальше. Он убедительно доказал, что надбавка к себестоимости (т.е. "издательское вознаграждение") составляла от восьми до пятнадцати процентов — не более. Столь возмущавшая Госиздат тридцатипятипроцентная надбавка относилась к области госиздатовских же фантазий[24]. А ведь на этом строились основные обвинения, выдвинутые госиздатовскими руководителями.

«Частные фирмы, — жаловались авторы госиздатовского отчета, — пользуясь 35% надбавкой к заготовительной стоимости книг, могли очень далеко идти в своих "организационных" расходах: они платили авторам гонорары, в 1,5, 2 и больше раз превышающие установленные Госиздатом, назначали техникам, корректорам, машинисткам и т.д. вознаграждение, оставляющее далеко позади ставки всех профессиональных союзов, иногда, кроме того, доставляли некоторое довольствие типографским рабочим. Конечно, такими способами они получали результаты, недостижимые для Госиздата, но вместе с тем дезорганизовали все издательское дело и осуждали государственный издательский аппарат на жалкое прозябание. Это было дополнительным обстоятельством, заставившим Госиздат решительнее поставить вопрос о частных издательствах»[25].

Высмеивая такого рода жалобы, Витязев писал: «Читая эти строки, каждый непредубежденный читатель невольно удивится и спросит авторов "Отчета" — "помилуйте, в руки Госиздата были отданы все технические ресурсы республики, все бумажные запасы, самые неограниченные средства, и вдруг оказывается, что вместо продуктивной работы в итоге получилось одно "жалкое прозябание" да еще в сравнении с кем, с частными издательствами! Последние же работали в атмосфере сплошного преследования, бумага у них или реквизировалась, или "обезличивалась", в средствах они всегда нуждались, правового положения они не имели, тормозы им ставились на каждом шагу и в смысле разрешения на печать новых книг, и в смысле утверждения калькуляций, где до невозможности урезывались цены на их издания. Как же могло случиться, что они оказались в работе л у ч ш е Госиздата?»[26].

Это действительно казалось непонятным. Если частные издательства — "старьевщики", от которых никакой пользы не было, и тем не менее они получили результаты, "недостижимые для Госиздата", то чем же занималось Государственное издательство?

Вероятно, руководство Госиздата не слишком рассчитывало на убедительность экономических выкладок, а потому Скворцов-Степанов счел нужным прямо объяснить, чем именно опасны частные издательства для Советской власти. Частники, по его мнению, предоставляли многим литераторам возможность уклоняться от сотрудничества с Советской властью. "Получается прямо позорное положение, — негодовал Скворцов-Степанов. — Мы сумели сломать саботаж спецов в промышленности. А высший промышленный спец — не исполнитель, не носитель рутинного труда; он организатор, творец, его труд по своему общему характеру, по своей связи с общими настроениями приближается к литературно-авторскому труду, может быть, в некоторых случаях стоит выше известных категорий последнего. Однако здесь мы не либеральничали, не боялись быть грубыми". Вот бы и в издательском деле так, — сетовал автор, — а то "мы терпим постыдное положение: мы допускаем премии как раз для тех, кто поворачивается к нам спиной, кто встал на путь очень дешевой оппозиции"[27].

Доводы зампреда Госиздата Витязев оценил однозначно: «Разгромив всю русскую литературу, — писал он, — Советская власть в лице Госиздата этим не ограничивается. Наступает 2-й акт великой трагедии: начинается поход на личность самого писателя с целью заставить его "творить" и "писать" только то, что угодно Государственной власти». И, конечно же, «частные и общественные издательства, поддерживая материально писателей, только мешают провести "столь важную реформу", не давая возможности Госиздату "выкурить" этих "саботажников" русской литературы, "сломить" их... И вот т. Степанов именно по этим мотивам и стремится уничтожить всю частную издательскую деятельность в Советской Республике, в чем и распинается на страницах "Книги и революции"»[28].

Оппонент Скворцова-Степанова был отчасти не прав. "2-й акт великой трагедии" не "наступал" — он продолжался. Правительство изначально применяло для подавления идейных противников силу оружия, а для управления культурой — систему централизованного распределения пайков. Профессии литератора — именно как свободной профессии — надлежало исчезнуть, а литературе — стать "колесиком и винтиком". Без монополии тут нельзя было обойтись.

Именно так воспринял политику Госиздата Всероссийский Союз писателей, направивший меценатствующему Луначарскому докладную за-

писку, где указывалось: «Русское писательство три года ждет, что Советская Власть обратит внимание на условия, в которых гнетуще и мучительно бьется живая русская литература. Мы надеялись, что процесс восстановления Государства и общей культурной жизни страны будет сопровождаться восстановлением нормальных условий для существования русской литературы и что русскому писателю вновь будет возвращено "право на книгу" и "право на читателя", — право видеть свою рукопись отпечатанной и дошедшей до всенародных читательских слоев». Мы понимаем, заявляли писатели, "что жесточайшая разруха, которую переживает Россия, — недостаток бумаги, изношенность типографий, — должны были вызвать сокращение работы печатного станка, и мы сознательно мирились с этим сокращением, как с неизбежностью. Но мы не можем примириться с тем, что ныне, в этом урезанном запасе, русскому писательству уже не отводится никакой доли и что именно теперь, когда страна начинает оправляться от бурь, политика Государственного Издательства, монополизировавшего все русское книгопечатание, делает молчание живой русской литературы явлением п р и н ц и п и а л ь н ы м: для русского писательства книг нет, ибо оно д о л ж н о молчать. Мы с негодованием видим, что невольное стеснение литературы превращается в ее сознательное умерщвление"[29].

ГЛАВА 3

НЭП В ЛИТЕРАТУРЕ

Делегаты Всероссийского съезда писателей заблуждались: правительство отнюдь не стремилось уничтожить литературу вообще. Требовалось "взрастить" новую литературу, специфически советскую, для чего надлежало воспитать или перевоспитать писателей.

Некоторые успехи были уже достигнуты: для издателей гипертрофированная советскость компенсировала литературное убожество, что привлекало многих, по словам Е.И.Замятина, "юрких авторов, знающих, когда надеть красный колпак, а когда скинуть, когда петь сретение царя, и когда молот и серп"[30]. Были, конечно, и энтузиасты, но тон задавали именно "юркие", ставшие благодаря этому качеству конкурентоспособными. "И литературные кентавры, — писал Замятин, — давя друг друга и брыкаясь, мчатся в состязании на великолепный приз: монопольное право писания од, монопольное право рыцарски швырять грязью в интеллигенцию". Тем, кто монополии не жаждал, оставалось лишь искать другую профессию[31].

Замятин отнюдь не драматизировал ситуацию. Например, вполне официозный юбилейный справочник "Красная Москва" (подготовленный к печати на исходе 1920 г.) сообщал в главе "Литературная Москва 1918—1920": "При условии необычайного сокращения изданий и книгоиздательских возможностей писатели литературой жить не могут. Во всех советских учреждениях Москвы служат писатели, везде выполняют зачастую канцелярскую работу". Впечатляющими были и результаты социологических исследований: «По данным анкеты, произведенной Союзом Писателей, до 90 процентов писателей не живут литературой. В графе запроса "Ваш литературный заработок прежде и теперь?" — неуклонно стоит ответ: "Прежде сто процентов, теперь иногда четверть, иногда ничего". Проводимая Государственным издательством линия ликвидации частных издательств затронула и писательские объединения,

что вряд ли желательно с точки зрения целесообразности и развития литературной деятельности»[32].

Безусловно, авторы справочника не стремились к конфронтации с правительством — книга была рекламно-большевистской. Но, описывая современную ситуацию, они не могли не указать даты начала распада: "После октябрьской революции мы видим резкое понижение деятельности издательств приблизительно в течение полугода. Устройство новой жизни, общая неустойчивость не дают возможности вести прежнюю регулярную работу. Писатели разъезжаются, многие перекочевывают на Украину, в Крым, даже за границу. Литературная жизнь замирает. Как это ни странно, но уехали из Советской России именно те писатели, которые, казалось, наиболее крепко и прочно были с нею связаны. Это — Иван Бунин, Ив.Шмелев, Алексей Толстой, Евг.Чириков, А.Куприн, Илья Сургучев и др."[33]

Дабы выражение "как это ни странно" казалось вполне уместным, авторам пришлось прибегнуть к "подмене", которую отвергли бы именно те, о ком они писали: Бунин, Куприн, Шмелев или Сургучев действительно были "наиболее крепко и прочно "связаны с Россией, вот только тождество "Россия — РСФСР" они не признали. Однако авторы справочника их вроде бы и жалели, намекая даже на возможность возвращения: "За границей — в Париже, во Владивостоке, в Грузии, в Крыму сейчас многие и многие русские писатели, и именно сейчас, когда в Москве и Петербурге идут писательские объединения, судьба их представляется нам трагической по своей оторванности и одиночеству"[34].

Исход литераторов из Советской России продолжался. Остававшиеся до поры (в том числе и Горький) продолжали взывать к либеральным наркомам и "суду общественности", но ситуация менялась только к худшему. Госиздатовское руководство, в свою очередь, продолжало выдвигать против частников политические обвинения, что обосновывало возможность применения любых репрессий.

В январском номере "Книги и революции" за 1921 г. Скворцов-Степанов публикует очередную пространную статью — своего рода обвинительное заключение, если не приговор издательским кооперативам. "Каким способом, — вопрошает автор, — организационное соединение писателя с собственным административно-техническим аппаратом издательства может улучшить условия творчества?" И сам же отвечает — "способом повышения гонорара по сравнению со ставками, существующими в Госиздате". Но Госиздат, по мнению Скворцова-Степанова, "не может согласиться на особое премирование литераторов, отказывающихся работать

на советские учреждения", поскольку "таких работников принято называть саботажниками"[35].

Выводы автора не оставляли простора для толкований: «Кооперативная форма не увеличит количества типографских средств и бумаги, которое при данном положении можно предоставить для издания художественных, философских и т.д. произведений. В то же время Госиздат не может выпустить из своих рук контроля за тем, чтобы работающие с ним литераторы не оказались в особо неблагоприятном положении по сравнению с литераторами-предпринимателями (или "кооператорами"). А для этого необходимо, чтобы издания выполнялись аппаратом Госиздата»[36].

За пропагандистской подготовкой последовали конкретные санкции: 18 апреля 1921 г. Наркомпрос — в соответствии с рекомендацией Комиссии ЦК РКП(б) по улучшению печатного и издательского дела — постановил прекратить "отпуск всякого рода бумажных и полиграфических средств для частных издательств из государственного фонда"[37].

Это было, что называется, тактически изящное решение: издательства не стоило закрывать сразу, поскольку они еще не выполнили все государственные заказы, по мере же выполнения частники самоликвидировались бы, не получая более сырья. А если б где и достали, то подлежали уголовной ответственности (вплоть до расстрела) как нарушители государственной монополии и даже — "расхитители социалистической собственности".

Запретительные меры, как и обычно, не дали искомых результатов. Частники, согласно плану, закрывались, но от этого работа Госиздата ничуть не улучшалась. Никаких улучшений и быть не могло, поскольку неудачи Госиздата обусловливались не столько сырьевым и полиграфическим дефицитом, сколько организационной беспомощностью руководства: оно пока что овладело лишь одним методом управления — террором[38]. Для программированного сужения издательской деятельности метод был хорош, но для развития — недостаточен.

Вскоре это было признано и официально. Во втором номере журнала "Печать и революция" за 1921 г. Скворцов-Степанов опубликовал статью "Положение и задачи Госиздата", где сетовал, что "приблизительно из десяти книг, заказанных ЦК РКП(б) в порядке партийного поручения, до сих пор представлено только две, немедленно в ударном порядке выпущенные Госиздатом". А все остальные Госиздат выпустить не смог, хотя бумаги хватало и типографий тоже. Провал был полным и безусловным, потому ярый противник частной инициативы предложил "поставить Госиздат в условия, обеспечивающие такую же гибкость и быстроту в его действиях, которые существуют для частных издателей", а именно: разрешить

оплату труда авторов и технических специалистов по обоюдной договоренности, превышая, коль понадобится, утвержденные ставки[39].

Неизвестно, осознавал ли Скворцов-Степанов комизм ситуации, прося разрешить Госиздату рыночные методы, использование коих он объявил преступлением, но правительство, похоже, осознало, что поручать Госиздату руководство производственной деятельностью частников уже нецелесообразно, с какой стороны ни посмотри.

17 августа 1921 г. Малый СНК разрешил Главбуму продавать бумагу частникам — за золото по цене вдвое выше, чем на мировом рынке[40]. 18 августа Наркомпрос разрешил и Госиздату отпускать им бумагу — "в исключительных случаях"[41]. Заодно и Президиум Моссовета признал допустимой "продажу книг по рыночным ценам", а 26 августа Моссовет установил официальный порядок открытия и регистрации частных издательств[42].

Правда, на любое издание надлежало получить предварительное разрешение, и Госиздат мог "требовать предоставления самих рукописей для просмотра на срок, устанавливаемый Госиздатом особой инструкцией"[43]. Госиздату предоставлялось еще и право вне зависимости от согласия частных издательств приобретать с целью последующей перепродажи "весь завод отдельных изданий с определением цены приобретаемого издания с учетом нормальной прибыли на капитал"[44]. Последнее особенно интересно в аспекте коммерческом: покупатель сам определял и цену, и прибыль, какую должен получить продавец. Тем не менее прогресс был очевиден: частные издательства существовали уже не "из милости", а на законных основаниях, и могли законно торговать своей продукцией.

Стоит отметить еще раз, что определенные "послабления" относились лишь к самому факту существования частников. Не только бумагу они приобретали по цене вдвое выше, нежели на мировом рынке, но и полиграфические услуги по просьбе Госиздата для частников резко подорожали: "набор на 400%, печать 500%, стереотип 300%, брошюровка 400%", в связи с чем выпуск книг стал бы делом просто нерентабельным, если б книжный дефицит не рос едва ли не быстрее цен[45].

ГЛАВА 4

Мины правового поля

Вот в такой ситуации оказались "Никитинские субботники" 15 октября 1921 г., когда обсуждались планы организации собственного издательства. Ухудшиться эта ситуация могла в любой момент, о чем и предупреждал Вешнев. Но энтузиазм "перевесил" опасения, и поскольку председательница сообщила, что договоренность с одной из типографий уже достигнута, присутствовавшие избрали издательскую комиссию, возглавляемую Никитиным. Комиссии предстояло подготовить документы, необходимые для регистрации объединения, без чего нельзя было регистрировать издательство и заключать официальный договор с типографией[46].

5 ноября участники объединения вновь обсуждают издательские проблемы, планируют выпуск альманаха, и будущий академик Голубков спрашивает, "будет ли издательству обеспечена свобода назначения гонорара и свобода распоряжения напечатанными экземплярами". Никитина отвечает, что, "видимо, будет" — полной уверенности пока нет[47].

Обсуждается также отчет издательской комиссии, работавшей весьма энергично. Согласно предварительным выкладкам, себестоимость полиграфической единицы объемом 5 печатных листов при тираже 2000 экземпляров составляла 3000 рублей (не золотых), соответственно, себестоимость тиража — 6 миллионов рублей, корректуры же типография согласилась присылать через две-три недели после сдачи рукописи. Нашлось и сырье — "сто пудов альбомной бумаги", половину которой можно было получить, внеся 10 миллионов рублей. Однако для оптовой торговли полиграфическая единица оценивалась в 10 000 рублей, следовательно, реализация тиража (когда б его удалось реализовать) полностью покрывала расходы, включая транспортные, и давала несомненную прибыль, пусть даже в значительной мере "съедаемую" налогами[48].

Неделю спустя объединение избрало редколлегию альманаха в составе Бродского, Вешнева, Розанова, Савича и, конечно, председательницы "Никитинских субботников"[49]. А еще через неделю Никитин сообщил собравшимся, что вопрос о регистрации решен — необходимо только представить издательский план[50].

Начинался вполне обычный этап для любого частного издательства. "После утверждения тематического плана, приобретения бумаги и разрешения рукописи к изданию, — вспоминал Сабашников, — нужно было сойтись с какой-либо типографией (все они были национализированы, но работали на хозрасчете), чтобы набрать, отпечатать и сброшюровать книгу". Каждый из этих трех "цехов" бывал поочередно "узким" местом в работе типографии, в котором книга могла надолго, а то и окончательно застрять, что и случалось не раз[51].

Трудности, связанные с тематическим планом, преодолевались довольно легко, а до полиграфических "Никитинские субботники" еще не дошли, поскольку требовалось для начала подготовить финансовую базу. Это была основная задача, и для ее решения предлагались различные способы. Наиболее простой — складчина: по 500 000 рублей с каждого, как минимум. Но складчины могло и не хватить, потому предлагалось также создать некое подобие акционерного общества с привлечением "постороннего капитала", т.е. пригласить инвесторов, которые внесли бы часть суммы и сообразно вкладу участвовали бы в дележе прибыли. Доходы вкладчиков-литераторов тогда уменьшились бы, хотя они и рисковали бы меньшим. Отыскался даже один инвестор, но Никитин как специалист по кооперации счел, что писательский кооператив — куда более удобная организационная форма[52]. Капиталовладелец, финансирующий издательство, мог бы претендовать и на участие в управлении, чего объединившиеся литераторы старались избежать. В итоге издательство "Никитинские субботники" стало кооперативом[53].

Никитин верно выбрал время для организации издательства — правительство постепенно отменяло ранее введенные ограничения, расширяя поле деятельности для частников. Декретом от 12 декабря 1921 г. Совнарком, обязав пройти перерегистрацию все уже существующие частные издательства, разрешил свободную регистрацию новых. Правда, каждую рукопись надлежало по-прежнему украшать визой цензуры, но зато частникам позволялось, наконец, "иметь собственные типографии, конторы, редакторские и прочие кабинеты, склады, магазины и т.д., а также арендовать таковые у правительства и частных владельцев". Предоставлялось также право "заготовлять за границей книги, картины и другие произведения печати и ввозить их

в Россию с соблюдением действующих узаконений и с разрешением в каждом случае Государственного Издательства", а также "свободно сбывать по вольной цене произведения печати, изданные на собственные их средства без субсидий со стороны государства". Более того, принудительная закупка тиража Госиздатом производилась теперь "по ценам, устанавливаемым по соглашению", хоть и "не свыше оптовой цены"[54].

Изменилось и положение Госиздата. 14 декабря Коллегией Наркомпроса был принят план его реорганизации, согласно которому Госиздат в качестве "Главного управления по делам печати Государственного издательского предприятия" надлежало, оставив "на государственном снабжении", перевести "на самостоятельное хозяйственное существование". Просьба Скворцова-Степанова была выполнена, Госиздат получил коммерческую самостоятельность, теперь предстояло "отвечать рублем" за свою продукцию. Впрочем, Госиздат и тут был в привилегированном положении: переход на хозрасчет завершился лишь в 1923 г.[55]

Обнадеженные правительством, частники так резко активизировались, что это вызвало серьезные опасения у Ленина. 6 февраля 1922 г. он послал телефонограмму управделами СНК Н.П.Горбунову, где указывалось: «Поручаю Вам проверить, на основании каких законов и правил зарегистрировано в Москве, как сообщается в "Известиях" от 5.II, свыше 143 частных издательств, каков личный состав ответственных за каждое издательство администрации и редакции, какова их гражданская ответственность, а равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим отделом в Госиздате, кто ответственен за это. Переговорите также секретно о том, в чем состоит и как организован надзор за этим делом со стороны Наркомюста, РКИ и ВЧК. Все это строго конфиденциально»[56].

Председателю СНК ответил предредколлегии Госиздата Н.Л.Мещеряков, сообщивший, что регистрация вполне законна и контроль строг, а в Госиздате для того политотдел создан, каковой он и возглавляет.

Кстати, и сам декрет СНК составлялся так, чтобы его можно было истолковать в любом направлении, удобном власти. Например, юрисконсульт Госиздата Н.М.Николаев отмечал, что закон установил разрешительный порядок возникновения частных издательств, однако таил угрозу для уже существующих: они хоть и не нуждались в новом разрешении, но частников можно было ликвидировать, отказав в перерегистрации, которую их обязали пройти[57]. Учитывая, что перерегистрации проводились постоянно (как минимум — раз в год), у правительства оставалось довольно возможностей для удушения вновь разрешенного.

Подобные "мины" в декретах свидетельствуют о возникшем у тогдашнего руководства стремлении не попирать без крайней нужды хотя бы собственные законы, что ранее часто практиковалось "революционной целесообразности" ради. Но весьма характерно, что Предсовнаркома, узнав о результатах либерализации, превзошедших его ожидания, полагался более (как это видно из телефонограммы) не на умело составленные законы, а на привычные средства силового вмешательства и прежде всего — ВЧК, "карающий меч революции".

Впрочем, и о законодательстве проявлялась достаточная забота. При подготовке первого Уголовного кодекса РСФСР, введенного 1 июня 1922 г., Ленин указывал наркому юстиции: "Суд должен не устранить террор, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле более или менее широкого"[58]. Сфера широкого применения широко формулируемого закона о "контрреволюционных преступлениях" захватывала и литературу.

Особый интерес с этой точки зрения представляют рекомендованные Лениным варианты формулировки статьи о "контрреволюционных преступлениях". Первый из них предусматривал: "Пропаганда или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующим в направлении той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению путем интервенции или блокады или финансирования прессы и т.п. средствами, карается высшей мерой наказания с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу". Следующий вариант позволял трактовать еще шире: "Пропаганда или агитация объективно содействующие" буржуазии. Далее область применения статьи расширялась беспредельно, поскольку речь шла уже о "пропаганде или агитации", которые не только "содействуют", но и "способны содействовать" той же буржуазии[59].

Все ленинские рекомендации УК РСФСР воспроизвел почти дословно в ст. 57, а также ст. 60 ("Участие в организации или содействие организации, действующей в целях, означенных ст. 57"), ст. 61 (действия "в направлении помощи международной буржуазии"), ст. 70 ("Пропаганда или агитация в направлении помощи международной буржуазии") и др.[60]

Маловероятно, чтобы Луначарский, зная об отношении Ленина к частникам, решился в нарушение партийной дисциплины самостоятельно

учредить новое частное издательство или даже активно способствовать этому. В 1921 г. он несколько раз посетил "Никитинские субботники", читал там свои стихи и пьесу, но столь же охотно Луначарский читал практически всюду, куда приглашали[61]. Опять же, "чтения" эти состоялись в апреле, а вопрос об издательстве впервые обсуждался в октябре — без Луначарского. Да и вообще сомнительно, чтоб наркомпрос согласился принять столь деятельное (судя по рассказам Никитиной) участие в создании еще одной частной фирмы, "ядро" которой составляли литераторы отнюдь не просоветской ориентации. Подобные фирмы и так возникали в Москве ежедневно — чуть ли не десятками.

Однако опасения Ленина были преждевременны. Далеко не все из регистрировавшихся издательств наладили регулярный выпуск продукции. Одни не пошли дальше представления тематического плана, другие разорились, не сумев продать первый же тираж, третьи, миновав трудности организационного периода, распались, поскольку их учредители не обладали чисто профессиональными навыками в области производства и бухгалтерии.

В издательстве "Никитинские субботники" эти и многие другие проблемы решал Никитин, опытный администратор, привыкший обходиться минимумом средств. Именно Никитин предложил пригласить в издательство специалистов и выплачивать им вознаграждение, соразмерно затраченному времени и квалификации. Кроме того, по совету председателя издательской комиссии капитал фирмы был разделен на основной и оборотный. Реализацией тиража также занимался Никитин.

Известно, что успех любого коммерческого предприятия определяется скоростью оборота вложенных средств. И если книга — товар, то, как отмечают авторы вышедшей в 1929 г. монографии "Словесность и коммерция", "встает вопрос о специфической потребительской ценности этого товара"[62]. А для потребителя (читателя) ценность товара во многом определяется рекламой. Члены редколлегии, даже если б они обладали навыками в рекламном деле, не имели реальной возможности применить свои навыки. Поэтому и был выбран иной путь — привлечение в кооператив литераторов, чьи имена сами по себе могли бы стать рекламой альманаха, обеспечивающей быстрый сбыт.

Прием был, конечно, не нов. Здесь редколлегия следовала традиции, можно сказать, выкристаллизовавшейся в 1910-е годы. А.Р.Кугель, например, не без иронии вспоминал об этом: «Альманашники торговали, выражаясь грубо, именами и репутациями. На книжку альманаха полагалось четыре-пять "репутаций" и как выходило, в каком смысле — это, собственно, уже было дело второстепенное»[63].

По решению редколлегии на заседания "Никитинских субботников" председательница объединения и ее друзья постоянно приглашают довольно известных в те годы литераторов-профессионалов: А.С.Яковлева, А.Ф.Насимовича, Андрея Соболя, В.Г.Лидина, М.И.Цветаеву и др.[64] Принято решение включить в число издаваемых авторов и тех, кто не вступил в объединение. Правда, оговорена необходимость присылки ими рукописей для обсуждения на одном из заседаний, но в дальнейшем и это ограничение снято.

В 1922 г. популярность объединения быстро растет. С января по март на субботних заседаниях выступают Б.А.Пильняк, Н.Н.Ляшко, С.Я.Парнок, В.В.Вересаев, Г.А.Шенгели и т.д.

Изменения количественного и качественного состава обусловили реорганизацию объединения. 11 марта 1922 г. она была окончательно завершена. Утверждены новый устав и новый список постоянных членов, проведены выборы в президиум "Никитинских субботников", переизбрана редакционная коллегия сборника "Свиток".

В состав президиума вошли:

"Председатель — Е.Ф.Никитина. Товарищ председателя — С.В.Шувалов. Секретарь — Р.М.Михельсон. Члены президиума: И.Н.Розанов, Н.Л.Бродский"[65].

В марте 1922 г. вышел первый номер альманаха "Свиток", авторами которого были — помимо членов редколлегии, Шувалова и Гроссмана — В.М.Волькенштейн, В.В.Казин, К.Н.Лаврова, К.А.Липскеров, А.Ф.Насимович, М.И.Цветаева, А.С.Яковлев и пр. В общем, подбор имен на любой вкус: от модного драматута Волькенштейна, "пролетарского" поэта Казина, "декадентствующего" Липскерова, отнюдь не "пролетарской" и даже вовсе не советской Цветаевой, до публикации неизданных писем Достоевского и Некрасова.

В сборнике помещена также статья о "Никитинских субботниках", кратко описывающая деятельность объединения с 1914 по 1921 г. Не все сведения, там приводимые, достоверны, но список участников и тематика заседаний в целом соответствуют протоколам и программам.

Согласно статье за семь лет на на собраниях выступали 96 литераторов и художников, а к 1921 г. организация насчитывала свыше 70 постоянных членов, список которых был утвержден общим собранием. Всего в 1921 г. состоялось 44 заседания "Никитинских субботников", из них 4 тематических: 2 посвящены Блоку, одно — Достоевскому и одно — Некрасову. И.Н.Розановым организована выставка прижизненных изданий Некрасова, иконографии и критико-библиографическиой литературы. Два "субботника" были посвящены памяти Вер-

лена. На обсуждение участников собрания представили свои переводы С.А.Френкель и А.В.Луначарский[66].

Характерно, что статья о "Никитинских субботниках" помещена в разделе "Хроника литературной жизни Москвы" и в этом контексте сопоставляется с такими старейшими объединениями, как "Общество любителей Российской словесности" и т.п.[67]

Следует также отметить, что в октябре 1922 г. "Никитинские субботники" именуются "литературным кружком". В редакционной статье особо акцентируется: кружок "никогда не ставил себе целью объединить людей, принадлежащих к какому-либо одному литературно-художественному направлению"[68].

Этот тезис далее подробно иллюстрируется: "В кружке выступали представители таких различных течений художественного слова и мысли, как Евгений Чириков, Любовь Столица, И.Сургучев, В.Волькенштейн, К.Липскеров, Марина Цветаева, А.Дроздов, Б.Пильняк, В.Вересаев, В.Вешнев, П.Вагин и др. Далее — Ю.Айхенвальд, Н.Бродский, П.Сакулин, А.Евлахов, Л.Гроссман, В.Сиповский.

Иван Билибин, Евгений Лансере, академик Куренной и кубист Голубев-Багрянородный — художники, зарисовывавшие присутствующих"[69].

Вероятно, порядком перечисления подчеркивалась (так сказать, sapienti sat) политическая терпимость "Никитинских субботников": среди поименованных — эмигранты-осваговцы, продолжавшие полемику с Советской властью в заграничных изданиях. Однако в итоге редакционная статья сообщала лишь о терпимости объединения и цели, которая "Никитинскими субботниками" никогда не ставилась. Оставалось неясным, какие же цели за истекшие семь лет ставились, зачем создан пресловутый "кружок" и что объединяет всех, кто постоянно участвует в "субботниках". Тем не менее сам факт появления "Свитка" значительно повышал статус выпустившей его литературной организации. Впервые объединение писателей и кооператив "Никитинские субботники" печатно заявили о своем существовании.

ГЛАВА 5

Тактика и стратегия “Никитинских субботников”

25 марта 1922 г. Никитина поздравила членов объединения с издательским дебютом. Это было, безусловно, знаменательное событие. Но дела шли не столь благополучно, как хотелось собиравшимся в квартире Никитиных. Тираж альманаха — 2000 экземпляров — был частично задержан типографией, поскольку кооператив не обладал суммой, требуемой для полного выкупа. Долг “Никитинских субботников” составлял около 100 миллионов рублей, в связи с чем Никитин, докладывавший на “субботнике” о работе правления издательства, указал на необходимость скорейшей реализации хотя бы той части тиража, что уже была выдана. В противном случае предприятию угрожало банкротство[70].

По мнению Никитина, магазин общества “Задруга”, где продавался “Свиток”, не мог обеспечить достаточно быстрого сбыта, а разносить оставшиеся экземпляры по другим магазинам тоже не имело смысла — продажа все равно шла бы медленнее, чем требовалось. Потому собравшимся было предложено распространять сборник среди друзей и знакомых. В качестве дополнительного средства для увеличения капитала решили принять в кооператив новых пайщиков[71].

Столь подробно цитируемый протокол лишний раз подтверждает то, что издательство было создано исключительно собственными силами объединения, причем участники “субботников” никоим образом не рассчитывали на помощь извне.

К протоколу от 25.03.1922 г. приложены несколько экспромтов, написанных собравшимися по поводу выхода “Свитка”. С точки зрения фактографии наиболее интересен экспромт Савича, где поименно перечислены все “герои дня”:

Когда б не Алексей Максимыч,
Не стало б в кассе ни гроша.
Он в пустоте необозримой

Проделал ловко антраша.
Когда б трудолюбивый Вешнев
Не износил бы вдрызг сапог,
То "Свиток" бы не только в вешний,
И в зимний бы не вышел срок.
Но не узнала бы Россия
И ни о чем, и ни о ком,
Коль не была бы Евдоксия
Наш неизменный Ник.Суб.Ком.[72].

В других частных издательствах тоже работали энтузиасты, но, как уже отмечалось, энтузиазма было много больше, чем возможностей. Оценивая изменившееся положение частников, предредколлегии Госиздата Мещеряков писал: «Всего в Москве по 26 мая было зарегистрировано 220 частных издательств. Из них 113 совершенно не представляли рукописей, т.е. ничем не проявили своей работы. Всего с половины ноября по 26 мая в Московский политотдел Госиздата частные издательства представили 813 рукописей, из них 64 — книги по прикладным знаниям (техника, сельское хозяйство и т.д.). В Петербурге, — указывал Мещеряков, — было зарегистрировано 99 издательств, представивших 190 рукописей, из них 79 — "по прикладным знаниям"»[73].

Постепенно частные предприятия набирались сил, хотя дореволюционный уровень был еще далек.

Итоги деятельности частных издательств анализировались и в статье "Литература и НЭП", опубликованной во втором номере журнала "Литературные записки" от 23 июня 1922 г.: "Формально НЭП раскрепостил литературный труд и вернул свободу частному капиталу в области издательства. В промежуток между осенью 1918 и весной 1921 гг. издательское дело фактически являлось государственной монополией". Писатели были вынуждены работать для Госиздата или вовсе положить перо. Теперь же у литераторов много новых заказчиков, и ситуация изменилась: "наряду с магазинами гастрономическими, галантерейными и парфюмерными появились книжные лавки. И витрины их запестрели обложками новых книг. Мы имеем уже много сот названий, носящих дату (так! — *Д.Ф.*) одного только Петербурга. Казалось, плотина прорвалась. Писатели испытали большое нравственное облегчение"[74].

Однако автор статьи уделял внимание и специфическим трудностям начала нэпа: "Приходится печатать маленькие книжки, ибо большие стоили бы слишком дорого; для издания их нет оборотных средств и не хватает кредита". Не менее сложной была и проблема реализации тира-

жа: "При ужасном книжном голоде в провинции книги туда почти не доходят, обслуживать приходится немногие крупные центры. Прежний интеллигент обеднел, разочаровался, частью утратил литературные вкусы, частью (и это в лучшем случае) удовлетворяет их у прилавков магазинов. А платежеспособная публика из нуворишей и нэпманов имеет свои вкусы. Для этой публики даже серьезная беллетристика не по плечу. Зато у нее пропасть эстетических претензий. С этим волей-неволей приходится считаться"[75].

Но частники умели справляться с трудностями. Они открывали новые магазины и торговали с лотков, ухитрялись отправлять в провинцию партии книг и финансировали ремонт киосков на железнодорожных станциях[76]. Они л и ч н о были заинтересованы в том, чтобы книга стала дешевле, — это увеличивало к о л и ч е с т в о покупателей, следовательно, и тираж расходился быстрее, а вырученные деньги можно было вложить в новые издания. Упущенное при снижении цены с лихвой наверстывалось за счет скорости оборота: время — деньги.

"В наблюдающемся литературном оживлении, — писал А.К.Воронский, — многое уже выкристаллизовалось и приобрело законченность, во всяком случае, достаточную ясность. Прежде всего, ясно, что образуется два основных литературных лагеря. Фронтов пока нет, но борьба переместилась и ведется в другой сфере: критика оружием сменилась оружием критики. Советская печать — один лагерь. Группа частных издательств — конечно, не все — другой. Меж ними уже началась борьба, и она с каждым днем обостряется. Нам придется пережить полосу сильнейших идейных штурмов, состязаний, и здесь, как и всюду, будут побежденные и победители"[77].

Показательно, что и с началом нэпа у сотрудников госучреждений успехи частников вызывали прежнее стремление — экспроприировать. Иначе быть не могло: СНК не отменял декрет о национализации запасов книг, а поскольку появились новые запасы, то экспроприации вроде бы сами собой подразумевались. Но ситуация изменилась, и пришлось Наркомпросу урезонить излишне ретивых, разъяснив 9 июня 1922 г., что теперь не ставится цель парализовать в дальнейшем производственную деятельность частных издательств, а потому декрет о национализации "не должен быть распространяем на рукописи, находящиеся в портфеле издательств, клише и книги, находящиеся в печати к моменту опубликования декрета, а равно все книги и другие печатные произведения, изданные после опубликования декрета от 20 апреля 1920 г."[78].

Такой подход быстро дал результаты: продукция частников, работавших в условиях, не сравнимых с госиздатовскими, составила в 1922 г. 20%

выпускавшихся книг — по названиям, 18% — по набору в листах и 25% — по тиражу[79].

"Никитинские субботники" тоже активизировались. Появление собственного периодического издания привлекло в организацию и литературную молодежь, и профессионалов с уже сложившейся литературной репутацией. Даже начавшийся в мае перерыв в работе "Никитинских субботников" — дачный сезон — не отразился на количественном и качественном составе объединения. Осенью 1922 г. на каждом заседании присутствуют до тридцати постоянных (т.е. утвержденных в этом качестве общим собранием) членов и гостей объединения, причем профессиональные литераторы вновь составляют большинство[80].

11 ноября состоялось собрание кооператива, где итоги работы издательства подвел Никитин. Согласно его докладу, к ноябрю 1922 г. "Никитинские субботники" выпустили два номера альманаха "Свиток", монографию Бродского "Тургенев и русские сектанты" и отдельное издание пьесы Волькенштейна "Черный рыцарь" — всего четыре книги, тиражом 2000 экземпляров каждая[81]. Среди авторов второго выпуска "Свитка" — М.А.Волошин, Н.Н.Ляшко, В.А.Монина, С.Я.Парнок, Б.А.Пильняк и др.[82]

Никитин указал на вновь возникшие финансовые затруднения и предложил увеличить основной капитал предприятия "хотя бы до 500 млн. рублей". С этой целью было решено принять пайщиками кооператива всех членов объединения, кроме того, правление обязалось разработать формы как ежемесячных, так и иных взносов. Каждый пайщик кооператива должен был внести "20-30 млн. руб. " — сумму предполагалось уточнить позже. Наконец, по предложению Никитина, правлению кооператива разрешили по собственному усмотрению — без согласия общего собрания — нанимать для работы в издательстве лиц, не являющихся членами объединения[83].

Таким образом, правление кооператива обрело право автономной работы, но реально этим правом оно пользовалось с декабря 1921 г., самостоятельно решая все вопросы, связанные с издательством. И уже тогда правление использует методы издателей-профессионалов: отменено решение о первоочередной публикации рукописей всех пайщиков, введена договорно-гонорарная форма. Более того, не ограничивая себя какими-либо обоюдно принятыми условиями, издательство проводит довольно жесткую финансовую политику по отношению к авторам. И в этом аспекте весьма характерна история сотрудничества кооператива с Цветаевой.

Решение пригласить Цветаеву в кооператив было принято в ноябре 1921 г. Впервые она появляется на "субботнике" 17 декабря — читает

цикл "Ученик", а 31 декабря вместе с дочерью принимает участие в новогоднем собрании, где читает "Конец Казановы". Присутствует она и на собрании 14 января 1922 г. А вот позже ни на одном из "явочных листов" подписи Цветаевой нет, хотя еще 15 января правление "Никитинских субботников" обращалось в Мосгубиздат с просьбой о разрешении публикации поэмы "Царь-Девица"[84]. Судя по документам, сотрудничество с Цветаевой было прекращено, как, впрочем, и ее личные контакты с членами правления "Никитинских субботников".

Это объяснялось не вполне правомерными действиями правления кооператива. Заключив с Цветаевой соответствующий договор, издательство приобретало право публикации ее произведений при оплате 2500 рублей за строчку — по тому времени цена более чем умеренная. Цветаева должна была получить аванс, остаток выплачивался после сдачи корректуры. Аванс, кстати, был равен паевому взносу: денег на взнос у Цветаевой не нашлось, в "Свиток" же допускались тогда лишь пайщики. И она, в надежде на гонорар, тут же отдала все, что получила. Однако типография задерживала корректуру, выпуск альманаха откладывался, выплата гонорара — тоже. И уменьшался он довольно быстро — сообразно тогдашней инфляции. Потому Цветаева была вынуждена продать "Конец Казановы" издательству "Созвездия". На этом основании правление "Никитинских субботников" расторгло договор и обязало ее в десятидневный срок вернуть аванс. В противном случае Цветаевой пригрозили лишением авторских прав на "Царь-Девицу" и "Мать-Версту" — рукописи, находившиеся в портфеле издательства, но еще не подготовленные к печати. Грозили также и судебным иском о возмещении убытков[85].

Оспорить в суде требования кооператива Цветаева не могла: тяжба ставила бы под угрозу планируемый отъезд за границу, о чем, конечно, знали члены правления. Дальнейшее сотрудничество все равно было маловероятно, а тираж первого сборника ожидался с недели на неделю — конфликт тут ничего не менял, стихи Цветаевой в любом случае публиковались в "Свитке". Аванс она вернула, а вступительный взнос выбывшим пайщикам не возвращался. Следовательно, стихи Цветаевой редколлегия получила даром. Более того, в феврале 1922 г. Цветаева была вынуждена внести в кассу кооператива еще 410 тысяч рублей за машинописные копии сданных рукописей, поскольку рукописи издательство не возвращало[86]. Это, кстати, и был основной способ пополнения коллекции автографов, которой позже так гордилась Никитина.

Если воспользоваться терминологией издателей 1910-х годов, Цветаеву "обнесли", в 1920-х годах это называлось "промести", а на исходе

1980-х годов — "кинуть". В принципе — одна из многих полумошеннических операций "на грани закона". Понятно, что подобные действия кооператива исключали какие бы то ни было дальнейшие контакты правления с Цветаевой, равным образом и ее участие в работе объединения. Но сорок с лишним лет спустя главный хранитель музея "Никитинские субботники" неоднократно рассказывала о трогательной дружбе, что связывала ее лично с Цветаевой, и помощи, оказанной кооперативом. В подтверждение демонстрировались листы протоколов с цветаевскими автографами[87].

Весьма вероятно, что каждый из членов правления сам по себе никогда б не счел возможным использовать корыстно ситуацию, в которой оказалась Цветаева. Но, будучи представителями коммерческого предприятия, члены правления поступили, как поступали многие другие коммерсанты. В конце концов, Цветаева первая нарушила договоренность, нанеся ущерб репутации "Никитинских субботников". И правление кооператива действовало не более жестко, чем аналогичные организации в сходных обстоятельствах. Потому инциденты, вроде описанного, не уменьшали популярности издательства и объединения. На заседаниях 1922 г. присутствуют и выступают П.Г.Антокольский, М.А.Булгаков, В.В.Вересаев, В.К.Звягинцева, М.Я.Козырев, В.Г. Лидин, А.С.Неверов, О.Э.Мандельштам, П.П.Перцов, М.М.Пришвин, П.С.Романов, И.Л.Сельвинский, Ю.М. и Б.М. Соколовы, В.Е.Чешихин-Ветринский и др.[88]

Четыре книги в течение года — неплохой результат для нового издательства, и этот результат — стоит подчеркнуть еще раз — был достигнут благодаря профессионализму председателя правления. Однако 11 ноября 1922 г. Никитин, завершив отчет, попросил освободить его от обязанностей председателя[89]. Попросил, как легко догадаться, исключительно в интересах дела: после массовой высылки интеллигенции, запланированной еще Лениным, было бы крайне опасно оставить во главе издательства бывшего меньшевистского лидера и министра Временного правительства.

Как правовед, Никитин понимал, что арест грозит ему в любой момент. И в этом случае не избежать если не тюрьмы и лагеря, то ссылки — ст. 49 УК РСФСР гласила: "Лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой социально-опасными, могут быть лишены по приговору суда прав пребывания в определенных местностях на срок не свыше 3-х лет"[90]. Конечно, с точки зрения чисто формальной, эту статью, входившую в Общую часть УК, суд мог применить лишь при вынесении приговора за правонарушения, предусмотренные соответствующими статьями Специальной части УК, но на практике вопрос

о высылке решался сотрудниками ОГПУ внесудебно, т.е. не дожидаясь суда, поскольку формулировка "связь с преступной средой" в законодательстве не раскрывалась, а значит и рассмотрению суда не подлежала.

Дабы еще более облегчить юридическое оформление этой процедуры, ВЦИК принял 10 августа 1922 г. декрет, разрешающий НКВД для "лиц, причастных к контрреволюционным преступлениями", в тех случаях, "когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке"[91]. "В дополнение и развитие" ВЦИК 16 октября 1922 г. предоставил специальной комиссии, созданной при НКВД, "право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки" пресловутых "социально-опасных", т.е. в первую очередь — "деятелей антисоветских политических партий", равным образом и тех, кого сочли бы способствующими деятельности таких партий[92].

Никитин вполне соответствовал всем вышеперечисленным критериям, выслали б его без суда, а коль так, то издательство закрыли бы. Влиятельные заступники, возможно, и сумели бы добиться пересмотра решения о высылке, но заново открывать издательство было б трудно.

Должность председателя правления заняла жена Никитина. Конечно, он консультировал свою преемницу, что было немаловажно, особенно на первых порах, но в целом с обязанностями председателя Евдоксия Федоровна могла уже справляться и самостоятельно, ведь главное — формирование организационной структуры, налаживание производственных контактов — было сделано. И довольно скоро Никитина стала полновластной хозяйкой издательства: правление кооператива по сути лишь утверждало ее решения, касающиеся очередности публикаций, гонорарных ставок, оплаты нанимаемых специалистов или приема новых пайщиков.

Характерно, что вопросы расширения состава кооператива входили исключительно в компетенцию правления, т.е. Никитиной. Основными критериями были коммерческая целесообразность или же престижность издания того, что собирался издать кандидат. Его политические убеждения (за исключением явно антисоветских), эстетические воззрения, равным образом, принадлежность к другим литературным организациям — тут не учитывались. Издательство находилось на полном хозрасчете, и только соображения прибыльности да престижности обусловливали его направление.

В объединении централизация власти шла не столь быстро, видимость коллегиальности сохранялась до 1924 г., что привлекало все новых уча-

стников. С ноября количество присутствующих на "субботниках" в квартире Никитиных (Газетный переулок, д. 3, кв. 7), неуклонно возрастает. На последнем в 1922 г. заседании 30 декабря Булгаков читает главы из "Записок на манжетах", затем Сельвинский — поэму "Рысь". В обсуждении участвовали Романов, Соболь, Чешихин-Ветринский, Яковлев и др.[93]

Следующее собрание состоялось 6 января 1923 г., и участвовали в нем более пятидесяти членов и гостей объединения. Судя по протоколу, основное внимание было уделено "салонным играм" — инсценировкам, розыгрышам, шуткам о присутствующих и отсутствующих. К протоколу приложен перечень членов объединения с краткими характеристиками — нечто вроде списка действующих лиц несуществующей пьесы:

"Никитина — феминистка, законодательница мод","Никитин — муж. Из министров", "Романов — родной язык", "Яковлев — мистик", "Соболь — захожий прохожий", "Сельвинский — боксер (конструктивист)", "Антокольский — Павел II", "Булгаков — человек без манжет", "Савич — будет бит", "Бродский — не-сахарозаводчик", "Лидин — иностранец", "Гроссман — денди", "Козырев — пишет Гоголем", "Неверов — непутевый" и т.д.[94]

Романову, Яковлеву и Козыреву "досталось" за, так сказать, творческие приемы, для "характеристики" Соболя использовали заглавие его рассказа — "Люди прохожие", точно так же поступили с Неверовым, имея в виду повесть "Андрон Непутевый", да и с Булгаковым тоже[95]. Кстати, его подписи на протоколе нет. Сельвинский, некогда борец-любитель, был завсегдатаем атлетического клуба в Камергерском переулке, где и занимался боксом[96]. Однофамилец Бродского считался в досоветской России почти монополистом, как, например, чаеторговец Высоцкий, потому и к началу 1920-х годов еще была популярна шутка: "Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия Троцкого"[97]. Лидин, побывавший за границей, читал на "субботнике" очерк "Заграничные воспоминания", а Гроссман — доклад "Пушкин и дендизм"[98]. В общем, вполне типичные салонные шутки.

Типично для салонов также присутствие "чад и домочадцев" — на "субботниках" бывали и жены, и дети литераторов, входивших в объединение. Никитина умела сглаживать любые конфликты, даже семейные, что быстрее всех поняли именно дети. Когда «на "Никитинские субботники", — вспоминал сын Неверова, В.А.Неверов-Скобелев, — сходили не только наши отцы, но и наши матери, то узнали мы, что Евдоксия Федоровна совсем еще молодая и интересная женщина. И матери наши забеспокоились и стали больше уделять внимания своей внешности и туалетам».

А хозяйка салона "шутила, смеялась, говорила о литературе и была при этом по-женски обаятельна и кокетлива. Окружающие ее мужчины, а среди них был мой отец, Алексей Силыч Новиков-Прибой, Федор Васильевич Гладков, Михаил Прокофьевич Герасимов и кто-то еще, вместе с ней смеялись над смешным и с большим вниманием слушали ее, когда она говорила о серьезном. Они, как бы состязались друг с другом, оказывая ей внимание, стараясь сделать интересным и веселым время пребывания ее в их компании"[99].

А "компания" все росла, и президиум старательно регламентировал прием новых участников. Согласно уставу и традициям "Никитинских субботников", в объединение мог вступить любой литератор, подав заявление о приеме и предложив свои рукописи на обсуждение. Желательны были рекомендации постоянных членов, но часто обходились и без этого. Рукописи читали на заседании, заявление рассматривало общее собрание, и окончательное решение принималось голосованием. Впрочем, этот порядок далеко не всегда соблюдался — придумали его для удобства "отсева" лиц нежелательных. На практике президиум объединения имел право утвердить любую кандидатуру и без общего собрания, и даже заочно.

Иными словами, расширение состава "Никитинских субботников" (издательства ли, объединения) тоже зависело лишь от Никитиной.

Таким образом, осенью 1922 г. окончательно сложилась весьма интересная структура — салон-предприятие: объединение литераторов, по форме и функциям идентичное салону, и тесно связанное с ним коммерческое предприятие. Понятно, что как литературный салон "Никитинские субботники" были явлением редким, но отнюдь не уникальным, а уж издательство и вовсе оригинальностью не отличалось. Уникален симбиоз литературного салона и коммерческого предприятия.

Симбионты идеально дополняли друг друга. Издательство, возникшее в рамках "Никитинских субботников", работало, постоянно используя авторитет и неформальные связи членов объединения. Объединение же неминуемо распалось бы (подобно многим другим салонам в 1920-е годы), не существуй, так сказать, "магнит попритягательней" — собственное издательство.

ЧАСТЬ III

САЛОН-ПРЕДПРИЯТИЕ: КРИЗИС И СТАБИЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА 1

Карьера издателя

1923 г. был для "Никитинских субботников" и Никитиной лично годом своеобразного рубежа. Реализация тиражей 1922 г., хоть и окупила затраты, но не дала достаточных средств, чтобы продолжить издательскую деятельность в желаемых масштабах. Кооперативу опять грозило банкротство. Прием новых пайщиков или взимание дополнительных взносов проблему не решали: такие меры препятствовали привлечению известных писателей, а выпуск книг дебютантов — занятие почти убыточное. К тому же все московские типографии были перегружены, заказы распределены едва ли не на год вперед.

Ситуация несколько стабилизировалось лишь в 1924 г., а пока Никитиной предстояло укреплять и расширять объединение, убеждая всех, что издательство по-прежнему работает и книги вот-вот появятся. С этой задачей она справилась, да и какая-то работа действительно шла: продолжалась редакционная подготовка рукописей, постоянно корректировались планы выпуска, велись переговоры с авторами, типографиями, магазинами и т.п.

13 февраля 1923 г. состоялось внеочередное заседание "Никитинских субботников" — в честь дня рождения председательницы. Согласно протоколу поздравить Никитину пришли 60 постоянных членов и гостей объединения. "Евдоксия Федоровна, дважды отвечая на приветствия, — записывает протоколист, — отметила явление, особенно радующее ее, — это спаянность кружка, дружность литературной семьи. Можно ли обойти молчанием, — сказала Е.Ф., — тот факт, что за последние трудные годы кружок не только не растерял своих старых членов, но и постоянно пополнял свои ряды талантливыми молодыми литературными силами"[1].

Сказанное Никитиной не вполне соответствует истине. Состав организации за два года значительно обновился, "старых членов", посе-

щавших собрания более трех лет, осталось очень мало, дебютантов и вовсе не было, а те, кого глава объединения причислила к "молодым литературным силам", пришли в "Никитинские субботники" уже профессионалами — в качестве таковых и были приглашены. Однако полемизировать с председательницей никто из "ветеранов" не стал — издательство и объединение существовали, тут заслуги Никитиной были бесспорны.

В 1923 г. на "субботниках", помимо прежних участников, присутствуют и читают свои рукописи Н.А.Адуев, В.Д.Александровский, А.Альвинг, А.А.Антоновская, М.П.Герасимов, А.П.Глоба, А.А.Демидов, В.М.Инбер, В.Т.Кириллов, Э.Е.Левонтин, Л.М.Леонов, В.З.Масс, П.В.Орешин, Б.Л.Пастернак, В. Пяст, Н.Д.Телешов, Н.Г.Шебуев и др.[2] А вот Луначарский, о тогдашних выступлениях которого Никитина сорок лет спустя часто рассказывала, ни на одном заседании, судя по документам, не был, как и в 1922 г. Наркома многократно звали, он давал согласие, а 9 декабря 1923 г. специально ради него даже устроили внеочередное заседание, но каждый раз Луначарскому мешали другие дела, и в программу опять приходилось вносить поправки[3].

Похоже, никого, кроме Никитиной, лично договаривавшейся с наркомом, это не огорчало — Луначарскому легко находили замену[4]. "Субботники" для большинства собравшихся были не более чем досугом, салонным времяпрепровождением, о чем свидетельствует, например, экспромт Инбер, приложенный к одному из протоколов (орфография и пунктуация автора):

В субботу вечером, освободясь от дел,
Итти в проулок тесный и неровный
К Никитиной за пищею духовной
Таков удел.
Там пышно сервирован на столе
Роскошный ужин с рыбою и мясом,
Там подаются Антокольский с Массом
В лирическом желе.
Там Соболь и Неверов и Левит,
Изрубленные острым Волькенштейном,
Соединяясь в пудинге идейном,
Здоровый дразнят аппетит.
Там Федоров записан в повара,
И подал снедь в дыму, в гарнире жутком,
И все, отведав, мучились желудком

До самого утра.
Там как-то подан был седой орел
От этой необыкновенной птицы
С Петром Орешиным взамен горчицы
Пришел в восторг литературный стол.
Там Инбер из ванили и воды
Изготовляет райское печенье,
И можно есть его до пресыщенья
Почти не ощущая тошноты.
И каждый гастроном под этот кров,
Придя легко, уходит еле-еле,
Насытившись на целую неделю
Окрошкою из прозы и стихов[5].

Здесь, кстати, упомянуты не только постоянные члены объединения. Вероятно, третий из безжалостно "изрубленных" — Т.М.Левит, футурист, входивший в "Центрифугу", бесталанный "повар" — В.П.Федоров, лидер "Литературного звена" и "Литературного особняка"[6]. "Седой орел", напротив того, не характеристика поэта, а заглавие поэмы Альвинга[7]. Подобного рода экспромты — шуточные описания выступлений, выступающих и пр. — довольно часто сопутствуют протоколам и программам[8]. В замечании же Инбер по поводу "ужина" доля истины есть: чай с бутербродами или пирогами (пусть и без роскошной сервировки) у Никитиной, как уже упоминалось выше, подавали всегда. Что, кстати, привлекало многих, особенно в начале 20-х годов.

Еженедельные (порою и чаще) приемы, безусловно, требовали значительных расходов, но председательница "Никитинских субботников" тут не скупилась. Да и к тому времени, когда чаепития стали довольно многолюдными, вернулся Никитин, который, будучи опытным юристом, работал не только на издательство: семейный бюджет в 1922-1924 гг. складывался главным образом из его немалых доходов. Позже, так сказать, в период процветания "Никитинских субботников", затраты на чаепития компенсировались кооперативом как организационные. Но период процветания был еще не близок, и Никитина буквально все свободное от преподавательской работы время отдавала "Никитинским субботникам", пытаясь максимально сплотить свою "литературную семью".

Некая "семейственность" наиболее отчетливо проявилась в отношении к памяти Неверова, умершего 24 декабря 1923 г. Два дня спустя Никитина организовала заседание, где обсуждался "вопрос о формах участия в похоронах и увековечении памяти А.С.Неверова"[9]. "Никитин-

ские субботники" делегировали председательницу и Розанова на собрание в Союзе писателей, состоявшееся 27 декабря[10]. 29 декабря было организовано специальное "неверовское" заседание, где присутствовали более семидесяти членов и гостей объединения. С докладами выступили: Никитина ("Жизнь и личность Неверова"), Савич ("Воспоминания"), П.Н.Дорохов ("Последние минуты А.С.Неверова"), Н.А.Степной ("Поездка в Ташкент"), С.Д.Фомин ("Неверов по воспоминаниям"), Н.Г.Виноградов ("Неверов как драматург"). Стихи, посвященные Неверову, прочли М.П.Герасимов, В.Т.Кириллов, П.А.Радимов и др.[11] "Субботник" 3 января был также посвящен Неверову, но проводился уже не у Никитиной, а в Доме Герцена[12].

Через несколько месяцев издательством "Земля и Фабрика" был выпущен сборник статей о Неверове под редакцией Никитиной, составленный «Литературным обществом "Никитинские субботники"»[13]. Разумеется, книгу планировал издать кооператив, но, учитывая тогдашние полиграфические трудности, пришлось договариваться с учреждением, способным действовать более оперативно. Зато в 1928 г. издательство выпустило аналогичный сборник вполне самостоятельно[14].

В общем, "Никитинскими субботниками" сделано было очень много, причем сделано по инициативе Никитиной. Но вот что примечательно: ни один из членов объединения не удостаивался таких почестей — ни до, ни после Неверова. А ведь автор "Андрона Непутевого" к "ветеранам" не относился, да и вообще особой активности в "Никитинских субботниках" не проявил — это была лишь одна из многих литературных организаций, в работе которых он участвовал.

Впервые Неверов пришел на заседание 4 ноября 1922 г., 6 мая 1923 г. был избран секретарем, с мая по сентябрь "субботники", как обычно, прекратились, и 17 ноября состоялось его последнее выступление[15]. Следовательно, Неверов состоял в объединении один год. Судя же по рассказам Никитиной, ее рвению в том, что касалось "увековечения памяти", едва ли не вся творческая биография Неверова была связана с "Никитинскими субботниками". Старания председательницы обусловливались, конечно же, не только дружескими чувствами, спецификой личных отношений. Немалую роль сыграли и соображения рекламно-политического характера. В 1923—1924 гг. секретарь "Никитинских субботников" был чуть ли не официально признан писателем образцово-советским, причем Неверова от многих иных образцово-советских отличало бесспорное дарование, благодаря чему он сразу переходил в разряд классиков нарождавшейся советской литературы. Добиваясь, чтобы само имя умершего классика непременно

ассоциировалось с "Никитинскими субботниками", председательница объединения одновременно вела рекламную кампанию и доказывала, что руководимая ею организация идеологически безупречна.

Позаботиться о репутации и в самом деле стоило. Все-таки первый муж Никитиной сторонником Советской власти не был, второй, создавший писательский кооператив, чудом избежал расстрела и вышел из тюрьмы лишь благодаря влиятельным знакомым, само объединение работало на "территории белого движения", многие участники сотрудничали с Осватом, да и то, что читалось на московских "субботниках", весьма часто противоречило цензурным требованиям.

В частности, 27 января 1923 г. Козыревым был прочитан рассказ "Крокодил. Три дня из жизни Красного Прищеповска", написанный еще в 1921 г.[16] Спустя несколько лет автор скажет о нем — "не подлежащий пока оглащению в печати", и до "оглашения" пройдет еще семьдесят лет[17]. В резкости высказываний, политических оценок не уступали Козыреву Романов, Булгаков, Бродский, Ольденбург и многие другие, что вполне могло вызвать "пожелание" ОГПУ закрыть нелояльное объединение, как это случилось, например, с кружком П.Н.Зайцева[18].

Неверовским авторитетом Никитина умело пользовалась и при жизни писателя. Б.А.Неверов-Скобелев, к примеру, вспоминал: «Читая в те годы лекции по новейшей русской советской литературе, Евдоксия Федоровна брала с собой на них и молодых писателей, о творчестве которых она собиралась говорить. Так было и с моим отцом. Вместе с Евдоксией Федоровной он выступал перед студентами Высшего электротехнического института связи и 2-го Государственного университета. Читал он им главы из "Ташкента — города хлебного", "Андрона Непутевого" и рассказ "Марья-большевичка"»[19].

Тут мемуарист (ориентирующийся на стереотипы 1960-х годов) не вполне корректен терминологически — его отца, которому в описываемый период было крепко за тридцать, "молодым писателем", разумеется, не считали. Однако важен факт: Неверов, литераторы его окружения, а за ними и другие участники ежесубботних собраний действительно выступали на лекциях Никитиной, а также в ее "семинарии по изучению новейшей русской литературы". По просьбе Никитиной они еще и писали свои биографии, обсуждавшиеся студентами, порою в присутствии авторов[20].

Кстати, только благодаря такого рода контактам никитинский семинарий и мог существовать: студентов привлекала возможность непосредственного общения с известными писателями и критиками, к традициям же академического литературоведения все там происходившее не имело

отношения. Да и лекции Евдоксии Федоровны никакими достоинствами, кроме "живости изложения", не отличались.

Тем не менее статус директора издательства и хозяйки модного салона сыграл свою роль: в 1924 г. Никитина избрана профессором 2-го МГУ. Отсутствие каких-либо серьезных научных трудов в данном случае не было препятствием. Профессорское же звание председательницы, в свою очередь, способствовало росту популярности объединения. И если в 1923 г. список постоянных членов "Никитинских субботников" включал 81 фамилию, то в начале 1924 г. счет перевалил за сотню[21].

Понятно, что далеко не все постоянно посещали заседания, но в среднем на каждом "субботнике" присутствуют до 50 постоянных или, как тогда их называли, действительных членов и гостей объединения[22]. Программы 1924 г. весьма насыщены, потому внеочередные (дополнительные) заседания нередки, хотя основные организационные вопросы обычно рассматриваются президиумом, и общему собранию предлагается лишь утвердить принятые решения.

19 января 1924 г. "утверждены общим собранием:

М.Я.Козырев — секретарем общества,

Э.Е.Левонтин — заместителем секретаря,

Л.М.Леонов — членом президиума"[23].

На том же собрании в качестве "действительных членов" утверждены А.С.Новиков-Прибой, В.Н.Правдухин, Л.Н.Сейфуллина и И.Г.Эренбург, впервые присутствовавшие на "субботнике"[24]. Для Эренбурга это было первое и последнее посещение никитинского салона, однако в списках действительных членов, подававшихся на перерегистрацию, он постоянно значится.

Очередной "субботник" 26 января был отменен — в связи со смертью Ленина, а 27 января "Никитинские субботники" вместе с другими литературными организациями участвовали в траурных церемониях. Ленину было посвящено заседание 2 февраля, где выступили Герасимов, Волькенштейн, Инбер и др.[25] Кроме того, 23 февраля Н.Н.Фатов прочел доклад "Смерть Ленина в поэзии"[26].

Представители "Никитинских субботников" вошли также в группу, готовившую выпуск однодневной литературной газеты "Ленин", о чем и сообщалось на первой странице: «В издании газеты приняли участие объединенные литературные организации и группы Москвы: Общество любителей российской словесности, Российская академия художественных наук, Кузница, Всеросс. союз писателей, Всеросс. союз поэтов, Всеросс. союз крестьянских писателей, Коллектив рабоче-крестьянских писателей им. А.Неверова, "Литературный особняк", "Литературное звено", "Никитин-

ские субботники", Общество им. Чехова, "Новые берега", Октябрь, Леф, Цех поэтов, Общество им. Островского, Общество драматических писателей, Твори, имажинисты, Современники, Секция неоклассиков, Мосфильмарт и др.»[27].

Безусловно, в объединении лишь немногие искренне скорбели о покойном. Большинство относилось к той категории, которую Троцкий именовал ralliés, поясняя: «Это термин из французской политики и означает присоединившихся. Так называли бывших роялистов, примирившихся с республикой. Они отказались от борьбы за короля и лояльно перевели свой роялизм на республиканский язык. Вряд ли кто-нибудь из них написал бы "Марсельезу", даже если бы она не была написана раньше. Сомнительно также, чтобы они с энтузиазмом пели ее строфы против тиранов. Но присоединившиеся живут и дают жить другим. Таких ralliés немало среди нынешних поэтов, художников, актеров... Они не клевещут, не проклинают, наоборот, приемлют, но, так сказать, в общих чертах и "не беря на себя ответственности", — где следует, дипломатично молчат или лояльно обходят, а в общем претерпевают и принимают, что называется, посильное участие. Это не сменовеховцы собственно — там все же своя идеология, — а просто замиренные обыватели от искусства, заурядслужбисты, иногда вовсе не бездарные»[28].

Однако председательницу проблемы искренности, видимо, не беспокоили. Куда более важным было то, что в целом объединение очередной раз подтвердило свою политическую благонадежность. И можно отметить, что если 1923 г. был своеобразным рубежом, завершившим пору становления "Никитинских субботников", то 1924 г. — начало так называемого "расцвета", периода наиболее интенсивной деятельности. Теперь Никитина всего более озабочена ростом престижа организации, что в какой-то мере отразили и документы, подававшихся для перерегистрации. Вот, например, письмо в подразделение НКВД при Исполнительном комитете Моссовета:

«В ОТДЕЛ УПРАВЛЕНИЯ МОССОВЕТА
ПРЕЗИДИУМА ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА
НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ

З А Я В Л Е Н И Е

Прилагая при сем устав Литературного Общества Никитинские Субботники, выписку из протокола общего собрания, список учредителей (все в 3-х экземплярах), Президиум просит Отдел управления зарегистрировать вышеназванное Общество.

Литературное об-во "Никитинские субботники" по характеру своей деятельности значительно отличается от других литературных организаций Москвы: тогда как все остальные общества обращают главное, почти исключительное внимание на одну сторону работы — или на чтение художественных произведений (Всероссийский союз писателей и др.), или на заслушивание научных докладов (Общество любителей росс. словесности), — общество "Никитинские Субботники" ставит своей целью выполнение обеих задач в равной мере, уделяя одинаковое внимание и литературным чтениям, и научным докладам. Вследствие этого в состав общества входят, с одной стороны, писатели и поэты, с другой — историки и теоретики литературы и критики. Лица обеих названных категорий, находясь в постоянном взаимном общении, осуществляют тесное реальное единение литературы и науки, не позволяя научным деятелям отрываться от жизни современной революционной России и уходить в область чистого академизма, а деятелям искусства помогая направлять свою работу в согласии с достижениями современной научной мысли.

При этом большинство входящих в Общество научных работников являются профессорами и преподавателями московских вузов и рабфаков и оперируют при разрешении тех или иных вопросов исключительно марксистским методом.

Адрес Общества: Улица Огарева дом № 3, кв. 7

5 июня 1924 года»[29].

Неделю спустя лично Никитиной была подготовлена и краткая справка о структуре и деятельности объединения:

«ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО
"НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ"

(Существует с 1914го года 20 октября)

АДРЕС:
Улица Огарева (б. Газетный переулок) д. № 3, кв. 7, тел. 2-14-16.

Литературное Общество "Никитинские субботники" имеет целью объединение в пределах Москвы лиц, работающих в области художественной литературы (писателей, поэтов, историков литературы и литературных критиков), а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам Об-ва в общественной среде (§ 1. Устав).

Правление Общества:

Председатель — Евдоксия Федоровна Никитина — профессор русской литературы.

Товарищ председателя — Серг. Вас. Шувалов — профессор древней русской литературы.

Секретарь — Мих. Яковл. Козырев — беллетрист-писатель.

Члены Правления:

Мих. Прок. Герасимов — пролетарский поэт,

Леонид Макс. Леонов — писатель-беллетрист,

Иван Никан. Розанов — профессор русской литературы,

Эзра Ефимович Левонтин — поэт.

ИХ АДРЕСА: — <...>

Собрания происходят еженедельно по субботам на квартире председателя Общества»[30].

По никитинской справке в принципе невозможно определить цель, поставленную "литературным обществом", но документ не для того и готовился: председательница подчеркивала, что правление составляют профессиональные литераторы, в том числе большевистской ориентации ("пролетарский поэт"), и преподаватели высшей школы.

Параллельно решалась еще одна задача. Председательница готовилась к активизации издательской деятельности, а значит, и книготорговли, в связи с чем пользовалась случаем напомнить, что кооператив "Никитинские субботники" предназначен именно для выпуска книг своих пайщиков.

Тут Никитина учитывала направленность тогдашнего законодательства. Согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 24 мая 1923 г. писательские кооперативы считались одной из форм промысловых товариществ, по отношению же к прочим издательствам, т.е. частным фирмам как таковым, ВСНХ РСФСР проводил ряд дискриминационных мер[31].

Специальный циркуляр ВСНХ РСФСР предписывал:

"1) Основной целью издательских кооперативов авторских товариществ, не имеющих собственной типографии, должно быть издание трудов своих членов. В этом должен лежать центр тяжести деятельности таких товариществ и, следовательно, в тех случаях, когда издание трудов своих членов играет ничтожную роль в их деятельности и служит лишь ширмой для прикрытия торговли чужими изданиями и изданиями трудов посторонних товариществу лиц, может быть возбужден вопрос об их некооперативности и ликвидации в судебном порядке.

2) Необходимо поставить кооперативные издательства в такие условия, которые обеспечивали бы им возможности организовать сбыт изданных ими трудов своих членов, и потому, учитывая особенности книжной

торговли, необходимо предоставить им как право торговать чужими изданиями, так и право издавать труды посторонних товариществу лиц, но при этом следует, конечно, иметь в виду, что торговля такими изданиями не должна быть самодовлеющей целью товарищества, а должна быть лишь средством, обеспечивающим товариществу сбыт своей собственной продукции, т.е. изданий трудов своих членов"[32].

Следуя подобным установкам, председательница всемерно заботилась о "профессионализации" состава. На "субботниках" 1924 г., помимо перечислявшихся выше писателей и литературоведов, присутствуют и выступают: А.К.Воронский, С.А.Клычков, П.С.Коган, И.А.Новиков, А.М.Пешковский, А.И.Свирский, С.З.Федорченко, О.Д.Форш, А.В.Ширяевец, В.Я.Шишков и др.[33] Дилетантов в объединении к тому времени практически нет.

ГЛАВА 2

От юбилея к юбилею

Одной из традиционных форм работы "Никитинских субботников" были так называемые "тематические вечера". На некоторые из них гости объединения допускались по платным билетам. Билеты распространялись заранее — в архиве Никитиной сохранились машинописные бланки такого рода документов[34].

Например, 22 марта 1924 г. объединение организовало вечер Волошина, приехавшего в Москву из Коктебеля. Он прочитал "Космос", "Голод", "Видение Иезекииля", "Путями Каина", "Благословение", "Поэму о России", стихи 1922 г., "Потомкам". На вечере присутствовали более 80 постоянных членов и гостей объединения[35]. 20 апреля в Доме Герцена "Никитинскими субботниками" организован "Литературный вечер", на котором присутствовало более 90 членов и гостей объединения. Согласно приложенной к протоколу программе выступили М.Я.Козырев, Л.Н.Сейфуллина, С.Я.Парнок, А.В.Владимирова, Г.А.Шенгели, В.К.Звягинцева, Э.Е.Левонтин, Л.М.Леонов, М.П.Герасимов, В.М.Инбер, П.С.Романов, А.А.Ахматова[36]. Заседание 15 ноября было посвящено В.Я. Брюсову и т.п. Для Никитиной и ближайшего круга ее друзей и помощников тематические вечера стали неплохой школой проведения чисто рекламных акций — официальных юбилеев объединения.

Осенью 1924 г. председательница объединения завершила подготовку к празднованию десятилетия "Никитинских субботников", начатую летом. Первоначально юбилей планировался в октябре, потому уже цитировавшаяся справка "омолодила" объединение на месяц. Но подготовка затянулась: нужно было заказать подобающий торжеству зал, организовать кампанию в прессе и пр.

Срок все увеличивался, и сообразно этому продолжалось "омоложение". К примеру, 25 ноября "Вечерняя Москва" в разделе "Литературная хроника" сообщала: «29 ноября исполняется 10 лет существования

общества писателей и историков литературы — "Никитинские субботники". В этот день общество устраивает открытый вечер в Доме Герцена, посвященный десятилетию о-ва. Предполагается ряд докладов профессоров историков литературы и выступления со своими произведениями виднейших писателей и поэтов — членов о-ва»[37]. Стиль профессора Никитиной здесь легко распознается.

Однако 29 ноября праздник не состоялся, и Никитина (опять анонимно) помещает 1 декабря еще одну заметку — о "субботнике", где выступили Яковлев и Пастернак. Этим читателю как бы напоминали о предстоящем торжестве[38]. Четыре дня спустя "Вечерняя Москва" публикует интервью «Десятилетие литературного общества "Никитинские субботники" (Беседа с председателем общества Е.Ф.Никитиной)», точнее — статью самой председательницы о возглавляемом ею объединении.

«10 лет тому назад, осенью 1914 года, — повествовала председательница, — "Никитинские субботники" были тесным маленьким кружком молодых профессоров, работающих над словотворчеством. Общество ставило себе целью изучать образцы художественного творчества преимущественно современных писателей. Были доклады, критические этюды, зачастую в присутствии самих писателей. Постепенно общество обросло сплоченной группой молодых писателей. За десять лет многие прошли через "Никитинские субботники". Под постоянным критическим анализом профессоров и критиков старые писатели выпрямляли свои творческие линии, молодые — оформлялись в крупные литературные величины»[39].

Глава объединения не объясняла, откуда в 1914 г. взялся "кружок молодых профессоров" и почему их общество "обросло" той "сплоченной группой". Объяснить такое вообще невозможно. Единственным профессором, посещавшим тогда салон Богушевской, был А.Н.Веселовский, и молодым его никто б не счел. Но Никитина не опасалась опровержений: немногочисленные "ветераны" — из выживших и не эмигрировавших — были на стороне председательницы. Опять же, имен "молодых профессоров" она не называла.

Зато облагодетельствованные "молодые писатели" были поименованы: «Так, — сообщала Никитина, — в "субботниках" целиком вырос А.С.Неверов, пришедший в Москву незаметным маленьким учителем-писателем. Здесь же в первый раз выступил Пантелеймон Романов — ныне один из деятельных членов общества. Молодой Леонид Леонов — так сказать — "воспитывался" на "субботниках"»[40].

Тут председательница едва ли не превзошла себя. Неверов, как известно, публиковался с 1906 г., был замечен и оценен многими литера-

торами, в том числе Горьким и Короленко, соответственно, "целиком вырос" он задолго до прихода в объединение[41]. У Романова тоже был солидный "дооктябрьский стаж" — печатался с 1911 г., и, конечно же, "в первый раз выступил" он отнюдь не на "субботниках"[42]. Да и Леонову, сыну довольно популярного писателя М.Л.Леонова, зятю знаменитого издателя М.В.Сабашникова, публиковавшемуся с 1915 г., было где "воспитываться", кроме "субботников"[43]. Кстати, на еженедельные собрания Леонов приходил с женой — Т.М.Сабашниковой, и о семейных его связях, равным образом, о литературных делах Никитина хорошо знала[44].

"Сейчас общество объединяет 140 членов", — сообщала председательница, перечисляя наиболее известных писателей, критиков и литературоведов, после чего переходила к главному: «За последние годы общество поставило себе задачей организацию издательства. К 10-летнему юбилею эта задача начинает осуществляться. Общество имеет уже "кооперативное издательство писателей" и начинает издание целого ряда произведений своих членов, переводов из иностранной литературы — под редакцией А.В.Луначарского». А затем Никитина подводила, что называется, идеологическую базу: "Общество намерено и в будущем идти по намеченному им пути. Дальнейшее объединение, широкий обхват всех литературных сил современной России, соединяя это с исследовательской работой ученых с тем, чтобы в момент рождения произведения — давать его критическую оценку"[45].

Празднование было назначено на 6 декабря — именно в этот день администрация Дома Герцена предоставила помещение. Теперь следовало обеспечить участие авторитетных литературных организаций, что поручили заместителю председателя — Шувалову. Он, в свою очередь, обратился за помощью к коллеге и товарищу по Обществу любителей российской словесности — члену-корреспонденту Академии наук П.Н.Сакулину.

«Дорогой Павел Никитич, — писал Шувалов 3 декабря, — программа заседания "Никитин. Субботников", в субботу 6 декабря, будет состоять из двух частей — торжественной (юбилейной) и обычной (литературной).

В I-ой части предполагается:

1. Ваши несколько слов при открытии заседания.

2. Краткий отчет за 10 лет.

3. Приветствия (число и порядок не установлены; думаем, что первыми выступят сами "Субб." с адресом, потом Общ. Люб. Росс. Слов. (т.е. Вы) и т.д., обещал приехать и тоже приветствовать Луначарский.

Во II-ой части выступят:

Леонов, Сейфуллина, Романов и поэты: Вера Инбер, Герасимов, Кириллов и др.

Если Вы не захотите говорить от имени нашего Общества (Люб.Р.Сл.), то нужно обратиться к А.Е.Грузинскому. Это я предполагаю, потому что, м.б., Вам не захочется выступать два раза: при открытии заседания и от Общества. Но, конечно, хорошо было бы, если бы Вы говорили и от Об-ва, т.к. А.Е. в этих случаях не бывает блестящим.

Я буду читать адрес от "Субботников".

О нашем заседании (Комиссии по изучении совр. лит.) повестки распространяю.

Будьте здоровы.

Ваш С.Шувалов»[46].

Благодаря усилиям правления во все литературные организации Москвы были заблаговременно разосланы типографским способом отпечатанные повестки:

«В субботу 6-го декабря 1924 г. Литературное Общество "НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ" празднует свой 10-летний юбилей и организует 300-ое заседание Общества в "Доме Герцена" (Тверской бульвар, 25).

Начало заседания в 9 часов вечера.

Вход по предъявлению настоящего извещения.

Учреждения и лица, желающие принести свои поздравления Обществу, благоволят сообщить об этом в Юбилейный Комитет по адресу: улица Огарева, д. № 3, кв. №7, телефон 2-14-16.

Юбилейный комитет:

Н.Л.Бродский, В.М.Волькенштейн, В.В.Вересаев, М.П.Герасимов, Л.П.Гроссман, Н.Н.Захаров-Мэнский, В.М.Инбер, М.Я.Козырев, В.Т.Кириллов, С.Г.Колеснев, Л.М.Леонов, В.Л.Львов-Рогачевский, А.В.Луначарский, Э.Е.Левонтин, И.А.Новиков, М.В.Португалов, П.А.Радимов, П.Н.Сакулин, Л.Н.Сейфуллина, Ю.А.Соболев, С.В.Шувалов, А.С.Яковлев»[47].

Число 300 для нумерации юбилейного "субботника" было выбрано более или менее произвольно. Во всем, что касалось юбилеев, Никитина руководствовалась исключительно соображениями сиюминутной целесообразности. Нумерация "субботников" при необходимости подгонялась к нужной дате, для чего протоколы исправлялись[48]. В объединении о том знали многие, но ведь предполагалось, что председательница действует в

общих интересах. По крайней мере, чьи-либо личные интересы она не ущемляла.

На юбилее в Доме Герцена присутствовали более ста действительных членов и гостей объединения. Председательствовал Сакулин — его вступительная речь изобиловала различного рода изъявлениями благодарности "Никитинским субботникам" и похвалами в адрес Никитиной.

С приветствиями "Никитинским субботникам", согласно протоколу, выступили делегаты:

Общества любителей российской словесности (А.Е.Грузинский);

Российской академии художественных наук (Л.П.Гроссман);

Секции революционного искусства РАХН (В.Л.Львов-Рогачевский);

Всероссийского союза писателей (И.А.Новиков);

Всероссийского союза поэтов (Н.Н.Захаров-Мэнский);

Цеха поэтов (В.М.Инбер);

Общества "Литературное звено" (П.И.Вагин);

Общества "Литературный особняк" (В.П.Федоров);

Коллектива рабоче-крестьянских писателей имени А.С.Неверова (Н.А.Степной);

Литературного кружка "Белые колонны" (Н.Н.Фатов);

Московской ассоциации драматургов (В.М.Волькенштейн);

Московского общества драматических писателей (С.Д.Разумовский) и т.д.[49]

Весьма показательно, что почти все приветствующие были действительными членами "Никитинских субботников", иначе говоря, объединение себя же и приветствовало. Тем не менее, сам факт — юбилей в Доме Герцена, равным образом, участие московских и всероссийских литературных организаций — весьма способствовал рекламе "Никитинских субботников". Исключительно рекламного характера была и заметка в "Вечерней Москве" 8 декабря, правда, весьма краткая и несколько невнятная, вероятно, из-за поспешного вмешательства редакторских ножниц[50].

С точки зрения историографии "Никитинских субботников" довольно интересна расшифровка стенограммы собрания, приложенная к протоколу. В частности, доклад Никитиной содержит ряд статистических данных, иллюстрирующих историю становления и развития объединения. В 1922 г., по словам председательницы, участниками собраний обсуждались "12 историко-литературных выступлений и 73 - беллетристов и поэтов; 23 год — 15 докладов, 52 выступления поэтов и 49 - беллетристов. В 24 году — 16 докладов, 67 выступлений поэтов и 35 - беллетристов, при средней посещаемости в 1922 г. - 31 ч., в 23 — 42, в 24 — 53".

В общем, — подытожила Никитина, — "получаются такие цифры: сегодня — 300-е собрание, всего заслушано 99 докладов и 601 художественное произведение". В объединении к 6 декабря 1924 г. состоят "143 постоянных члена, из них поэтов и прозаиков 93, остальные — критики, литературоведы и т.п."[51].

Упомянут Никитиной и своего рода "изофонд" объединения: «Нужно отметить еще один из моментов в жизни нашего общества: это коллекция, галерея портретов писателей — членов наших "субботников". Главным образом, здесь работы А.Куренного, который бескорыстно связал свою работу с нашим обществом и постоянно делает зарисовки портретов наших членов. Имеются также рисунки Е.Лансере, И.Билибина, Малявина». Всего, — сообщила председательница, — "имеется у нас 162 портрета, собрание, которое несомненно представляет собой ценность, потому что это портреты писателей — наших современников"[52].

11 декабря (в четверг) уже на квартире Никитиных состоялось 301-е собрание — неофициальное продолжение юбилейной программы. Было оно типично салонным: участникам разослали шуточные повестки (на сей раз машинописные), Розанов прочитал юмористический рассказ о торжестве в Доме Герцена, Зубакин - "Юбилейную оду" и т.п.[53]

К началу 1925 г. "Никитинские субботники" — самый популярный салон Москвы. За год состоялось 31 собрание при средней посещаемости свыше пятидесяти постоянных членов и гостей объединения. На "субботниках", помимо прежних участников, присутствуют и выступают Р.М.Акульшин, С.А.Алякринский, Н.Н.Асеев, Ю.Н.Верховский, И.Е.Вольнов, Л.И.Гумилевский, К.Л.Зелинский, Е.Д.Зозуля, Р.Ивнев, Т.Г.Мачтет, Д.И.Морской, С.Е.Нельдихен, Ю.Н.Потехин, И.Приблудный, И.С.Рукавишников, Г.И.Чулков, Г.А.Шенгели и др.[54]

Удачным был этот год и для издательства, выпустившего 12 книг тиражом от двух до десяти тысяч экземпляров[55]. Кооператив работал сразу в нескольких направлениях, печатая собрания сочинений (П.С.Романова, С.З.Федорченко), две серии — "Библиотеку иностранных писателей" под редакцией Луначарского (начатую романом Ж.Кокто "Самозванец Тома" в переводе В.А.Мониной) и "Библиотеку современных писателей для школы и юношества" под редакцией Никитиной (начатую сборником Вс.В.Иванова, в объединение не входившего), а также внесерийные книги действительных членов объединения[56]. Предисловия и вступительные статьи были написаны Воронским, Луначарским и Никитиной[57]. Так издательство "Никитинские субботники" снова заявило о себе, давая понять, что на этот раз кризис преодолен окончательно.

ГЛАВА 3

Огорчения триумфатора

В 1926 г. объединение действует в русле уже сложившихся традиций — устраиваются тематические вечера, обсуждаются доклады о наиболее популярных писателях и литературных организациях. К примеру, 9 января проведен "Вечер, посвященный памяти Сергея Есенина", 16 января — "Вечер конструктивистов", где, кроме уже состоявших в объединении Адуева, Инбер и Сельвинского, выступили Б.Н.Агапов, Г.О.Гаузнер и А.П.Квятковский, 10 апреля теоретик конструктивизма А.Н.Чичерин в течение всего "субботника" читал "Доклад о конструктивизме и ряд конструкций и конструэм", 15 апреля Н.К.Гудзий — доклад "Ранняя московская группа символистов" (что заняло гораздо меньше времени), 27 ноября Н.К.Пиксанов выступил с докладом "Максим Горький как руководитель современной литературы" и т.п.[58] К прежним участникам собраний присоединяются А.Г.Архангельский, И.Э.Бабель, А.П.Бибик, К.А. Большаков, С.М.Городецкий, Артем Веселый, И.Д.Лукашин, А.Р.Палей, В.Ф.Переверзев и др.[59]

Еще более активизируется и кооперативное издательство. Если за весь 1925 г. выпущено 12 книг, то с января по май 1926 г. — 27, и далее производительность увеличивается: на июнь намечалось празднование выхода 50-й книги "Никитинских субботников"[60].

В 1926 г. издательство объявляет подписку на уже начатую "Библиотеку современных писателей для школы и юношества". Как гласил рекламный проспект, серия эта должна была состоять из 15 отдельных выпусков: "Бибик А.П. — рассказы, Вересаев В.В. — рассказы, Вольнов Иван — рассказы, Гладков Федор — рассказы, Горький Максим — рассказы, Иванов Всеволод — рассказы, Леонов Максим — рассказы, Ляшко Николай — рассказы, Либединский Юрий — рассказы, Крестьянские поэты, Новиков-Прибой А. — рассказы, Низовой Павел — рассказы, Пильняк Борис — рассказы, Пролетарские поэты, Яковлев Ал-др —

рассказы". Предполагаемый объем каждого выпуска — 10 печатных листов, т.е. 160 страниц установленного формата. Эту серию Государственный ученый совет (ГУС) рекомендовал школьным библиотекам[61].

Решение ГУСа весьма облегчало реализацию тиража — книги раскупались сразу же после вывоза из типографии.

Было бы "непонятным грехом со стороны школы не знакомить ученика с современной литературой, — писал Луначарский. — Вовсе для этого не нужно вводить современную литературу, как какой-то особый предмет. Надо только, чтобы эта литература врывалась в двери и окна каждого комплекса и наполняла его светом и жизнью", и, "кроме того, надо, чтобы ученик легко находил книгу для чтения современную, свежую, будящую его мысль, дающую ему возможность поярче, побогаче ориентироваться в окружающем". Серия в целом, — указывал нарком, — "не хрестоматия и во всяком случае не учебник, но целостные повести, в совокупности своей хорошо освещающие данную писательскую индивидуальность и излюбленные сюжеты, которые данный писатель, по особенностям своей жизни, избрал своим объектом". При этом каждая «книжка снабжается предисловием, дающим характеристику, так сказать, социальной личности писателя и социальной значимости предлагаемых вниманию молодежи произведений. Я от души желаю, — завершал нарком рекламный пассаж, — чтобы новая литература и младшая часть нынешней молодежи как можно крепче сплотились между собой, и думаю, что серия, предлагаемая издательством "Никитинские субботники", сыграет в этом отношении свою заметную и благотворную роль»[62].

В этом же году открылась подписка на выпускаемую "Никитинскими субботниками" "Галерею современных русских писателей".

Как сообщалось в рекламном проспекте издательства, "Галерея современных русских писателей" с предисловием президента Академии художественных наук П.С.Когана "будет содержать в себе 48 художественно исполненных (по способу меццо-тинто) портретов современных русских писателей. Портреты будут напечатаны на плотной александрийской бумаге, размером каждый портрет 35х53 сантиметров. Вся Галерея будет состоять из 3-х серий, по 16 портретов в каждой, причем каждая серия будет заключена в художественную папку с рис. худ. Н.Вышеславцева". Портреты "выполнены художниками: Юр.Анненковым, Н.Н.Вышеславцевым, В.В.Журавлевым, Б.М.Кустодиевым, Ю.Машковым, Ю.Сомовым, Н.Шлейном, С.Чехониным и К.Юоном. К каждой серии будет приложена брошюра с биографиями писателей и библиографическим указателем"[63].

Серия предназначалась, главным образом, для школьных кабинетов русского языка и литературы. «Задача издаваемой "Никитинскими субботниками" Галереи писателей, — пояснял проспект, — состоит в том, чтобы дать учащимся портреты писателей-современников, их биографии (или автобиографии) и библиографический указатель (перечень печатных его произведений) — научно-художественный ценный материал, — необходимый для лабораторной проработки»[64]. При практикуемом в те годы "лабораторном методе обучения" наглядные пособия такого рода были весьма удобны, правда, не столько учащимся, сколько педагогам.

В 1926 г. издан и "Свиток" № 4, довольно долго лежавший в редакционном портфеле. Авторами его были Ахматова, Волошин, Воровский, Герасимов, Гроссман, Инбер, Кириллов, Лаврова, Луначарский, Неверов, Перцов, Пиксанов, Розанов, Шувалов, Яковлев и Никитина[65]. Выпуск альманаха откладывали по соображениям чисто коммерческим — книги продавались гораздо быстрее.

По этой причине так и не вышел "Свиток" № 5, сведения о котором уже появились в периодике[66]. Впрочем, отказ от "Свитка" был предусмотрен изначально — подготовка коллективного сборника или альманаха обычно требует куда больших затрат, нежели книга одного автора[67].

С учетом растущего авторитета объединения председательница попыталась укрепить и свою академическую репутацию. В 1926 г. кооператив выпустил весьма объемную (540 стр.) книгу Никитиной "Русская литература от символизма до наших дней: литературно-социологический семинарий". Предисловие к ней написал Пиксанов. Руководитель "семинария по изучению новейшей русской литературы" использовала материалы архива, ею собранного (автобиографии литераторов, рукописи, корреспонденцию), а потому решила выступить самостоятельно, без участия Шувалова, в соавторстве с которым издала "Поэтическое искусство Блока" и другие работы[68]. С помощью влиятельных друзей Никитиной удалось добиться, чтобы ГУС рекомендовал книгу к изданию в качестве учебного пособия.

Однако на сей раз опыт был полностью неудачен. И даже заступничество Пиксанова не избавило автора от разгромных отзывов: неумело составленные биографические справки, множество фактографических ошибок, полная научная безответственность и несостоятельность — таково было мнение рецензентов.

У.Р.Фохт, например, удивленный рекомендацией ГУСа и похвалами Пиксанова, назвал никитинское исследование "сумбурным и ложным"[69]. «Скажем прямо: что, кроме верхоглядства, может породить работа в таком темпе и в таком порядке? — вопрошал И.А. Груздев. — Тем более,

что темы по серьезнейшим вопросам чередуются с такими: “Творческий профиль Игоря Северянина”, “Каламбурные упражнения Маяковского”, “Лояльная нежность к родине” (у Кусикова). Иные из этих положений принимают прямо полузагадочный характер: “Исторические полотна в изображении Луначарского”, “Завод в природе или природа в заводе”, “Физиология в творчестве Пильняка”. Недаром Н.К.Пиксанов в предисловии к книге высказывает пожелание, “чтобы Е.Ф.Никитина сама осуществила в печати то, что она предлагает прорабатывать другим”»[70]. Еще более резок в оценках Н.А.Глаголев: “Необходимо как можно скорей оповестить нашего читателя о полной научной никчемности этой работы Никитиной. Рецензируемая книга изобилует совершенно невероятным количеством всякого рода ошибок, недочетов, пробелов, она написана крайне небрежно, неряшливо, она отталкивает от себя огромнейшим количеством опечаток”[71].

Результат был закономерен и чисто статистически: готовя монографию к печати, Никитина продолжает преподавание, сотрудничает с несколькими научно-исследовательскими организациями, возглавляя при этом объединение и кооператив, наконец, пишет и публикует другие книги и множество статей, а также числится ведущим редактором сразу нескольких серий[72]. Даже если б хватало дарования, то времени могло и не хватить.

Вот почему не только злополучный “литературно-социологический семинарий” — буквально вся научно-педагогическая деятельность Никитиной в 20-е годы весьма скептически воспринималась уцелевшими интеллектуалами. Городецкий, к примеру, почти четверть века спустя иронизировал в приватной переписке: «Двадцатые годы, Москва. “Никитинские субботники”. Ведет их Авдотья, называющая себя Евдоксией. Жена бывшего министра в кабинете Керенского — Никитина. Министр робко прячется в спальне, пока Авдотья с либерализмом к стилям и направлениям выявляет кто куда. Для выяснения пускались в ход все прелести хозяйки и ее подруг. Одна из них была и мне прелестна. Авдотья так безграмотна, что боится показать свой почерк. Но ее *поименный архив писателей — музейное дело* (выделено мной — *Д.Ф.*). Не могу возразить и против такого способа разведки. Должен сказать, что в Советском государстве ничего не делается, что как-нибудь с того или иного боку не было бы полезно народу. Так и Авдотьины субботы (название помогало делу!) сыграли свою роль в росте советской литературы. Особенно в литературоведении»[73].

В целом Городецкий был прав — материалы, собранные Никитиной для музея, пригодились. Успела она их использовать и при подготовке еще

нескольких справочных изданий, выпускавшихся кооперативом[74]. А в 1959 г. вышел двухтомник "Советские писатели. Автобиографии", составленный бывшей председательницей "Никитинских субботников" и Б.Я.Брайниной, которая в 20-е годы посещала семинарий Никитиной, участвуя также в работе объединения[75]. И в периодике отзывы о двухтомнике были исключительно комплиментарные[76].

Кстати, неудачный "опыт литературно-социологического семинария" отнюдь не обескуражил Никитину. Подобное случалось и прежде: ей не удалось, например, добиться известности как поэту или прозаику, да и в качестве критика Никитина печаталась преимущественно в изданиях своего кооператива, на что профессионалы обращали внимание. Академическая репутация тоже не сложилась, но зато, сколько б ни язвили рецензенты, Никитина все равно оставалась профессором, хозяйкой популярного салона и возглавляла процветающее издательство.

В 1926 г. совокупный тираж книг (имеется в виду художественная литература), выпущенных кооперативом, составил 90 000 экз. По тому времени — результат впечатляющий: год спустя известный библиограф И.В.Владиславлев относил "Никитинские субботники" к четырнадцати наиболее крупным предприятиям из числа государственных и частных издательств — ГИЗ, ЗиФ, "Недра", "Время", "Сеятель", "Молодая гвардия" и т.д.[77] У кооператива хватало средств, чтобы оплачивать аренду помещений для редакционного и торгового отдела, почтовой экспедиции и прочих служб[78]. "Никитинские субботники" могли позволить себе и расходы на выпуск не только рекламных изданий тиражом до 15 000 экз., но и фирменных бланков, конвертов, программ некоторых собраний, равным образом, проспектов выставок, проводившихся объединением[79]. Более того, постоянным членам выдавался "фирменный комплект": специальное удостоверение в картонной, обтянутой коленкором обложке, на которой серебром было вытиснено название организации, и аналогичным образом оформленный блокнот, где на обложке значились также фамилия и инициалы владельца[80].

На заседании президиума 26 февраля 1927 г. был утвержден финансовый отчет правления и принято решение "отложить 30% в основной капитал, 20% — в запасной, остальные оставить на счете прибылей и убытков". Кроме того — "увеличить вознаграждение председателю до 200 руб. с 1.10. 1926 г." Подразумевались, конечно, ежемесячные выплаты, причем уже в червонцах — устойчивой валюте[81]. Вновь ежемесячное вознаграждение главе "Никитинских субботников" увеличили на заседании правления 28 марта — до 360 рублей[82]. Это

было немало — уровень инженеров-путейцев высшей квалификации, университетской профессуры и старшего командного состава Красной Армии.

Итак, во второй половине 20-х годов салон-предприятие обеспечивал Никитиной если и не репутацию академического ученого, то, по крайней мере, статус преподавателя высшей школы, солидный доход и авторитет в издательском мире. Правда, лишь издательском: председательнице пока не удавалось убедить современников, что созданная ею организация — содружество литературных единомышленников, творческий союз.

ГЛАВА 4

Неувиденная видимость

Создать "Никитинским субботникам" имидж творческого союза Никитина пыталась неоднократно. Выше уже отмечалось, что она не жалела средств на рекламу объединения, устраивала юбилейные торжества, приветствия от известных литературных организаций и т.п. Благодаря ее заботам "Никитинские субботники" выглядели вполне солидно, имея зарегистрированный устав, сформировавшуюся иерархическую структуру, "фирменный стиль", собственное издательство и альманах. Должность председателя официально считалась выборной, да и все члены правления кооператива и президиума объединения тоже избирались. Казалось бы, признаки совместной творческой деятельности налицо. Даже Городецкий, жестоко высмеявший "Авдотью", вспоминал позже: «Средой, в которой я жил в это время, были "Никитинские субботники"»[83]. Тем не менее, современники (как посещавшие, так и не посещавшие еженедельные заседания) охотно спорили в печати о роли и значении различных литературных групп, а вот "Никитинские субботники" упоминать упорно не желали — практически все статьи об организации, созданной Никитиной, инспирировала сама председательница.

Причина "упорства" тогдашних литераторов легко обнаруживается: давая оценку какой-либо организации, они ориентировались на общепринятое мнение о природе творческих союзов. "Никитинским субботникам", несмотря на все старания председательницы, по-прежнему не хватало одного признака творческих союзов — "общей платформы", совокупности эстетических установок, открыто заявленных в качестве "руководящих". Этот признак был главным, и при его отсутствии все прочие роли не играли.

Такой подход прослеживается и в декларациях, и в мемуарах, и в специализированных работах о литературных организациях.

Шершеневич, например, в связи с историей формирования группы имажинистов, писал: "Мы долго не могли договориться до всего, что нас потом объединило"[84]. Подразумевалась, естественно, творческая общность. При этом далеко не во всех группах было обязательным соблюдение описанных в программных документах эстетических установок. Зачастую достаточной считалась и чисто декларативная к ним приверженность. Так, Е.И.Габрилович, вспоминая о товарищах по ЛЦК, счел нужным пояснить: "Каждый писал по-своему и уже потом наши главари разъясняли, в чем и как тут конструктивизм. Конечно, я был очень малым из конструктивистов, из незаметных, но все же берусь утверждать, что никто из них (даже нередко Сельвинский) не руководствовался в своей практике теориями"[85]. Однако, вне зависимости от индивидуального отношения к "теориям", конструктивисты, по словам того же Габриловича, "их отстаивали вплоть до словесных или даже физических схваток в Политехничке"[86]. А иначе и "группу взаимной поддержки" следовало бы распустить.

Характерно, что и Л.Н.Лунц, демонстративно отрицавший эстетическое, равным образом, политическое единство "Серапионовых братьев", счел нужным сформулировать другой критерий объединения — "братскую любовь". Этого требовали законы жанра, жанра декларации. "Каждый из нас, — указывал автор, — дорог другому как писатель и как человек"[87]. Нет критерия — нет творческого союза. Да и критерий был отчасти эстетический: все же сначала — "как писатель", а уж потом — "как человек".

Кстати, оппоненты не замедлили сообщить Лунцу, что любая группа, выступив с декларацией, не сумеет обойти законы жанра[88]. П.С.Коган, к примеру, счел статью проявлением далеко не безопасной политической инфантильности. Хоть "пуще всего боятся они платформ, манифестов и программ", иронизировал он, однако "не заметили братья, что они и платформа и программа", и пусть внешне "направления или школы не было", но «это только "внешне". Единство братьев перед судом общественности несомненно. Ведь отрицание платформ тоже платформа, и марксистская мысль (Плеханов) не раз выясняла, при каких условиях возникает такая платформа»[89].

Возможно, если б Никитина опубликовала манифест, аналогичный лунцевской статье, "Никитинские субботники" гораздо раньше стали бы объектом изучения историков литературы и критиков. Но с 1922 г. председательница старательно избегала каких бы то ни было намеков на деидеологизированность, настаивая на политическом единстве, абсолютной "советскости" своей организации, что видно, в частности, и по приведен-

ным выше регистрационным документам. Сформулировать же критерий творческой общности ей не удалось, и это определило отношение литераторов к "Никитинским субботникам".

Исключения (о которых уже говорилось выше) были весьма немногочисленны. Из них наиболее интересно свидетельство И.А.Белоусова — пожалуй, единственное в своем роде. Белоусов посещал "субботники" с 1927 г., был принят в объединение, и книга его мемуаров выпущена никитинским издательством[90]. В 1928 г. он писал: «Одной из самых обширных группировок в настоящее время являются "Никитинские субботники". Благодаря необыкновенной любви к литературе основательницы этих "Субботников" в это объединение вошли писатели всех групп и направлений». Далее мемуарист конкретизирует: «Эти "Субботники" по своей конструкции напоминают старые литературные "Среды", только менее изолированные от наплыва людей пишущих, не представляющих из себя однородного состава»[91].

Не вдаваясь в обсуждение вопроса об ангажированности автора панегирического отзыва, стоит отметить очевидное: ветеран "Среды" ориентируется в первую очередь на реалии литературного процесса 1890-1900-х годов. В связи с этим его свидетельство позволяет судить не столько о природе "Никитинских субботников", сколько о специфике белоусовского восприятия литературного процесса 1920-х годов.

"Никитинские субботники" мемуарист сопоставляет с кружковым объединением писателей ("Средой"), и черты сходства тут, как он полагает, несомненны: еженедельные заседания с обязательным чтением и обсуждением рукописей, стабильный состав участников, издательская деятельность. Но и отличия, на взгляд Белоусова, существенны: нет творческой общности, "однородного состава", на "субботники" сходятся "писатели всех групп и направлений", что кружку в качестве формы объединения ("Среде" — особенно) не свойственно. Потому Белоусов и пишет, что "субботники" лишь *напоминают* "среды" 1900-х годов. Он явно не желает разбираться в перипетиях литературной борьбы 1920-х годов.

«Некоторые группы, — сообщает мемуарист, — существовали еще до революции: "Никитинские субботники", Всероссийский союз крестьянских писателей, образовавшийся из "Суриковского кружка"»[92]. Несообразности тут очевидны. Назвать "Никитинские субботники" в числе дореволюционных объединений Белоусова, похоже, попросила Никитина — больше вроде бы некому. Устав же Суриковского кружка был, как известно, утвержден в 1905 г., а Всероссийский союз крестьянских писателей организован в 1921 г. на состоявшейся в Москве Всероссийской конференции

крестьянских писателей. Правда, конференция была созвана по инициативе Суриковского кружка, однако из этого не следует, что организация, сложившаяся в 1921 г., действовала до 1917 г.

Идентифицировать объединение как салон Белоусов не счел возможным потому, вероятно, что слишком велика была степень "заорганизованности": официально утвержденный устав, канцелярски-усложненная процедура приема (две письменные рекомендации), выборность руководства и пр. Выход из затруднения мемуарист находит, назвав "Никитинские субботники" группировкой. Термин, что называется, на слуху, новомодный, преимущественно советский, привычный — благодаря постоянному использованию "партийного лексикона" в тогдашней литературной полемике. Явно не желая вникать в терминологические тонкости столь позднего происхождения, Белоусов, как показано выше, именует группировками едва ли не все советские литературные организации. Для куда более политизированных современников подобный подход — немыслим.

Л.Л.Авербах, к примеру, выступая в 1927 г. на конференции Московской ассоциации пролетарских писателей, предложил такую классификационную схему: "Литературные организации строятся различно, они могут строиться по принципу формальному, могут строиться по принципу личной дружбы и отсутствию всяких принципов, могут строиться по принципу идеологически-классовому"[93].

В качестве организации, построенной по первому из перечисленных критериев, Авербах называет объединение имажинистов, имея в виду декларированное ими отношение к форме художественного произведения. Понятно, что этот критерий применялся не только к имажинистам, но и к ЛЦК, например. Второй критерий, по мнению автора классификации, использован при создании группы "Серапионовы братья" — солидарный с Коганом, Авербах считал, что "отрицание платформ — тоже платформа". Конечно, и "Серапионовы братья", полагал Авербах, случай не уникальный, это экстремальное проявление тенденции. Основателями же Московской ассоциации пролетарских писателей, утверждал докладчик, выбран третий критерий, наиболее удобный (с напостовской точки зрения) в решении задач творческих: "Мы объединяемся и строим вместе нашу организацию потому, что являемся пролетарскими писателями", а значит, "имея дело с новым классовым содержанием, мы получим и новую форму, и новый подход к художественной литературе"[94].

Для описания объединений, не относящихся к творческим союзам, Авербах привел еще один критерий: "Есть организации, которые стро-

ятся по принципу профессиональному. Например, Всероссийский союз писателей: писатели собираются вместе только потому, что они писатели"[95].

Другой напостовский теоретик, В.М.Саянов, в монографии "Современные литературные группировки" постулировал: "Само собой понятно, что писательское объединение творческого порядка представляет собой такое объединение, члены которого объединены системой взглядов на задачи литературы и литературной политики"[96].

Только сообщества литераторов-профессионалов, объявивших себя единомышленниками, т.е. именно творческие союзы, и принято было называть "группировками". Соответственно, область применения термина "литературное объединение" изрядно сузилась. Если в досоветские времена "литературное объединение" было родовым понятием, общим названием литературных организаций разных типов — кружков, салонов и пр., то к середине 1920-х годов "литературное объединение" и "группировка" стали почти синонимами. Термин "кружок" употреблялся, как правило, по отношению к сообществам малочисленным или же дилетантским, ну а союзы профессионалов, не завоевавшие репутации творческих, называли просто "объединениями" и "группами".

Вот почему Саянов, в уже цитировавшейся монографии о группировках 20-х годов, жестко ограничивает рамки исследования, указывая, что "значительная часть писателей-попутчиков входит в состав Всероссийского союза писателей, однако союз не имеет единой идеологической платформы, единой системы взглядов на вопросы литературы, и, следовательно, не может быть подробно описан в настоящем обзоре, посвященном исключительно творческим писательским объединениям"[97]. При этом "Серапионовы братья" — в понимании Саянова — группировка: программный документ (хоть и отличающийся, по словам Саянова, "политической безграмотностью") ею опубликован.

Конечно, классификационным экзерсисам Авербаха и Саянова научная новизна была не свойственна. Рапповские теоретики лишь суммировали (в меру сил) то, что и до них многократно повторялось. Не случайно Саянов, приводя определение "писательских объединений творческого порядка", оговаривался, что оно — "само собой разумеется". И для рапповцев, и для их оппонентов.

Никитина, в отличие от Белоусова, советские терминологические тонкости различала. В начале 1920-х годов председательница и не могла открыто претендовать на то, чтобы ею созданная организация была признана группировкой. До поры тут ничего нельзя было сделать, оставалось только надеяться на развитие "Никитинских субботников". Соответственно,

Никитина, избегая маркированных терминов, называла объединение то “литературным кружком”, то “литературным обществом”[98].

Численность участников с годами росла, но ситуация не менялась, да и не должна была меняться — появления “общей платформы” у “Никитинских субботников” не ожидалось. Отчасти председательница с этим смирилась, что и выразилось в отказе от “Свитка”: выпуск дорогостоящего альманаха не влиял на уже сложившееся представление о “Никитинских субботниках”, значит, деньги следовало вкладывать в более прибыльные издания.

Сорок лет спустя Никитина все же добилась своего: если в 20-е годы “Никитинские субботники” мало кто в печати называл литературным объединением, то в 60-е годы мало кто называл иначе. Что можно считать вполне закономерным, даже не принимая во внимание приложенные усилия: группировок давно не осталось, потому проблема выбора адекватного термина утратила актуальность.

ГЛАВА 5

Принципы литературной конкуренции

То, что никитинский салон-предприятие современники не соотносили с группировками, вполне закономерно. Странным (по крайней мере на первый взгляд) может показаться, что и среди литературных союзов других типов "Никитинские субботники" тоже "не замечены". Объединение словно бы не существовало, хотя и пользовалось неслыханной популярностью.

Парадокс порожден особенностями литературного процесса 1920-х годов. Именно качества, мешавшие объединению получить известность официальную, привлекали (наряду с перспективой участия в кооперативном издательстве) десятки знаменитостей на еженедельные заседания.

Наиболее отчетливо это выявляется при сопоставлении начальных условий существования "Никитинских субботников" с условиями, в которых формировались и действовали прочие литературные организации 20-х годов.

В силу рассмотренной выше направленности советского законодательства, возникающие сообщества литературных единомышленников (равным образом, те, кто стремились прослыть таковыми) были вынуждены официально определить свое отношение к правительству, заявить о готовности помочь или, по крайней мере, согласии не препятствовать решению поставленных правительством задач. Тенденция эта отчетливо прослеживается и в административной практике, и в программных документах большинства групп.

Как известно, футуристы — в качестве группы — первыми предложили правительству свои услуги, благодаря чему сразу заняли положение лидеров. Правительство же, взяв на службу недавних бунтарей, скандалистов и "взорвалистов", отнюдь не собиралось использовать их эстетические концепции — важен был сам факт готовности интеллигентов к сотрудничеству. Это стоило предоставленных льгот.

Правда, льготы предоставили нехотя и на срок не столь уж продолжительный. Г.Е.Зиновьев, к примеру, возмущался позже, что "нелепейшему футуризму" позволили "прослыть чуть ли не официальной школой коммунистического искусства", и призывал поскорее исправить допущенную ошибку[99]. А.М.Эфрос в связи с тем, что футуризм, хоть на время, но признали "официальным искусством новой России", писал: «Его жизнь в республике Советов казалась парадоксом. Он пришел к власти с другого конца. Спор за власть был решен не предпочтением, оказанным искусству, а предпочтением, оказанным людям. "Футуризм" был не нужен, но "футуристы" были нужны»[100].

Тогдашнюю точку зрения правительства подробно разъяснил В.П.Полонский, входивший с 1919 г. в руководство ЛИТО Наркомпроса. "Объявив войну классикам, восстав против власти старых ценностей, разрушая признанные каноны, революционизируя поэтические формы, футуризм привлек в свои ряды не только новаторов, отвергавших буржуазные эстетические формы. Он привлекал к себе недовольных вообще, непризнанных, оскорбленных, неудовлетворенных". А значит — наиболее активных, готовых и далее разрушать, ниспровергать, самоутверждаясь. И поскольку "власть нуждалась в организаторах и руководителях первого, разрушительного периода работы, эта роль оказалась в руках футуризма"[101].

Наиболее агрессивные (или азартные) из "недовольных вообще" попытались даже создать футуристическую группу непосредственно в РКП(б), назвав ее "коллектив коммунистов-футуристов — Комфут". В январе 1919 г. Комфут выпустил декларацию, авторы которой настаивали на необходимости немедленно "подчинить советские культурно-просветительские органы руководству новой, лишь теперь вырабатываемой культурной коммунистической идеологии", а в качестве идеологов-руководителей предлагали себя. Устав новой группы гласил: "В число членов коллектива Комфута может вступить каждый член РКП(большевиков), признающий культурно-идеологическую программу коллектива, принимающий устав его и согласный активно участвовать в его работе", причем "выбывший из РКП(большевиков), тем самым, автоматически выбывает из коллектива"[102].

Разумеется, лидеры партии не могли допустить официальной регистрации подобной группы. Луначарский, например, утверждал, что история Комфута — просто курьез. "Левое искусство, футуристы, — вспоминал нарком, — пошли к нам: это люди молодые, они даже хотели назваться комфутами, но мы им в этом отказали и сказали, чтобы они вошли в партию в обычном порядке, как все остальные"[103].

Имажинисты (в качестве литературного объединения) тоже следовали алгоритму "агрессивного маркетинга" — эпатирующий манифест и скандальная практика. В их декларации прежде всего сообщалось об эстетической несостоятельности футуризма (поскольку и футуристы, равным образом, их предшественники, для начала объявляли о несостоятельности всех других направлений): "Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 — умер 1919). Издох футуризм"[104]. Затем, по традиции, провозглашались принципы новой (или выдаваемой за таковую) эстетической системы. Подразумевалось, что первые из провозгласивших и реализовавших эти принципы в творчестве попадают в классики по определению. Далее, как водится, читателя знакомили с очередным "приказом по армии искусств": "42-сантиметровыми глотками на крепком лафете мускульной логики мы, группа имажинистов, кричим вам свои приказы". И, конечно, не обошлось без обоснований лояльности группы: для леворадикального (как полагали авторы декларации) правительства имажинисты предпочтительней футуристов, потому что, во-первых, "левей", а во-вторых, они — "настоящие мастеровые искусства", почти пролетарии[105]. Но момент был упущен — льготы, предоставленные футуристам, имажинистов миновали, хотя препятствий группе не чинили.

Экстраординарный случай — история так называемого разгрома Пролеткульта 1920-1921 гг. Функционально Пролеткульт не вполне тождествен прочим объединениям, однако в данном случае важно, что лидерам этой организации инкриминировали огульное отрицание культуры прошлого, намерение обособиться от партии и государства. Первое весьма спорно (да и не одни пролеткультовцы начинали с "эстетического нигилизма"), что до второго, то ни о каком реальном обособлении заведомо не могло быть речи: организация полностью финансировалась из бюджета Наркомпроса, а состав высшего руководства Пролеткульта утверждало Политбюро ЦК РКП(б)[106]. Тем не менее Ленин, как известно, был весьма встревожен, и в итоге мнимых сепаратистов полностью подчинили Наркомпросу — согласно знаменитому письму ЦК РКП(б) "О пролеткультах"[107].

Предсовнаркома беспокоили отнюдь не сепаратизм или же "эстетический нигилизм" пролеткультовцев, а все возраставшее влияние давнего соратника-соперника — А.А.Богданова. В разгар гражданской войны у правительства просто руки до Пролеткульта не доходили, зато на исходе ее обнаружилось, что Богданов, давно отвергший большевизм, не только сохранил авторитет в партии, но и успел создать свою школу "всеобщей организационной науки", свою теорию управления, "текто-

логию" — комплекс универсальных алгоритмов для решения задач научных, социальных и т.п. Пролеткульт он хотел сделать своеобразной школой организаторов, дабы эти организаторы, освоив "тектологические" приемы на материале искусства и науки, использовали бы полученные навыки в иных областях, когда, по мнению Богданова, социализм действительно победит[108].

Перспектива конкуренции управленческих методов и управленцев была чисто гипотетической, но правительство не желало рисковать. Осенью 1921 г. Пролеткульт вновь подвергся энергичному административному натиску, и в соответствии с директивными документами Богданов был окончательно отстранен от пролеткультовской работы[109].

Осенью 1922 г. началась кампания против преемника Богданова в Пролеткульте — В.Ф.Плетнева, и через год (вероятно, уже без ведома Ленина) планировался политический процесс якобы сформированной Богдановым оппозиционной группировки "Рабочая правда". Бывшему пролеткультовскому теоретику отводилась там роль главного обвиняемого. Вел следствие известный специалист-фальсификатор Я.С.Агранов, улики уже сфабриковали, свидетелей подготовили, создатель "тектологии" был арестован и находился во внутренней тюрьме ОГПУ. Но процесс не состоялся. Отчасти потому, что Богданов сумел объяснить правительству нецелесообразность своего участия в подобного рода акциях, отчасти по причине изменения расстановки сил в самом Политбюро: главным противником стал Троцкий, отрицавший концепцию пролетарской культуры. Богданова отпустили, всякие упоминания о следствии, аресте и пятинедельном заключении запретили, а документы, непосредственно относящиеся к этим событиям, признали секретными[110].

О том, что ленинские инвективы, связанные с Пролеткультом, обусловлены в первую очередь стремлением ограничить популярность Богданова, знали многие современники. В мае 1924 г. Луначарский на совещании при Отделе печати ЦК попытался было объяснить, что Ленин считал опасной ретивость борцов с "буржуазной культурой", которые, "отбросив ценное в наследии буржуазии", намерены "выдумывать свое", а потому "боялся и Пролеткульта", однако собравшиеся немедленно поправили докладчика: "Он боялся богдановщины". И Луначарский вынужден был согласиться. Ленин, по словам наркома, "боялся того, что у Пролеткульта могут возникнуть философские, научные, а в конце концов и политические уклоны". Затем, оставив экивоки, нарком признал: Ленин "не хотел создания рядом с партией конкурирующей рабочей организации"[111].

Кстати, "Кузница", которую основали при ЛИТО Наркомпроса выходцы из Пролеткульта, тоже поначалу отличалась нигилистическим отношением к "культурному наследию", тоже провозглашала собственную исключительность, но партийное руководство критиковало "кузнецов" далеко не так рьяно, как пролеткультовцев, подозреваемых в "богдановщине"[112]. То же относится и к "Всероссийской ассоциации пролетарских писателей" (ВАПП), созданной на базе "Кузницы" в 1921 г. Ну а группа "Октябрь", сформированная в 1922 г. литераторами, вышедшими из "Кузницы", а затем и Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП), принявшая в качестве программного документа "платформу" группы "Октябрь", непосредственно руководились партийными функционерами.

Возвращаясь к обвинениям, выдвинутым против Пролеткульта, можно отметить, что первое — нигилистическое отношение к досоветской культуре — современники воспринимали скорее как предлог. Сама идея социальной революции, тем более в большевистском "изводе", предполагала своего рода переворот, противопоставление[113]. Отрицание прежних социальных установок провоцировало и отрицание установок эстетических, противопоставление "революционного искусства" — всякому иному. У правительства не было до поры собственной концепции "развития культуры". О необходимости ее создания вспоминали от случая к случаю — приходилось решать задачи более важные. Потому в области литературной политики ясны были только общие задачи: нейтрализация влияний, считавшихся негативными, и подчинение, использование литераторов.

С окончанием гражданской войны актуализировалась и проблема литературной политики — на уровне методологии. Благодаря нэповским законодательным нововведениям советская издательская модель обрела сходство с предреволюционной, потому нужны были дополнительные меры, дабы сохранить, так сказать, идеологически-коммерческое господство. И правительство выбрало метод, уже апробированный в армии, на транспорте, в промышленности и т.п.: привлечение на льготных условиях "буржуазных специалистов", коим надлежало работать под присмотром "комиссаров", готовящих специалистов исконно советских.

По согласованию с Лениным и Троцким в литературе таким "комиссаром" был назначен Воронский. Ему и предоставили право распоряжаться финансовыми средствами. Это был аналог донэповской "пайковой" системы. Следуя полученным инструкциям (они не противоречили его личным литературным пристрастиям), Воронский, естественно, ориентировался на "специалистов", а не на "пролетарских" писателей[114].

В феврале 1922 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление "О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской", предусматривавшее финансирование уже существующих особо лояльных издательских структур и объединений, а также создание новых, аналогичных[115]. По сути это было документальным оформлением уже практиковавшихся мер, но результаты стали более заметными: в Москве, Петрограде, Харькове, Перми, Вятке, Новониколаевске, Омске, Красноярске и других городах учреждались все новые и новые издательства и объединения[116]. Воронский же начал подготовку к организации артели писателей "Круг" — универсального объединения писателей "советского направления". "Только таким путем, — утверждал он, — мы можем повести идейную борьбу на книжном рынке". По замыслу партийного руководства объединениям "советского направления" предоставлялись — "конспиративно" — льготные условия при регистрации и перерегистрации, участникам их выплачивались повышенные гонорары и т.п.[117] Ну, а подозреваемыми в нелояльности занималось ГПУ, и, даже если обходилось без арестов, публикации были затруднены — рукописи задерживала цензура, типографии внезапно поднимали цены и т.п.

Таким образом, в 1922 г. объединения (сложившиеся и вновь организуемые) вынуждены были считаться с тем, что даже нейтралитет по отношению к правительству чреват осложнениями — и на уровне административном, и при публикации в периодике, и при подготовке отдельных (индивидуальных или коллективных) изданий. С другой стороны, декларируемая готовность к безоговорочной поддержке правительственных начинаний могла принести конкретный — финансовый — результат.

Стоит оговорить еще раз: вопрос об искренности авторов деклараций вообще не рассматривается в данной работе. Речь идет о соответствии законам жанра.

Маяковский, например, обратился к руководству Госиздата и непосредственно в Агитпропотдел ЦК ВКП(б) с просьбой субсидировать издательство и журнал "Левого фронта искусства" — в качестве "коммуно-устремительного фронта"[118]. Принятая в марте 1923 г. лефовская декларация — синтез отрицания досоветского (нефутуристического) искусства и доказательств ценности группировки для правительства. Завершается она, как и положено, уверениями в полной готовности к сотрудничеству. «Наш прошлый лозунг: "Стоять на глыбе слова "Мы" среди моря свиста и негодования". Сейчас мы ждем лишь признания верности нашей эстетической работы, чтобы с радостью растворить маленькое "мы" искусства в огромном "мы" коммунизма»[119]. Пять лет спустя

Пастернак (в редакционной анкете, которую он просил не публиковать) писал о товарищах по объединению: "Леф удручал и отталкивал меня своей избыточной советскостью, т.е. угнетающим сервилизмом, т.е. склонностью к буйствам с мандатом на буйство в руках"[120].

Сообщество конструктивистов, сложившееся весной 1922 г., тоже начинало с отрицания эстетических принципов прежней (досоветской) эпохи, доказательств своего "технологического" преимущества и уверений в лояльности. Группа осталась верна этой схеме и после ряда изменений в составе — эпиграфом к декларации ЛЦК, опубликованной в "Лефе", был эффектный лозунг: "Конструктивизм — этап к искусству социализма". И, конечно же, творцы новой эстетики объявляли ее наиболее ценной для правительства, поскольку "конструктивизм — упорядоченные в систему мысли и общественные умонастроения, которые подчеркнуто отражают организационный натиск рабочего класса"[121].

За право официально выражать "идеологию пролетариата в искусстве" надлежало бороться с конкурентами — даже с теми, кого числили в товарищах и учителях. Потому лефовско-конструктивистский альянс постоянно распадался, и позже ЛЦК полемизировал с Лефом в нэповском духе, противопоставляя "военному футуризму" свою "строительную точку зрения", отвечающую "требованиям периода социалистической реконструкции"[122]. Впрочем, и лефовцы, как известно, не оставались в долгу, а всем вместе доставалось от недавних союзников — рапповцев. Конкуренция.

Группа, как правило, более конкурентоспособна, нежели индивидуум, и в годы нэпа многие литераторы-профессионалы успешно использовали свой предреволюционный опыт и опыт футуристов, прежде казавшийся не вполне приемлемым. Н.Я.Мандельштам вспоминала в связи с этим: «В двадцать втором году на Мандельштама был еще спрос. Кроме Нарбута с новым акмеизмом без Ахматовой, но с Бабелем и Багрицким, были кучи других предложений деловых литературных союзов. Однажды Мандельштама зазвал к себе Абрам Эфрос — я была с ним — и предложил "союз", нечто вроде "неоклассиков". Все претенденты на "неоклассицизм" собрались у Эфроса — Липскеров, Софья Парнок, Сергей Соловьев, два-три человека, которых я не запомнила. Эфрос разливался соловьем, доказывая, что без взаимной поддержки сейчас не прожить. Большой делец, он откровенно соблазнял Мандельштама устройством материальных дел, если он согласится на создание литературной группы: "Вы нам нужны"... Где-то на фоне маячил Художественный театр и прочие покровители»[123]. Что и было залогом успеха в борьбе за гонорары.

Безусловно, конкуренция — неотъемлемый элемент литературного процесса, но советская модель тем и примечательна, что большинство "групп взаимной поддержки" апеллирует в первую очередь к правительству и просит (в той или иной форме) государственной поддержки. Авторы многих деклараций настаивают, что именно их эстетические установки надлежит признать государственно важными.

Однако правительство, хоть и не создало еще собственную концепцию "культурного развития", отнюдь не собиралось передоверить эту задачу какой-либо группе. "Наша политика в искусстве переходного периода, — писал Троцкий в 1923 г., — может и должна быть направлена на то, чтобы облегчить разным художественным группировкам и течениям, ставшим на почву революции, подлинное усвоение ее исторического смысла, и, ставя над всеми ими категорический критерий: *за* революцию или *против* революции, — предоставить им в области художественного творчества полную свободу". Разумеется, подчеркивал Троцкий, партия не откажется от контроля, тем не менее она "не может стать и не станет на позицию литературного кружка, борющегося, отчасти просто конкурирующего с другими литературными кружками"[124].

Многие статьи, объединенные в книгу "Литература и революция", были написаны, как вспоминал Троцкий, по просьбе Ленина. Книга обобщала опыт политики, планомерно проводившейся с 1920 г., политики, где важная роль отводилась "литкомиссару" Воронскому. Но публикация статей совпала с "закатом" политической карьеры Троцкого. "Второго человека в партии" уже "оттесняли" от власти. Его суждения, ранее признаваемые каноническими, — наряду с суждениями Ленина — объявлялись "антиленинскими", "антипартийными". Оказались "антипартийными" и литературные штудии Троцкого, продолжавшего, в соответствии с ленинской политикой, критиковать концепцию пролетарской культуры вообще и пролетарской литературы в частности.

Недовольным разрешили нападать для начала не столько на Троцкого (по-прежнему считавшегося "вторым первым в партии"), сколько на Воронского, обвиняя его в уклонении от якобы существовавшей "ленинской линии", "зажиме" или "недооценке" пролетарских писателей, покровительстве "попутчикам" и т.п. Троцкому обвинения такого рода виделись нонсенсом. «Организаторы похода против попутчиков, — недоумевал он, — похода без достаточной заботы о перспективах и пропорциях — избрали одной из мишеней и... тов. Воронского, редактора "Красной Нови" и руководителя издательства "Круг", в качестве потатчика и почти соучастника. Мы думаем, что тов. Воронский выполня-

ет — по поручению партии — большую литературно-культурную работу», потому нападки неуместны[125].

Вскоре и критика в адрес Троцкого тоже стала довольно резкой[126]. Наступление быстро развивалось, и всех более усердствовали рапповские лидеры, претендовавшие на право "выражать линию партии".

Можно отметить, что пафос литературных дискуссий 1923-1924 гг. во многом обусловлен именно изменением расстановки сил на уровне высшего партийного руководства. Позже Троцкий писал, что концепция, которую совместно выработали он и Ленин и реализовывал Воронский, «еще недавно господствовавшая, внезапно провозглашена была в официальной декларации "капитулянтской", продиктованной "неверием" в творческие силы пролетариата»[127].

Но пока позиции Троцкого оставались достаточно сильными, и Воронский энергично защищался, доказывая, что его критики озабочены в первую очередь групповыми интересами: "Дело идет о том, чтобы партия признала руководящее значение за такими группами и литературными кружками, которые считают, что они признаны построить, заложить фундамент нового пролетарского искусства в противовес старому"[128]. Почти год спустя Воронский приводил аналогичные аргументы на совещании, созванном Отделом печати ЦК РКП(б) и был поддержан Полонским. По мнению Полонского, напостовцы требовали "гегемонии в художественной литературе, чтобы ВАПП получил мандат от ЦК судить да рядить и отлучать от литературы"[129]. То же по сути повторил и Троцкий, указав, кстати, что попытки опровергнуть его ссылками на Ленина — нелепы, особенно когда такие попытки предпринимают недавние пролеткультовцы. Отвечая на обвинения оппонентов, Троцкий заявил: "Во всей их бранчливой критике нет и тени классового подхода. Тут подход конкурирующего литературного кружка — и только"[130].

Если точнее, то был подход организации, желающей, независимо от качества (читательского признания) литературной продукции, завоевать первенство окончательно и безоговорочно. Воронский же настаивал именно на конкуренции литературной. Объединение "Перевал", созданное по его инициативе в 1924 г, этот подход и декларировало (наряду с общими эстетическими установками): «"Перевал" не претендует на какое-либо преимущественное положение по качеству своей продукции, он стоит на точке зрения свободного творческого соревнования»[131]. Пожалуй, "Перевал" отличался от прочих объединений тем, что избегал "агрессивного маркетинга" и был в первую очередь "группой совместной защиты". «Писатели "Перевала", — гласила декларация, — не присваивают себе права на гегемонию, несмотря на то, что они опираются на свою органическую при-

надлежность к революции, в которой большинство из них получило свое общественное воспитание»[132].

В такой постановке вопроса рапповские лидеры видели прямую угрозу: перевальцы подчеркивали, что, так сказать, по формальным признакам они имеют не меньшее право на гегемонию, однако предпочитают — исходя из государственных интересов — открытую конкуренцию. А поскольку "Красная новь" и перевальские сборники пользовались огромным успехом и успех коммерчески подтверждал теоретические установки, то вполне очевидно, что деятельность Воронского и сам факт существования "Перевала" препятствовали решению чисто коммерческой задачи лидеров РАПП. Понятно, что инициатору создания "Перевала" и объединению в целом — при всей лояльности — надлежало быть главными мишенями напостовцев.

Воронскому и другим перевальцам в итоге инкриминировали троцкизм, что надолго закрыло доступ к их наследию. Кстати, троцкистами позже объявили и многих оппонентов "Перевала" — когда партийное руководство сочло нужным отмежеваться от них. Уже в постсталинскую эпоху своего рода литературная реабилитация предполагала снятие этого обвинения — чем и занимались некоторые исследователи[133]. Но уже на исходе 80-х годов, как отмечает Г.А.Белая, подобные дискуссии утратили смысл[134]. У Троцкого и Воронского, безусловно, были определенные идейные разногласия, они, в частности, различно подходили к вопросу о сути культуры и творчества. Это — с одной стороны. А с другой — к началу 1920-х годов разногласий в области политики партии у Троцкого и Воронского быть не могло. В противном случае Воронский не стал бы тем, кем стал. Да и напостовцы, по словам Белой, полемизировали в духе генеральных установок Троцкого, были его выучениками, хоть и отрекшимися от учителя[135]. Разжигание вражды, "школа ненависти", нагнетание "массовой истерии" — приемы, успешно им практиковавшиеся в годы гражданской войны, теоретически обоснованные. И не только Троцким — такова общетеррористическая традиция[136].

В указанном русле и развивались литературные дискуссии 20-х годов. Напостовцы постоянно усиливали натиск, а партийное руководство изредка одергивало "неистовых ревнителей", поясняя, что "ни одно литературное направление, школа или группа не могут и не должны выступать от имени партии", и призывало воздерживаться от "оглобельной" критики, добывать право на гегемонию в "свободном соревновании"[137]. Но рапповский пыл это отнюдь не охлаждало. Даже в рамках Федерации объединений советских писателей (ФОСП), созданной летом 1925 г., напостовские лидеры настаивали на гегемонии, своем праве руководить, хотя дек-

ларация ФОСП гласила: «Резолюция ЦК РКП(б) дает, как сказано теперь, твердую основу для сплочения всех писателей, не являющихся "антипролетарскими и антиреволюционными" и не формирующих идеологию новой буржуазии», причем за каждой из "федерирующихся литорганизаций и отдельными литераторами, разумеется, полностью сохраняется свобода творческих исканий"[138]. При рапповском диктате все перечисленное, равным образом, сглаживание конфликтов различных объединений было просто немыслимо. Напротив, ожесточение нарастало.

Нет необходимости анализировать аргументы исследователей, утверждавших, что напостовцы, нагнетая "массовую истерию" ради узкоцеховых интересов, порою действовали исключительно по собственной инициативе, вопреки мнению партийного руководства. Это опровергается и суждениями вапповских лидеров. В.А.Сутырин, к примеру, почти сорок лет спустя заявил: "Я был Генеральным секретарем ВАППа, — то есть главным руководителем всех Ассоциаций пролетарских писателей. На эту работу был назначен ЦК, как мог быть назначен на любую хозяйственную или политическую работу. Деятельностью ВАППа руководил Отдел печати ЦК. И РАПП выполнял все указания ЦК, был его прямым оружием. Смешно слышать, что РАПП находился в прямой оппозиции к линии ЦК, — смешно. Линия РАППа и была линией Отдела печати ЦК, во главе которого стоял Борис Волин — сам видный литератор-рапповец, или же Мехлис, который мог скорее простить отцеубийство, нежели малейшее сопротивление его указаниям"[139].

Несомненно, директивы, в какой бы форме их ни передавали исполнителям, формулировались достаточно конкретно, и напостовство, хоть и не задуманное в качестве жупела, эту роль играло с ведома и одобрения партийного руководства. "Неистовство" напостовцев было санкционировано, как ранее "буйство" футуристов по отношению к "классикам". Правда, напостовское "неистовство" санкционировали на иных условиях. Если обратиться к схеме известного эфросовского суждения о советском правительстве, футуризме и футуристах, то в данном случае напостовцы (да и пролетарские писатели в массе своей) были правительству не нужны — нужным было само напостовство.

Благодаря напостовству быстро возродилась и окрепла традиция, сложившаяся в первые годы советской власти, традиция, так сказать, правительственного арбитража. Литераторы постоянно искали у правительства защиты — сначала от произвола невежественных цензоров, потом и от разгула "неистовых ревнителей". "Властители умов" сами предлагали партийному руководству роль верховного судьи в вопросах не политических, а эстетических. Если предположить, что создание подобных

ситуаций входило — на определенном этапе — в задачу партийного руководства, значит, субсидируя и натаскивая экстремистов, оно успешно "приручало" литературную элиту, обходясь (до поры) без широкомасштабных репрессий и жесткого экономического давления. Защищая писателей от рапповского "неистовства", партийное руководство наилучшим образом убеждало их: литературой можно и должно "руководить" посредством партийных резолюций[140]. Попутно отрабатывались различные модели элитарной, но полностью контролируемой и управляемой организации литераторов-служащих и, соответственно, модели управляемого литературного процесса — аналогов-то пока не было. Пожалуй, в аспекте чисто управленческом такое решение задачи даже изящно.

С учетом описанных факторов очевидно: "Никитинские субботники" были, что называется, обречены на популярность именно как салон-предприятие. Участники еженедельных заседаний вели совместную (по крайней мере — формально) издательскую деятельность, ради чего, собственно, и создавались многие сообщества литераторов, при этом регулярные встречи у Никитиной представителей враждующих литературных объединений, равным образом публикации в кооперативном издательстве не расценивались как "поступки политического значения": "Никитинские субботники", будучи салоном, не имели статуса группировки. А в салоне распри группировок вообще неуместны, потому там говорили о литературе, не о конфликтах литературных партий, дорожили мнением и союзников, и противников, рукописи обсуждались на профессиональном уровне, критика не выглядела "костоломной". Что для современников было существенным достоинством. В эпоху непрекращающихся "литературных боев" эта своеобразная "тихая заводь", "нейтральная территория" оказалась особенно притягательной, и пресловутая "терпимость" объединения — при наличии собственной издательской базы — стала едва ли не лучшей рекламой.

ЧАСТЬ IV

САЛОН-ПРЕДПРИЯТИЕ: ОТ СТАБИЛИЗАЦИИ К ЛИКВИДАЦИИ

ГЛАВА 1

В тихой заводи

«Никитинские субботники» никогда не противопоставляли себя иным литературным сообществам, тем более — РАПП, что было весьма важно. Председательница сразу соглашалась с любыми требованиями, если они так или иначе интерпретировались в качестве требований идеологического характера.

К примеру, едва началось в печати обсуждение вопроса о методах партийного руководства литературой через партийные группы в литературных организациях, "Никитинские субботники" заявили о создании у себя "комфракции", причем это сообщение регулярно повторялось в регистрационных документах[1].

Аналогично, осенью 1929 г. объединение участвовало в антипильняковской кампании, активизировавшейся в связи с заграничной публикацией романа "Красное дерево": соответствующая резолюция — осуждение Пильняка — была принята на заседании[2]. Подобного рода примеров — множество.

Разумеется, пресловутая "комфракция" реально не сформировалась, поскольку в салоне фракции вообще невозможны, и Пильняка большинство товарищей по объединению всерьез не осуждало: участники еженедельных собраний лишь утверждали резолюции, предложенные многоопытной председательницей, дабы у "Никитинских субботников" не было в перспективе конфликтов с надзорными инстанциями.

Кстати, Яковлев, после публичного осуждения Пильняка, читал на том же заседании фрагменты "книги о полете из Москвы в Ташкент", Тарловский — стихи, Инбер — стихи и рассказ. Надо полагать, что и прочие официальные заявления "Никитинских субботников" — и в осуждение, и в поддержку — были для большинства уступкой, неизбежной формальностью, а не искренним проявлением гражданских чувств.

Умение председательницы с минимальными издержками приспосабливаться к "извивам" политического курса постоянно выручало "Никитинские субботники", хотя порой и Никитина была бессильна. В частности, когда "Никитинские субботники" готовили издание романа Ж.Жироду "Зигфрид и Лимузен" с предисловием Луначарского, цензура запретила книгу, причем не помогло и заступничество наркома-литератора[3]. Впрочем, тут, судя по всему, дело было не в неудачном выборе иностранного автора. Позже книга вышла в другом издательстве и без наркомовского предисловия[4]. Не исключено, что роман запретили именно из-за Луначарского: развивалась очередная интрига Главлита против Наркомпроса, о которой Никитина случайно не знала. Однако столкновения с цензурой, пусть и по не зависящим от Никитиной причинам, были очень редки — в том, что касалось издательского плана, председательница соблюдала крайнюю осторожность.

Личные симпатии, уважение к писательскому дарованию не играли никакой роли, всеобщее одобрение рукописи на "субботниках" и даже советы книготорговцев еще не означали, что рукопись войдет в план. Никитина старательно оберегала репутацию кооператива, и, пожалуй, чутье на "идеологическую выдержанность" у нее было безошибочное.

Не сложившееся (в аспекте именно издательском) сотрудничество Булгакова с "Никитинскими субботниками" — еще не самый характерный пример. Проза его, с точки зрения чисто эстетической, оценивалась далеко не однозначно в никитинском салоне, да и для Никитиной он был лишь добрым знакомым, не более. А вот С.Д.Кржижановского связывали с председательницей дружеские отношения, она не раз помогала ему в конфликтах с литературными чиновниками, выступления Кржижановского на "субботниках" всегда имели успех, но публиковать его рассказы и повести Никитина не решалась[5].

Шенгели в 1950 г., узнав о смерти Кржижановского, назвал его "прозеванным гением". Возможно, он имел в виду эпоху в целом, поскольку тогдашняя интеллектуальная элита Кржижановского знала и восхищалась им, что же касается "блюстителей умов", то они Кржижановского отнюдь не "прозевали", скорее наоборот — всегда препятствовали публикациям и, за редким исключением, своего добивались[6]. Потому он и оставался, как тогда говорили, "известным непрочитанным писателем". А.М.Арго, перефразируя самого Кржижановского, попытался в 60-е годы объяснить причины многолетней редакторско-цензорской "блокады": "То, что писал Кржижановский, нельзя было признать ни советским, ни антисоветским — ни в коей мере. Это было нечто внесоветское. Другого измерения"[7].

Никитина "внесоветскость" уловила и действовала так же, как государственные учреждения: отказавшись от публикации беллетристики Кржижановского, выпустила в 1931 г. вполне безобидное (на ее взгляд) литературоведческое исследование[8]. Но — отдельным изданием. И это весьма помогло Кржижановскому в дальнейшем: он, будучи автором монографии, вступил в ССП. Отметим, что коммерческий расчет Никитиной оказался по обыкновению безупречен — книга довольно быстро стала библиографической редкостью.

Г.Н.Оболдуеву, тоже бывавшему на "Никитинских субботниках" и тоже имевшему там успех, повезло гораздо меньше — его стихи не рассматривались правлением издательства. Подобно Кржижановскому, Оболдуев был хорошо известен в кругах интеллектуальной элиты, причем не только как литератор, но и как музыкант — исполнитель и композитор[9]. В 1928 г. он, И.А.Аксенов, С.П.Бобров, И.И.Пулькин и еще несколько поэтов создали "Союз приблизительно равных" (СПР) — в качестве пародии на всевозможные литературные организации эпохи. СПР выступал и на "Никитинских субботниках", затея Оболдуева там тоже по обыкновению удалась[10]. Зато с публикациями удач почти не было: стихи Оболдуева ходили в списках, но жил он, главным образом, переводами и редакторством. Причина все та же — "внесоветскость".

Никитина, несмотря на рекомендации А.А.Тарковского, А.П.Квятковского, И.Н.Розанова и многих других почитателей поэта, с нею дружиших, следовала тут примеру штатных цензоров и руководствовалась собственным чутьем — политическим, а не эстетическим.

Впрочем, в вопросах цензурных она учитывала не только политические, но и конъюнктурные факторы. Этими факторами во многом был обусловлен характер сотрудничества Андрея Белого с "Никитинскими субботниками". Его стихи и прозу кооператив охотно выпускал, а вот издание стиховедческих исследований регулярно откладывалось: в академических кругах у Белого было много влиятельных противников. "Меня, — сетовал он, — допекает судьба тем, что 10 лет никто не желает печатать о ритмическом жесте, в то время, когда, как из рога изобилия, книга за книгой сыплется номенклатурная стиховедческая дребедень"[11].

Белый, хоть и редко, но посещал еженедельные заседания, что весьма способствовало рекламе "Никитинских субботников". К примеру, 5 февраля 1927 г. он прочел доклад «"Ревизор" Гоголя и Мейерхольд». В прениях, защищая и оспаривая концепции Мейерхольда и Белого, выступили Шувалов, Розанов, Городецкий и др.[12] По материалам заседания был выпущен сборник "Гоголь и Мейерхольд"[13]. Тираж очень быстро разошелся, планировалось даже переиздание.

Ожесточенную полемику вызвал 29 октября доклад Белого «О ритмическом строе "Медного всадника"». В обсуждении участвовали такие известные писатели и литературоведы, как Благой, Вересаев, Жиц, Чичерин и др. В итоге докладчик не пожелал принять ни возражения своих оппонентов, ни похвалы союзников: после его весьма резких высказываний Шувалов был вынужден покинуть заседание. Даже Никитина не сумела сразу уладить ссору[14].

Белый, по сути, спорил даже не с Шуваловым, точнее, не с профессором Шуваловым в первую очередь, потому вскоре счел нужным заявить о готовности принести письменные извинения[15]. Он действительно был раздражен длительной "блокадой" стиховедческих исследований: "Я не держусь за ряд своих художественных книг; но я держусь за некоторые вещи, которые считаю открытиями", — писал он Никитиной[16]. Никитина же помогать не спешила — ее репутация в академических кругах и так оставляла желать лучшего. Однако она сумела сохранить дружеские связи с Белым (как с Оболдуевым и Кржижановским) — тот остался в объединении, продолжал сотрудничество с кооперативом.

Примеры Кржижановского, Оболдуева и Белого очередной раз подтверждают: обаяние и организаторские способности председательницы были, что называется, фундаментом "Никитинских субботников". Изучение истории объединения и издательства вне феномена личности Никитиной невозможно. "Евдоксия Федоровна всегда обладала исключительным даром не только притягивать, но и удерживать около себя людей, — вспоминала А.Г.Бовшек, жена Кржижановского. — В ее обращении с окружающими чувствовалась теплота и некоторая доверительная интимность и это, должно быть располагало и притягивало к ней. Меня всегда трогала ее способность слушать. Она слушает всем существом, особенно глазами. Внимательные, пристальные, глубокие, они не блестят, но светятся матовым мягким светом, льющимся в душу собеседника. Такое же впечатление производит и голос: низкий, грудной, обволакивающий"[17].

Усилиями председательницы "Никитинские субботники" в 1927 г. постоянно активизируются, расширяются состав присутствующих и тематика заседаний. По-прежнему устраиваются и тематические вечера. К примеру, 15 января 1927 г. — юбилей П.А.Радимова ("15 лет в литературе и живописи"), где выступил Президент Государственной академии художественных наук (ГАХН) П.С.Коган, 12 февраля — вечер А.С.Пушкина, где доклад "Дуэль и смерть Пушкина в свете новых данных" прочел М.А.Цявловский, 10 декабря — вечер, посвященный памяти Федора Сологуба, и пр.[18]

Выступали на "субботниках" и литературные группы: 9 апреля — так называемые неоклассики, а 10 декабря — кружок имени Серафимовича[19]. Кстати, кружок этот, организационно входивший в МАПП, был создан при Государственных высших литературных курсах, и примечательно, что заявка на участие в "субботнике" была прислана Никитиной за три недели до выступления[20]. Всего за год состоялось 31 заседание при средней посещаемости 50 постоянных членов и гостей объединения на каждом "субботнике"[21].

В 1927—1928 гг. на еженедельных заседаниях присутствуют не только известные московские литераторы, но и украинские, татарские, армянские, литовские, польские, немецкие и даже японские[22]. Растет и список почетных членов "Никитинских субботников". 31 марта 1928 г. объединением проведен вечер, посвященный Горькому. Воспоминания о встречах с Горьким прочли Белоусов, Телешов, Городецкий, Розанов и Фомин. Общим собранием Горький был заочно избран почетным членом объединения[23]. 21 апреля избрали и В.Н.Фигнер, которая в отличие от Горького бывала на заседаниях[24].

В октябре 1928 г. праздновалось "литературное новоселье" "Никитинских субботников": семья Никитиных переехала в дом № 24 по улице Герцена. Это был второй переезд Никитиных в Москве (Филипповский переулок — Газетный — улица Герцена). Как и полвека спустя, Никитина сумела с помощью влиятельных друзей убедить соответствующие инстанции, что нет иных способов сберечь собранные ею уникальные материалы по истории русской и советской литературы[25].

Новая квартира была гораздо больше всех предыдущих. Здесь, в "зале с колоннами", проводились заседания с 1928 по 1934 г.

Интенсивно работало и кооперативное издательство, продолжая, помимо прочего, выпуск серий "Библиотека современных писателей для школ и юношества" и "Беллетристы-современники".

Издавалась также критическая серия "Библиотеки современных писателей", причем сборник "Максим Горький. Жизнь и творчество" — был снабжен отдельным картонным дарственным листом с тиснением:

«Алексею Максимовичу Пешкову

Максиму Горькому

Литературное общество и кооперативное издательство писателей "Никитинские субботники"

Своему почетному члену к 60-летнему юбилею посвящает эту книгу»[26].

Такого рода "полиграфическая изысканность" значительно увеличивала стоимость издания, но расходы были оправданы: посвящение способ-

ствовало рекламе объединения, а следовательно, повышению спроса на продукцию "Никитинских субботников".

Издавалась и серия "Классики в марксистском освещении" — сборники статей, посвященных творчеству русских писателей XIX в., аналогично — "Русские критики в марксистском освещении". Объем выпусков — от 4 до 12 печатных листов, тираж — 5000 экз.[27] По тем временам это довольно много, хотя спрос на подобные издания постоянно возрастал.

Весьма важно, что на исходе 20-х годов кооператив выпускал еще и популярные руководства по лакокрасочному производству, вагоноремонтному хозяйству, стенографии, кройке и шитью и т.п.[28]. Об этой сфере деятельности издательства известно немного, с точки зрения историко-литературной она, конечно, малоинтересна. Зато она важна для характеристики приспособляемости "Никитинских субботников" к условиям рынка.

На "субботнике" 6 января 1929 г. председательница произносит речь "О желательности объединения деятелей театра и литературы" — в рамках руководимой Никитиной организации[29].

Реального объединения, конечно, не было (если иметь в виду совместную целенаправленную деятельность), но в "субботниках" актеры и режиссеры участвовали — М.М.Блюменталь-Тамарина, В.И.Качалов, И.М.Москвин, С.В.Образцов, А.Я.Таиров, А.А.Яблочкина и др.[30] На еженедельных заседаниях присутствовали и выступали Андрей Белый, М.А.Булгаков, Е.Д.Зозуля, М.Ю.Левидов, Б.Л.Пастернак, Ф.Ф.Раскольников, А.А.Тарковский, В.Г.Шершеневич, а также иные постоянные члены и гости объединения[31].

Проводились и тематические вечера: 6 апреля — заседание, посвященное двадцатилетию литературно-педагогической деятельности Г.Д.Деева-Хомяковского, 25 мая — "Выступление группы современных реалистов" (Я.М.Лебедева, М.С.Петровых, А.А.Штейнберга и др.), 15 ноября — "Вечер конструктивистов", 14 декабря — "Вечер, посвященный 20-летней годовщине смерти Иннокентия Анненского" (на этом "субботнике" присутствовал Рабиндранат Тагор) и т.д.[32]

16 ноября состоялось собрание, посвященное 15-летию "Никитинских субботников". За пять лет, прошедших со дня празднования 10-летней годовщины, никаких качественных изменений в работе объединения не произошло, оно лишь увеличилось — до 188 постоянных членов. В течение 1929 г. было проведено 35 заседаний при средней посещаемости 60—70 постоянных членов и гостей.

Издательство же выпустило 76 книг (включая каталоги и буклеты) — почти в три раза больше, чем в 1926 г. Тиражи продавались

через государственные и частные книготорговые организации и в магазинах "Никитинских субботников", один из которых находился в доме № 24 по улице Герцена, а второй — в доме № 22 по Моховой[33].

В 1930 г. на "субботниках" по-прежнему присутствуют и выступают известные литераторы, актеры, музыканты и художники, среди них — Артем Веселый, В.Н.Билль-Белоцерковский, А.С.Бухов, Е.Н.Гоголева, К.Л.Корчмарев, Кукрыниксы, П.Д.Маркиш, Л.В.Никулин, А.И.Тарасов-Родионов, М.Я.Пустынин, К.Ф.Юон и др. Средняя посещаемость — 70—80 постоянных членов и гостей объединения[34].

5 апреля 1930 г. состоялось юбилейное 500-е собрание "Никитинских субботников". С приветствиями выступили делегаты:

«Союза Советских писателей — С.Д.Мстиславский;

Общества Любителей Российской Словесности — С.В.Шувалов;

Пушкинской комиссии ОЛРС — Л.С.Гинзбург;

Театра им.Вахтангова — П.Г.Антокольский;

Литературного объединения "Перевал" — А.Лежнев;

Кружка рабоче-крестьянских писателей-суриковцев — Г.Д.Деев-Хомяковский» и т.д.[35]

Можно сказать, что объединение опять себя же и поздравило, но, как и раньше, здесь важен был сам факт: "Никитинские субботники" официально приветствовали авторитетные литературные организации.

Юбилейное собрание поблагодарило Юона «за его намерение создать портреты участников объединения и картину "Заседание "Никитинских субботников"»[36]. Художник исполнил обещание в 1930—1931 гг., и тридцать лет спустя Никитина использовала его работы для пропаганды музея. Кстати, репродукция "Заседания Никитинских субботников" помещена в соответствующей статье КЛЭ[37].

ГЛАВА 2

Процедура удушения

На 1930 г. приходится "пик популярности" объединения, однако тогда же начался "закат" кооперативного издательства. В 60-е годы Никитина объясняла ликвидацию кооператива и объединения то общим добровольным решением, то происками как раз тогда повсеместно ругаемого рапповского начальства. Разумеется, добровольным решение вовсе не было, да и рапповские лидеры тут тоже ни при чем. Ликвидация "Никитинских субботников" обусловливалась факторами объективными — шел процесс, называемый "сворачиванием нэпа".

Общеизвестно, что рапповцы на рубеже 20—30-х годов "неистовствовали" пуще прежнего, но, как уже отмечалось выше, вряд ли стоит спорить о том, насколько лозунги, выдвигаемые напостовцами, их политика в целом не соответствовали пресловутой "линии партии". Расхождений не могло быть ни в теории, ни в практике: партийное руководство стремилось управлять культурой и, согласно технологии управления, субсидировало организацию, объявившую служение партии смыслом своего существования. Организация же использовала апробированные процедуры — поиск и шельмование инакомыслящих. Процедуры эти, в принципе, и не должны были завершаться: партия давала реальную власть, значит, для сохранения и упрочения власти напостовцам требовалось постоянно доказывать, что литература все еще нуждается в их присмотре, что именно они и только они могут и должны руководить писателями от имени партии.

Но, даже захватив командные посты в госиздательствах, рапповцы не получили полной власти. Пока работали частные издательства, у литераторов оставался выбор, имелась хотя бы принципиальная возможность материальной независимости. Это, понятно, мешало литературным администраторам, поскольку прежний (военно-коммунистический) метод был соблазнительно прост — паек или голод. Чтобы управление

литературой стало наконец вполне централизованным, следовало устранить помеху.

На исходе 20-х годов борьба с частными издательствами велась последовательно и планомерно. Прежде всего использовали средства экономического характера: повышение для частников расценок на бумагу, типографские услуги, арендной платы за использование производственных помещений (складов, магазинов) и, разумеется, налоги. Результаты оказались не так значительны, как ожидалось, — мелкие фирмы закрывались, но крупные кооперативы и объединения, удешевляя различные этапы производственного процесса, ухитрялись оставаться на плаву и даже извлекать большую, чем раньше, прибыль за счет того, что рынок стал менее насыщенным. Не помогла и частичная конфискация производственных помещений: изворотливые частники (хоть и не все) сумели обойтись без них, интенсифицируя оптовую торговлю и прибегая к помощи уличных киоскеров, которые, хоть и были совслужащими, но от вознаграждения за дополнительную реализацию не отказывались. Результаты известны: в бюджет не поступали налоги и арендная плата, да еще и создавалась питательная среда для взяточничества.

Процесс уничтожения частников надлежало ускорить, потому в ход пошли меры провокационно-диверсионного характера. К примеру, в типографию, с которой частное издательство заключило договор на размещение заказа, неожиданно поступал достаточно крупный государственный заказ, и выполнить его типография успевала, лишь расторгнув договор с частным издательством. Штрафные санкции, даже когда они применялись, частникам не помогали — убытки были огромны: волей-неволей приходилось расторгать договоры с оптовиками-книготорговцами, а поскольку складских помещений не хватало, то и продавать бумагу, не использованную типографией. Пропадали (для издательства) и выплаченные авторские гонорары, поскольку писатели, не дождавшись выхода книги, расторгали договоры. Уходили постоянные сотрудники: корректоры, редакторы, техперсонал — они не получали жалованье при отсутствии дохода.

Диверсии — средство эффективное: один-два таких удара, и самая крупная фирма оказывалась на грани банкротства. Но многие все еще держались. Вот тут-то не обошлось без мер чисто административных: издательства стали "укрупнять", "сливать", уменьшая их число. Например, в 1929 г. в издательство "Федерация" "слились" несколько кооперативных издательств, прекративших, таким образом, свое существование, а в 1933 г. "Федерацию" переименовали в "Советскую литературу", чтобы в 1934 г. объединить с издательством "Советский писатель".

Предполагалось, что "сливаемые" сохранят автономию в составе объединения, им будет предоставлена возможность выпустить все, что входило в издательский портфель, однако эти обещания выполнены не были[38].

"Никитинские субботники" шли к ликвидации тем же путем, что и большинство частных издательств, — затруднения с полиграфической базой, неплатежи, задолженности и т.д. Правда, кризис несколько затянулся: особое положение салона-предприятия и дружба Никитиной с Луначарским сыграли свою роль. В 1929 г. кооператив обратился к Госиздату с просьбой о займе, и по рекомендации Луначарского займ был предоставлен[39]. Однако ситуацию это не изменило, поскольку проблемы налогов и полиграфической базы оставались нерешенными.

11 ноября на заседании правления кооператива были высказаны соображения о желательности "слияния" с издательством "Федерация", что и случилось в 1931 г. По сути это было ликвидацией кооператива, да и вообще какой бы то ни было издательской автономии, на которую возлагались надежды участников объединения. Но стоит повторить, что никто специально не интриговал против кооператива — частные предприятия вообще "вытеснялись" из экономики страны и без "слияния" или какого-нибудь иного способа ликвидации все равно бы не обошлось. И даже если бы не было соответствующего указания Сектора печати ЦК ВКП(б), "Никитинские субботники" все равно не могли сохранять конкурентоспособность — себестоимость книг росла, гонорары урезались, типографии не соблюдали договорных сроков[40].

С ликвидацией издательства была поражена сама основа салона-предприятия, и объединение "Никитинские субботники" распадалось буквально на глазах. Да и председательница вскоре утратила статус преподавателя.

В 1931 г. салон еще существует, но количество присутствующих на заседаниях уменьшается до 40—50 постоянных членов и гостей, затем участников становится все меньше и меньше[41].

От окончательного распада объединение спасают лишь энергия председательницы, да пресловутое рапповское неистовство. Ожесточенность "литературных боев" нарастает, рапповские лидеры неутомимо искореняют "воронщину", "горбовщину", "лежневщину", насаждают "напостовство в литературе", потому салон Никитиной, территория, где вражда группировок почти не ощутима, сохраняет свою притягательность. Председательница же постоянно убеждает собравшихся, что издательская деятельность вот-вот возобновится, пусть и в несколько иной форме.

Верить в это хотелось многим, но факты доказывали, что оптимистические прогнозы по меньшей мере не обоснованы. К 1932 г. с частниками было, в основном, покончено. Тех, кого не удалось "слить", "укрупнить" или как-то иначе огосударствить, попросту закрыли. Правительство сделало предпоследний шаг к введению если не единомыслия, то, по крайней мере, писательского единогласия.

С ликвидацией частных фирм только хозрасчет ограничивал произвол госиздательств. Разумеется, "рекомендованная литература" (как правило, запланированно-убыточная) постоянно выпускалась, однако издательствам нужна была еще и прибыль, так что приходилось идти на компромиссы, сколько б ни бранились "неистовые ревнители". Хозрасчет вынуждал финансировать научное изучение спроса, исследования велись не только государственными организациями, но и частными лицами, а результаты — регулярно публиковались. "Кто есть кто" среди писателей решал в конечном счете покупатель, и, к досаде рапповских вождей, самыми читаемыми оказывались вовсе не самые "идеологически выдержанные".

Упразднение хозрасчета было закономерным продолжением процесса "огосударствливания" литературы. Соответственно, читателеведение, утратив коммерческое значение, стало занятием криминальным, о чем свидетельствует, например, судьба А.М.Топорова, автора книги "Крестьяне о писателях"[42].

Будучи учителем в крестьянской коммуне на Алтае, он регулярно устраивал в школе публичные чтения выбранных им книг, записывал и группировал суждения односельчан. Эти материалы частично печатались в периодике, и, конечно же, сибирские "неистовые ревнители" сочли исследования учителя покушением на свою монополию выражать "мнение трудящихся". Появилась статья в краевой газете, где Топорова попросту объявили диверсантом, были и попытки административного воздействия[43].

Однако издательства, особенно московские и ленинградские, могли еще иметь свое мнение о необходимости подобных исследований. Выпуск книги в 1930 г. стал своего рода реабилитацией автора, настаивавшего, что его "рабочий принцип — строжайшее беспристрастие". Тему он определил так: "Опыт, методика и образцы крестьянской критики художественной литературы"[44].

Топоров действительно не пытался отстаивать чьи-либо интересы, да и крестьяне — критики неангажированные, а потому книга пользовалась необычайным успехом. В связи с этим автору была объявлена настоящая война, которая велась в лучших традициях "литературного фронта". Так,

в статье "Против топоровщины" один из напостовцев утверждал: "Метод Топорова неправилен в корне. Его установка ошибочна, неверна, политически реакционна". Реакционную установку, т.е. "строжайшее беспристрастие", следовало, по мнению оппонента, заменить "строжайшим пристрастием", дабы воспитывать крестьян в духе пролетарской идеологии, от чего исследователь намеренно уклонялся[45].

Инкриминировали Топорову и попытку заменить профессиональную критику суждениями крестьян, и ненависть к советской литературе вообще, а доносительские статьи (вроде "Топоровщина как оружие наших классовых врагов") походили на призыв к НКВД поскорее заняться опасным исследователем и его защитниками[46].

Топоров попытался ответить одной статьей всем критикам сразу. "Мне кажется, — писал он, — в массовой работе над художественной книгой могут быть поставлены в наше время две задачи: 1. Выявление вкусов и запросов читателей. 2. Руководство воспитанием этих вкусов и запросов. Решение первой задачи без второй возможно. Постановка второй задачи без предварительного решения первой — немыслима. Мой опыт есть прежде всего первая попытка выявления литературных вкусов и запросов деревенского читателя-колхозника"[47]. Статья называлась "Вопрос остается открытым", но именно тут автор и ошибся: вопрос уже закрыли. Учителю же о ф и ц и а л ь н о запретили читать односельчанам книги (любые!) и вообще разговаривать с ними о литературе.

Затем он был удален с Алтая, а в 1937 г., как и многие другие исследователи (кто еще уцелел до той поры), арестован[48].

Когда экономическое влияние читателя на издательскую политику было устранено окончательно, рапповские лидеры обрели полную власть, однако торжество оказалось недолгим. Как известно, 23 апреля 1932 г. организации пролетарских писателей были распущены по решению ЦК ВКП(б): издательская монополия предполагала куда более простую технологию управления культурой[49].

Постановление "О перестройке литературно-художественных организаций" было применимо и применялось к любым объединениям — роспуск ВОАПП и РАПП лишь "уравнивал" всех перед ликвидацией. Вот почему, к примеру, автор статьи о "Перевале" в нормативной ЛЭ (своеобразном советском Кодексе законов литературы и о литературе), доказывая, что объединение было "реакционным", писал: «"П<еревал>" позднее других лит-ых группировок реагировал на постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 в смысле отказа от групповщины»[50]. Но весьма характерно, что знаменитое постановление воспринималось большинством литераторов с радостью, энтузиазмом — как устранение

ВАПП и РАПП, от методов которых ЦК ВКП(б) якобы отмежевался[51]. Поначалу радовались и те, кому вслед за рапповцами пришлось объявить о "самороспуске" — таков был результат дальновидной партийной политики.

С энтузиазмом было воспринято решение ЦК ВКП(б) и в салоне Никитиной. Объединение, почти распавшееся, вновь активизируется осенью 1932 г. Однако его название изменилось — формально "Никитинских субботников" более нет, и протокол от 17 октября 1932 г. озаглавлен: "Литературный декадник под председательством Е.Ф.Этингоф"[52]. Никитин к этому времени был арестован и сослан, а его жена, оформив развод, вышла замуж за Бориса Евгеньевича Этингофа.

Он был тогда довольно влиятелен: партийный функционер с почти тридцатилетним стажем, бывший подпольщик, соратник Дзержинского, член ЦК Пролеткульта, начальник Отдела политконтроля ОГПУ, советский консул в Турции, сотрудник ВЦИК, член Верховного Суда СССР и пр.[53] Третье замужество оказалось недолгим, а карьера Этингофа прервалась в 1937 г. — он был исключен из партии, репрессирован и ждал реабилитации двадцать лет[54].

Конечно, в 1932 г. такого рода исход не ожидался, и Этингоф, используя свои связи в партноменклатуре, помогал жене реализовать очередной проект издательства. Объединение, которым она руководила, получило новое название — "Литературные декады", или "Литературные декадники"[55]. Вполне вероятно, новации понадобились, дабы показать, что директива ЦК выполнена.

Надежды на возобновление издательской деятельности опять привлекают литераторов на "декадники". Председательница ничего не упускает из виду: составляются проекты, пишутся заявления, собираются подписи знаменитостей, оповещены высокопоставленные друзья[56]. Казалось бы, успех близок, вот-вот новое объединение и кооператив пройдут официальную регистрацию, рукописи поступят в типографию, и все будет по-прежнему, если не лучше.

Работа объединения стабилизируется, численность его растет. Большинство составляют дилетанты, литературная молодежь, хотя в 1932—1933 гг. там еще присутствуют и выступают А.И.Безыменский, Д.Д.Благой, С.М.Бонди, Артем Веселый, Ф.В.Гладков, В.В.Каменский, А.Е.Крученых, Л.М.Леонов, М.М.Пришвин, И.П.Уткин, А.Н.Чичерин, В.Б.Шкловский и некоторые "ветераны" былых "субботников"[57]. Похоже, почти все они надеются на опыт и организаторский талант председательницы. И ей многое удается: регистрируется устав, даже печать получена[58].

Стоит особо оговорить, что слухи о многолетнем сотрудничестве Никитиной с ВЧК, ОГПУ, НКВД и т.п. (возможно, связанные изначально с чекистским прошлым Этингофа) до сих пор остаются не более, чем слухами. Да, ее первый муж сторонником советской власти не был, второй был противником, оба подвергались репрессиям, как и многие присутствовавшие на "субботниках", а председательница объединения, выйдя замуж за бывшего чекиста, позже репрессированного, избежала преследований и успешно делала карьеру. И все же из этого отнюдь не следует, что Никитину использовали как осведомительницу. Никаких документальных свидетельств не обнаружено, а устные, по обыкновению, разноречивы. Опять же, в осведомительстве кого только не подозревали, но, как говорится, "нет документа — нет аргумента".

К 1934 г. объединение вновь начинает распадаться, поскольку стало очевидно: издательства уже не будет. Упорство Никитиной, ее связи и обаяние ничего тут не меняли. Сложилась новая — специфически советская — издательская модель, и ее правовые установки не предусматривали чьей-либо автономии — ни организационной, ни индивидуальной.

Эта модель — принципиально внеэкономическая. Государственные и партийные структуры власти образовали единый механизм управления, в связи с чем все издающие организации были государственными, даже те, что имели статус общественных. Правительство было фактически единственным издателем и единственным оптовым покупателем собственной продукции, продаваемой затем населению в розницу. Убытки (затраты на издания, которые не сумел реализовать Книготорг) покрывались из бюджета, соответственно, налогоплательщики оплачивали даже то, что не покупали. Естественно, и управление литературным процессом могло быть только централизованным. Потому литераторам (всем, кто не желал менять профессию) надлежало собраться под эгидой единственного распределителя и провозгласить единство — политическое и методологическое. С этой точки зрения не столь важно, кто был искренен, а кто лишь подчинился обстоятельствам: при государственной издательской монополии мог существовать лишь единый (поскольку единственный) Союз писателей. И он, как известно, был учрежден в 1934 г.

С возникновением ССП надежд на официальную регистрацию "Литературных декад" уже не осталось. И несмотря на старания Никитиной, перерывы между "декадниками" становятся все больше, а в ноябре 1934 г. объединение окончательно распадается[59]. Так завершилась двадцатидвухлетняя история одного из крупнейших салонов.

ГЛАВА 3
(необязательная)

Повторение пройденного на пути в социализм и обратно

Известный принцип "разделяй и властвуй" применительно к специфически советскому литературному процессу формулируется несколько иначе: "распределяй и властвуй". ССП распределял и властвовал, получив от ЦК в 1934 г. монопольное право разрешения и запрета на профессию литератора. С той поры литературный процесс в СССР обрел принципиально новое качество: издатели — в прежнем понимании этого слова — более не существовали, а писатели стали государственными служащими. Кому быть, а кому не быть писателем, т.е. получить, сохранить или утратить право публиковаться, решали идеологические работники, только им принадлежало последнее слово.

Это вполне естественно: начальству и положено решать, кого принять на службу или уволить, воспользовавшись при необходимости запретом на профессию. Аналогичный запрет на упоминание имени "уволенного" в печати и даже в библиотечных каталогах, не говоря уже об изъятии его книг из хранилищ (иначе говоря, уничтожение самой памяти о провинившемся), тоже естествен: если литературная известность часть награды за службу, то забвение — часть наказания.

Так рождалась советская (или государственная) литература. Ее основными отличительными признаками принято считать сервилизм и ангажированность, что не совсем верно. Ангажированность и сервилизм в различных формах проявлялись везде и всегда — был бы спрос. Куда точнее искомый критерий сформулировал О.Э.Мандельштам: "Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения". Перефразируя известный лозунг, можно сказать: *советское* — значит, *разрешенное*. Советским писателем мог быть лишь тот, кто соглашался спрашивать и получал разрешение у заведующих культурой.

Характерно, что это условие не было нужды вводить специальным законом: при полной издательской монополии оно (как и единство единст-

венного Союза писателей) вроде бы само собой подразумевалось, не вызывая сомнений даже у юристов. Так, в 1964 г. судья Савельева настойчиво уличала подсудимого Иосифа Бродского: "А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?".

Савельевой были известны мнения Ахматовой и Чуковского, но речь шла не о литературном даровании подсудимого. Судья спрашивала о социальном статусе. И была уверена, что никто не имеет права самовольно объявить себя поэтом, поскольку присвоение такого статуса (как и любого другого) — компетенция государственных учреждений. Подсудимый, назвавшись поэтом, т.е. государственным служащим по ведомству литературы, должен был представить официальное подтверждение статуса — членский билет ССП, диплом, справку и т.п., о чем его и спрашивала судья. Мнения же Ахматовой, Маршака, Чуковского, да и всех прочих, выступавших в защиту, суд был вправе считать частными мнениями частных лиц, не имеющих официальных полномочий. Тем более, что запрошенная судом официальная организация — Комиссия Союза писателей — доложила: "Бродский не является поэтом". Значит, подсудимый вместе со своими заступниками обманывал суд, государство, присвоив статус, на который не имел права.

Если рассматривать осуждение Бродского в общем контексте истории советского литературного процесса, то оно ничуть не менее логично (не более абсурдно), чем традиционное распределение госпремий "за выдающиеся достижения" в области литературы, скульптуры, живописи и т.д. Причем соотнесение наказаний и наград с дарованиями наказанных и награжденных вряд ли уместно. Карали в интересах службы, награждали же согласно штатному расписанию: кто вышел в начальники, тот и классик. «Чего вы мне цитаты западных критиков тычете? — заявила как-то Эрнсту Неизвестному одна "идеологическая дама". — Когда нам понадобится, чтобы кто-то был гениальным, мы его назначим».

Понятно, что наибольшей угрозой праву разрешать, запрещать, распределять и назначать были самовольные, т.е. не одобренные "сверху", зарубежные публикации. Во-первых, это непосредственное покушение на монополию, дурной пример, а во-вторых, заграничные гонорары — перспектива финансовой независимости советского литератора, а ему, по определению, положено быть зависимым от совлитначальства, за что еще Скворцов-Степанов боролся. И с этой точки зрения знаменитые свары вокруг романов "Доктор Живаго", "Жизнь и судьба" или, к примеру, альманаха "Метрополь" воспринимаются именно как борьба литноменклатуры за сохранение дарованных партией привилегий, за сохранение власти.

И примечательно, что во всех указанных случаях ЦК и КГБ были всего лишь орудием писательского начальства. Инициатива исходила исключительно от руководства ССП, рапортовавшего ЦК о необходимости искоренения крамолы...

Конечно, причины многолетней войны партии с культурой не сводятся к различным козням монополистов. Но то, что для охраны собственных интересов литмонополисты использовали всю карательную мощь тоталитарного государства, — очевидно. Злоупотреблением это считать нельзя: система, их создавшая, предоставила им и средства защиты. Очевидно также, что монополисты защищали не только себя, но и советскую издательскую модель в целом.

Модель эта нуждалась и в защите, и пропагандистском обеспечении, особенно при ускорившемся в 70—80-е годы распаде изжившей себя тоталитарной системы. Как средство управления массовым сознанием официальная литература утрачивала эффективность. Читатели ее попросту игнорировали. Многотысячные тиражи книг и журналов уходили на склады макулатуры прямо с торговых складов. Денег "на идеологию" правительство по-прежнему не жалело, но выпуск такого количества невостребованной продукции был явно бессмыслен.

Критерии предварительной ее оценки — с точки зрения целесообразности инвестиций — были давно утрачены. О популярности того или иного литератора нельзя было судить ни по тиражам книг, ни по цене их. Все это определялось заранее — по соображениям отнюдь не экономического характера. Единственным показателем реального спроса была динамика цен на книжном "черном рынке". Однако в советских условиях сама идея официального исследования этого рынка и конкретного приложения полученных результатов была крамольной. Необходимость изменений в технологии литературного администрирования диктовалась практикой, но решиться на реформы никто не мог.

О соответствующих колебаниях свидетельствуют и многочисленные окололитературные дискуссии, инспирировавшиеся "Литературной газетой" в 80-е годы. Регулярно разгоралась полемика о "комплиментарной критике", о том, "для чего издаются книги", которые никто не покупает, "откуда берется серая литература" и т.д. По истечении заранее назначенного срока дебаты стихали, словно решение проблем нашлось или даже их вовсе не было.

Их и в самом деле не было. Полемика специально строилась по известному принципу: "говорить, чтобы не сказать". Годами обсуждалось все что угодно, лишь бы не сказать о главном: не то беда, что писатели, критики, редакторы или начальники плохи, а то плохо, что читатели им не

указ. Но поскольку правительство не желало отказываться от монополии, то и дискуссии о ее уместности запрещались.

Запрет на обсуждение этой темы был снят с началом эпохи "перестройки и гласности" — в 1987 г., когда правительство признало наконец допустимой частнопредпринимательскую деятельность. И в печати началось оживленное обсуждение планов организации издательских кооперативов.

Идея быстро стала популярной, и противников у нее поначалу не нашлось. Однако зарегистрировать издательский кооператив *официально* (особенно в Москве) было практически невозможно. Исполкомы не отказывали и не соглашались — выжидали...

Наконец выяснилось, что противником является Госкомиздат. Его тогдашний председатель М.Ф.Ненашев и прочие ответработники принялись устно и печатно доказывать, что издательские кооперативы совсем не нужны и даже опасны. Во-первых, оказавшись вне контроля, частники займутся антисоветской пропагандой, а если и не займутся, то завалят рынок "серой литературой". Во-вторых, в стране дефицит бумаги и типографий, самому Госиздату не хватает, а для частников и вовсе нет.

Все эти доводы по меньшей мере не выдерживали критики. Во-первых, антисоветская пропаганда была уголовно наказуема, соблюдение закона контролировалось аппаратом КГБ, потому частники, в отличие от активистов "самиздата", не могли бы сохранить анонимность. И "серая литература" выпускалась именно под руководством Госкомиздата — не частникам было с ним конкурировать. Во-вторых, бумага и типографии (как и бумкомбинаты) оставались госсобственностью, распоряжалось ими правительство, следовательно, частники рассчитывали бы лишь на оставшееся после удовлетворения заявок госсектора. Ну а если б ничего не осталось, пришлось бы самоликвидироваться ввиду отсутствия сырья и техники, так что Госкомиздату и беспокоиться было не о чем.

Но в том-то и дело, что частники не собирались искать справедливость в карманах Госкомиздата. Специалисты знали, что далеко не каждая типография страны (и даже Москвы и Московской области) была загружена полностью, а неучтенные запасы бумаги десятилетиями гнили на складах. Однако аргументация Госкомиздата не для полемики предназначалась — действовал все тот же принцип "говорить, чтобы не сказать".

Дискуссия об издательских кооперативах закончилась так же неожиданно, как началась. Редакторам газет и журналов сообщили, что "там, наверху" (не в Госкомиздате, а подымай выше), готовят какое-то важное постановление о частниках, и пока не подготовят, упоминать о них нельзя.

В ожидании нужного народу постановления власть на местах успешно ликвидировала несколько чудом зарегистрированных издательских кооперативов. Причины ликвидации выбирались произвольно — и не без юмора. Например, один из кооперативов был закрыт, потому что исполком сообразил: книга не является "товаром народного потребления", производить каковые кооперативам дозволялось официально. Председателю другого кооператива объяснили, что он и его сотрудники в принципе не могут считаться издателями, поскольку книги они не производят — бумагу не делают и у типографских станков сами не стоят.

Санкционировав удушение, правительство специальным постановлением запретило кооперативам издательскую деятельность наряду с изготовлением наркотиков, оружия и взрывчатки, производство которых и раньше было уголовно наказуемо. Впрочем, не думаю, что это соседство яд, оружие, книга — было очередным проявлением административного юмора. Скорее — неумелой уверткой: неудобно ведь запрещать именно и только частное книгоиздание, а тут вроде бы между прочим...

То, что представители Госкомиздата беззастенчиво лгали, неудивительно — привычное дело. Интересно другое: в СССР выведение любой темы из разряда запретных, как и возобновление запрета, случайными не бывали. Почему запрет сняли — понятно: деньги понадобились. Вероятно, выгоды ожидались немалые. Частники, дотаций не просившие, должны были пополнять казну налогами, при этом и денежная масса, не обеспеченная товарами, уменьшалась бы довольно быстро. Да и цензуре выгодно: раз появляются новые издательства, пришла пора штат расширять. Плохо ли? Оказалось, что плохо. И опять ведь не КГБ вмешался.

Ликвидация издательской монополии означала фактическую ликвидацию власти литноменклатуры. Вот почему литначальство бросило все силы на борьбу за сохранение монополии, т.е. на борьбу за существование.

Выиграть ее, ничем не поступившись, было невозможно: правительство требовало увеличения доходов. И не номинальных, как прежде, когда все переданное Книготоргу считалось уже проданным, а реальных — доходов от "розничной продажи населению". Волей-неволей пришлось вводить хозрасчет, хотя бы и куцый.

Руководители издательств встретили новшество без энтузиазма. Причем ограничение влияния, связанное с ограничением возможностей составлять план исходя из интересов собственных и начальства, было для них не самым сильным ударом. Куда важнее оказалось отсутствие подлинной заинтересованности: от добытой прибыли (если удавалось добыть) издатель-

ствам перепадали крохи. Подлинной заинтересованности все равно не было. И руководители издательств принялись на все лады повторять наиболее эффектный ненашевский аргумент: книгоиздательство — занятие в принципе малодоходное, а если речь идет о настоящей литературе, то вообще убыточное. Оставалось, правда, непонятным, почему литначальство не желает позволить частникам нести убытки.

Тем не менее в СССР частные издательства довольно скоро возникли и работали весьма интенсивно. Причем не вопреки существующему запрету, а благодаря ему. Язык закона правительству давался с трудом. Стоило лишь конкретно указать, какие действия частникам запрещены, как сразу рухнули все препятствия: "все, что не запрещено, — разрешено". Не запрещено было приобретать бумагу по "договорной", т.е. многократно завышенной, цене — и кооперативы ее приобретали. По "договорным" же ценам оплачивались и типографские работы. Правда, кооперативам не полагалось иметь собственную издательскую марку и номера, но их предоставляли сговорчивые госиздательства — не "за спасибо", понятно. Составлялся договор, перечислялись якобы оказанные услуги (хозрасчет!), а на книге указывалось, что выпустило ее госиздательство такое-то при содействии такого-то кооператива, агентства и т.п. Узаконенный паразитизм.

То, что постановление о запрете на издательскую деятельность нарушалось, вряд ли долго было секретом для соответствующих организаций, если вообще было. Но пресекать эти нарушения никто не торопился — невыгодно: Минфин все равно забирал у бумкомбинатов и типографий финансовые "излишки" в госказну. Зато создавалась весьма питательная среда для взяточничества.

Либерализация литературной политики привела к развалу советской издательской модели, что сопровождалось развалом ССП. Утрата издательской монополии привела к последствиям предсказуемым: ССП погубили частные издательства, монополист не мог выдержать конкуренции.

В конце концов правительство соблаговолило разрешить продажу издательских номеров общественным организациям, малым предприятиям и т.п. — надо ж было отчитываться за капиталистическую помощь и соблюдать видимость демократии. Пришлось окончательно пренебречь интересами литначальства. Далее частники отвоевывали все новые права, а после неудачи ГКЧП и последовавшего вскоре распада СССР все ограничения были вообще сняты.

Ныне можно констатировать, что литературный процесс в России утратил уникальность, литературный рынок стал действительно рынком. Поиск ответа на вопрос "ведут ли эти изменения к лучшему" — не входит

в задачу данной работы. Однако стоит отметить, что в 80-е годы, как и в начале нэпа, возникновение частных издательств (даже на уровне постановки вопроса о возможности их существования) было обусловлено кризисом тоталитарного государства. И полемические приемы, использовавшиеся литературными чиновниками 80-х годов в дискуссии о частных издательствах, тождественны приемам, выбранным партийными функционерами в 20-е годы.

Примечательно и то, что писательские объединения, организовавшиеся в издательские кооперативы, эволюционировали так же, как и кооперативное издательство "Никитинские субботники": довольно скоро появлялась четкая организационная структура, приглашались наемные работники, затем следовали отказ от выпуска книг, написанных пайщиками, полное подчинение законам рынка, и в итоге кооператив превращался в обычное частное предприятие. Те, кто желал сохранить коллегиальность руководства, ориентироваться лишь на собственные литературные пристрастия, не выдерживали конкуренции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что в истории объединения, впоследствии известного как "Никитинские субботники", целесообразно выделить шесть основных этапов.

Первый (предыстория) — 1912—1914 гг. — формирование литературного кружка, составленного преимущественно московскими гимназистами. Это самый обычный ученический кружок, подобные возникали едва ли не в каждой гимназии. И не случайно первым его руководителем был преподаватель-словесник Н.В.Богушевский.

Второй период — 1915—1918 гг. — перерождение гимназического литературного кружка в литературный салон, хозяйкой которого становится Е.Ф.Богушевская. К тому времени состав участников и тематика заседаний меняются: гимназистов почти нет, по субботам у Богушевской, как и в 1914 г., иногда выступают известные литературоведы и критики, однако научных докладов все меньше, "литературную молодежь" более интересуют собственные стихи и проза. Впрочем, и у "литературной молодежи" не было общей цели, эстетической общности тоже не было, что в салоне и не обязательно. Именно "салонностью" еженедельных собраний обусловлена неудача первой и единственной попытки совместного издания: профессиональные литераторы не сочли нужным поддержать инициативу дилетантов — сборник "Альфа". Салон Богушевской распался осенью 1918 г., хозяйка же, подобно многим другим интеллигентам, покинула Москву.

Третий период — 1919—1920 гг. Он завершает, так сказать, предысторию объединения: Богушевская переезжает в Ростов-на-Дону, вторично выходит замуж и становится Никитиной, а затем вновь организует объединение — "Никитинские субботники".

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть: во-первых, никакого кружка "Никитинские субботники" до 1919 г. не существовало, во-вторых, что

бы ни утверждала Никитина полвека спустя, организация, ею созданная, не объединяла, да и не могла бы реально объединить известных литераторов предреволюционной Москвы. Салон Богушевской был лишь одним из малоизвестных московских салонов.

Ситуация кардинально изменилась в Ростове-на-Дону, где у профессиональных литераторов и художников, интеллигентов-беженцев оказалось куда меньше возможностей для общения. Потому салон Никитиной стал действительно заметным явлением.

"Южный" период истории "Никитинских субботников" интересен прежде всего как пример функционирования литераторских объединений салонного типа в условиях гражданской войны. "Никитинские субботники" дважды распадались из-за наступления войск Красной Армии, но опять возрождались, благодаря воле, упорству, обаянию и административному таланту хозяйки салона, ее умению приспособиться к любой политической обстановке. За это время объединение полностью сформировалось организационно: был разработан регламент заседаний, принят устав, предпринимались попытки совместной издательской деятельности. Правда, серьезных успехов добиться не удалось — по тем же причинам, что и в предреволюционной Москве: "Никитинские субботники" оставались салоном, и гостей Никитиных объединяли не литературные задачи, а досуг. Потому каждый из них самостоятельно решал проблему публикаций лучше, нежели все сообща. Осенью 1920 г. объединение опять распалось — председательница вернулась в Москву.

Четвертый период — 1920—1922 гг. Это время очередного воссоздания никитинского салона, организации писательского кооператива и, что называется, первых шагов на издательском поприще.

В данном случае тоже стоит подчеркнуть: все многократно тиражированные рассказы Никитиной о том, что издательство возникло по инициативе А.В.Луначарского, его усилиями — документально опровергаются. Кооператив "Никитинские субботники", как и сотни других частных издательств, учредили пайщики в 1921 г. И ставили они, главным образом, коммерческие задачи. Коммерческими установками определена и профессионализация состава "Никитинских субботников": прибыль давали только издания популярных писателей, потому знаменитостей старательно зазывали на "субботники", дилетанты же быстро отсеялись. В 1922 г. кооператив "Никитинские субботники" существовал уже не только номинально — первые партии книг поступили в розничную продажу.

Пятый, самый длительный период — 1923—1930 гг. — период кризиса и стабилизации. После первых удач кооператив переживает ряд

трудностей: доходы гораздо меньше ожидаемых, книги продаются медленнее, чем хотелось бы, своевременно заключить соглашения с типографиями не удается. При этом объединение "Никитинские субботники" постоянно растет благодаря такому рекламному фактору, как наличие собственного издательства. Трудности в итоге преодолены, соглашения с типографиями подписаны, кризис кончился, развитие стабильно, объем продукции увеличивается из года в год.

И все же, обладая собственным издательством, "Никитинские субботники" так и остались литературным салоном. По этой причине современники и не относили "Никитинские субботники" к литературным группировкам. Однако по той же причине салон Никитиной сохранял особую притягательность. В эпоху непрекращающихся "литературных боев" он был, что называется, "нейтральной территорией", литературные противники могли встречаться у Никитиной и участвовать в работе кооператива, не боясь прослыть отступниками — в салоне любые проявления вражды группировок неуместны.

Никитина затратила немало усилий, чтобы утвердить за объединением статус творческого союза, не жалела средств на празднования очередных юбилеев "Никитинских субботников", инспирировала статьи в периодике, но переубедить современников ей не удалось. Лишь в 60-е годы, когда понимание сущности и смысла творческого союза было принципиально иным, бывшая председательница отчасти добилась своего.

Материалы архива издательства и объединения доказывают, что уже в 1924 г. кооператив "Никитинские субботники" был кооперативом лишь номинально. На самом деле вопросы публикации той или иной рукописи, выбора авторов и гонорарной политики решались не собранием пайщиков, а правлением или одной Никитиной. Руководствовалась она только соображениями коммерческими, политическими и конъюнктурными. Впрочем, авторитет издательства в немалой мере зависел от деятельности объединения, да и авторитет объединения был связан с работой издательства. Так сложился своего рода симбиоз литературного салона и коммерческого предприятия — салон-предприятие "Никитинские субботники". Начало 1930 г. — своего рода пик развития "Никитинских субботников". Но и очередной кризис близок.

Шестой период — 1931—1934 гг. — кризис и поэтапная ликвидация салона-предприятия. Шло так называемое "сворачивание нэпа", частным издательствам правительство закрывало доступ к полиграфической базе, вводя новые дискриминационные налоги, ужесточая административный прессинг. В 1931 г. кооператив "Никитинские субботники" был "слит" с издательством "Федерация". Объединение же

существовало еще три года — Никитиной удавалось поддерживать в участниках собраний надежду на возрождение издательства. Но вскоре после учреждения Союза советских писателей объединение распалось окончательно.

Анализ деятельности "Никитинских субботников" позволяет проследить закономерности, благодаря которым сложилась советская издательская модель, обусловившая специфический характер советской литературы, формирование специфической ментальности литераторов.

Отличительными особенностями советской литературы — именно в качестве советской — принято считать идеологизированность и ангажированность. С чем далеко не всегда можно согласиться. Любая литература так или иначе идеологизирована, равным образом ангажированность, сервилизм — в той или иной форме — существуют везде. Это зависит исключительно от спроса.

Принципиальное отличие советской литературы от любой другой в том, что она — государственное предприятие. Более полувека правительство оставалось единственным издателем и единственным оптовым покупателем собственной продукции, которую продавало населению в розницу, не беспокоясь о колоссальных убытках — на идеологии не экономили. Соответственно, вопрос, кому быть писателем, решался не читателями, не розничными покупателями. От них вообще ничего не зависело. Подобными факторами определялся и характер писательской конкуренции.

История "Никитинских субботников" — история уникального симбиоза литературного салона и коммерческого предприятия, симбиоза, гарантировавшего литераторам хотя бы относительную профессиональную независимость. Изучение этой истории дает возможность ввести в научный обиход документированные факты, устранив таким образом "легенды", бытовавшие усилиями Никитиной почти сорок лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1 См., например: *Волков А.А.* Литературные объединения // История Москвы. М., 1955. Т. 5. С. 525; *Брудный Д.Л.* Литературные кружки // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. Стлб. 309; *Коротков Е.Н.* "Никитинские субботники" // Там же. М., 1968. Т. 5. Стлб. 279; *Вронская Д., Чугуев В.* Кто есть кто в России и бывшем СССР. М., 1994. С. 380. Согласно Волкову и Брудному "Никитинские субботники" организованы в 1914 г., Коротков же утверждает, что с 1914 по 1921 г. объединение называлось "Литературные субботники", но это маловероятно даже в принципе: до 1918 г. термин "субботник" обозначал только конфессиональную принадлежность. Примечательно также, что ни Волков, ни Брудный не указывают, когда и почему объединение ликвидировано.

2 Имеются в виду материалы ОР ГЛМ, РГАЛИ, ОР РНБ, а также ГАРФ.

3 См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 51. Л. 5; Д. 54. Л. 7—9; Д. 405. Л. 1.

4 Там же. Д. 56. Л. 3.

5 Там же. Д. 91. Л. 3.

6 Там же. Д. 438. Л. 1—10.

7 Там же. Д. 378, 379.

8 Там же. Д. 441. Л. 1—2, 7—10.

9 Там же. Ф. 135. Оп. 2. Д. 16. Л. 1—4; Д. 961. Л. 1; Д. 971. Л. 1.

10 Там же. Д. 962. Л. 1; Д. 975. Л. 1.

11 См. Приложение II.

12 ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 987. Л. 1; Д. 988. Л. 1; Д. 1001. Л. 1; Д. 1444. Л. 1.

13 Там же. Д. 1097. Л. 1; Д. 1102. Л. 1—2; Д. 1097. Л. 1. См. также: ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 962. Л. 1.

14 ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 1116. Л. 1.

15 Это прежде всего материалы личного архива Никитиной, документация издательства и объединения, которыми она руководила, расформированная по личным фондам коллекция рукописей и т. п.

16 Имеются в виду как отдельные статьи, так и упоминания в хроникальных разделах центральных журналов: "Книга и революция", "Печать и революция", "Красная новь", "Октябрь", "На посту", "На литературном посту" и др., а также соответствующие разделы центральных газет.

17 Издательство действовало довольно оперативно, выпуская книги, неизменно пользовавшиеся спросом — см., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 440. Л. 1—18.

18 См., например: Вечерняя Москва. 1924. № 270, 275, 279, 281; Книгоноша. 1926. № 20. С. 37; № 21. С. 43.

19 См., например: *Авербах Л.* О задачах пролетарской литературы. М., 1929; *Евгеньев-Максимов В.* Очерк истории новейшей русской литературы. Л., 1927; *Полонский Вяч.* Очерки литературного движения революционой эпохи. М.;Л., 1928; *Саянов В.* Современные литературные группировки. Л., 1930.

20 *З<ахаров>-М<энский>*. Н. Никитина... // ЛЭ. М., 1932. Т. 8 Стлб. 76.

21 См. Приложение I.

22 *Брудный Д.Л.* Указ. соч. Стлб. 309.

23 См., например: *Грин М.* Никитинские субботники // В мире книг. 1964. № 8. С. 44-45; Друг писателей // Гудок. 1965. 28 февр.; *Захаров В.* Евдокия Никитина и ее музей // Молот. 1963. № 29 и пр.

24 См., например: <*Кречетова Е.*> "Никитинские субботники" // Наука и жизнь. 1962. № 9. С. 63, 111—112.

25 См., например: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 11. Л. 1—35; Д. 23. Л. 1—60.

26 Там же. Д. 1104. Л. 1—8; Д. 1105. Л. 1—2; Ф. 357. Оп. 2. Д. 61. Л. 1—37.

27 Там же. Ф. 135. Оп. 2; Д. 22. Л. 1—12; Д. 24. Л. 1—4.

28 Там же. Д. 22. Л. 3—9.

29 Там же. Ф. 357. Оп. 2. Д. 37. Л. 43—51.

30 Там же. Д. 65. Л. 6—8, 10—11; Ф. 135. Оп. 2. Д. 1104. Л. 1—8.

31 Там же. Д. 17. Л. 7.

32 См. некролог: Е.Ф.Никитина // Книжное обозрение. 1973. № 50.

33 При передаче материалов на государственное хранение комиссия ГЛМ ориентировалась главным образом на сведения, предоставленные самой Никитиной, поскольку даже первичный разбор архива, библиотеки, коллекции — залежей связок, папок и ящиков, которыми были буквально забиты комнаты в квартире дарительницы, — потребовал бы непомерно больших затрат времени. См.: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1102. Л. 1.

34 Описание личного фонда Никитиной завершено в 1989 г., фонда "Никитинские субботники" — в 1992 г. См.: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 4. Л. 79; Ф. 357. Оп. 2. Л. 43.

35 *Метченко А.И.* Кровное, завоеванное. М., 1975. С. 141—142. См. также: *Тимофеев Л.* Советская литература: Метод, стиль, поэтика. М., 1964. С. 99—149.

36 См., например: *Акимов В.М.* В спорах о художественном методе. Л., 1979; *Алиев Э.А.* Проблема классического наследия в русской литературной критике 20-х годов. Баку, 1985; *Баскевич И.О.* О теоретических воззрениях "Перевала" // Филологические науки. 1965. №. 1; *Белая Г.А.* Дон Кихоты 20-х годов. М., 1989; *Бочаров А.* Многообразие — какое оно? // Литературная газета. 1968. 14 авг.; *Новожилова Л.И.* Социология искусства: Из истории советской эстетики 20-х годов. Л., 1979; *Скворцова Л.* Расширяющийся смысл истории: К современным зарубежным спорам о пролетарской культуре // Вопросы литературы. 1978. № 1; *Скороспелова Е.Б.* Идейно-стилевые течения в русской советской прозе первой половины 20-х годов. М., 1979 и др.

37 Это, кстати, неоднократно подчеркивала и сама Никитина, говоря о специфике организации, которой руководила. См., например: Литературный кружок "Никитинские субботники" // Свиток. 1922. №. 1. С. 175.

38 См., например: *Иванов В.И.* Идейно-эстетические принципы советской литературы. М., 1977; *Петров С.М.* Возникновение и формирование социалистического реализма. М., 1976; *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители. М., 1970 и т. п.

39 *Эйхенбаум Б.* Литературный быт // *Эйхенбаум Б.* О литературе. М., 1987. С. 428.

40 Характерно, что даже П.Н.Сакулин, который лично знал Веселовского, был связан с Никитиной длительной дружбой и посещал "литературные вечера" в ее доме, не счел нужным упомянуть о каких-либо "кружковых" инициативах в некрологе. См.: *Сакулин П.* Веселовский А.Н. // Научные известия. М., 1922. Сб. II. С. 314—315.

41 См., например: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1097. Л. 1; Д. 1110. Л. 1.

42 Там же. Д. 1094. Л. 1—6.

43 См.: Каталог фондов Государственного литературного музея. Выпуск седьмой. А.С.Пушкин. М., 1948. С. 9—14, 21—22, 28, 49, 121, 122, 133, 154, 185, 188—190, 195, 198, 204, 208, 212, 213—214, 220, 221, 223—224, 226—228, 230, 242, 245, 254, 256.
44 ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1442. Л. 1—3.
45 См., например: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1110. Л. 1; Д. 1101. Л. 1.
46 Там же. Д. 1098. Л. 1; Д. 1099. Л. 1—2.
47 *Волков А. А.* Указ. соч.
48 ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 37. Л. 118—172; Ф. 357. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—4.
49 См.: Литературный кружок "Никитинские субботники" // Свиток. 1922. № 1. С. 175—176.
50 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 165. Л. 9.
51 Там же. Д. 263. Л. 1.
52 Там же. Ф. 357. Оп. 2. Д. 238—240.
53 Иногда они даже проговаривались, хоть и без умысла, как, например, А.М.Ладыженский, знавший Никитину с детства, еще по Ростову-на-Дону. Выступая на праздновании 50-летия "Никитинских субботников", Ладыженский невзначай сообщил, что в гимназии она к 1908 г. была не моложе большинства одноклассниц. См.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 2. Д. 37. Л. 12.
54 Там же. Д. 38—39.
55 Там же. Д. 37. Л. 1—51.
56 Там же. Д. 11—18, 27.
57 Там же. Д. 15, 27, 42, 49, 51, 59.
58 См.: *Фельдман Д.М.* Салон-предприятие: К истории "Никитинских субботников" // Общественные науки. 1990. № 5. С. 185.
59 См., например: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1111. Л. 11—16; Ф. 357. Оп. 2. Д. 221—236.
60 *Вентова Н.* В дар народу // Москва. 1964. № 8. С. 218.
61 <*Кречетова Е.*> "Никитинские субботники" // Наука и жизнь. 1962. № 9. С. 63, 111.
62 *Корн Р.* Никитинские субботники // Вопросы литературы. 1964. № 12. С. 236.
63 См: *Кацис Л.Ф.* "Ленинград" Михаила Козырева: к построению ленинградского текста // Материалы конференции «"Вторая проза": Русская проза 20-х—30-х годов XX века». Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, Trento, 1995. P. 329—354; См. также: *Фельдман Д.М.* К вопросу о датировке повести М.Я.Козырева "Ленинград" // Там же. P. 355—358.
64 См.: *Перельмутер В.Г.* Машина времени Михаила Козырева // Завтра. М., 1991. № 2. С. 162; *Чудакова М.О.* Русский сатирик Михаил Козырев // Возвращение. М., 1991. С. 106—109. См. также прим. К.М. Поливанова к указ. ст. // Там же. С. 110.
65 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.
66 *Корн Р.* Друзья мои... М., 1986. С. 171—180.

ЧАСТЬ I

1 Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века. М., 1992. С. 189; ЛЭ. М., 1934. Т. 8. Стлб. 76; КЛЭ. М. 1968. Стлб. 279.
2 См., например: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 22. Л. 1; Д. 23. Л. 1; Д. 24. Л. 1.
3 Там же. Ф. 357. Оп. 2. Д. 37. Л. 12; Ф. 135. Оп. 2. Д. 37. Л. 119—156.
4 См., например: Там же. Ф. 135. Оп. 2. Д. 957. Л. 1.
5 Там же. Д. 22. Л. 1—2.
6 Там же. Д. 37. С. 156.
7 См., например: Приложение III.
8 Писатели современной эпохи... С. 189.

[9] См.: *Фидлер Ф.Ф.* Первые шаги: Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 43.
[10] См., например: *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 8; См. также: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 37. С. 118—119, 156.
[11] ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 39. Л. 30.
[12] Там же. Л. 72. Примечательно, что "18" стерто, вписано "16". Возможно, кстати, это и не первое исправление — в данном документе.
[13] Там же. Ед. хр. 952. Л. 1.
[14] Там же. Д. 953. Л. 1—2.
[15] Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.
[16] Там же. Оп. 2. Д. 953. Л. 1—2.
[17] Там же. Д. 957. Л. 2.
[18] См. ЛЭ. Т. 8. Стлб. 76. См. также: Писатели современной эпохи... С. 189.
[19] ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 394. Л. 11.
[20] Там же. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 953. Л. 1—2; Там же. Ед. хр. 958. Л. 2.
[21] Там же.
[22] Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 382. Л. 1—2.
[23] Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 6—9.
[24] Савич родился в июле 1896 г.
[25] См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 165. Л. 1—9; Ф. 135. Оп. 2. Д. 37. Л. 1—43.
[26] Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 6. Л. 6—7.
[27] Там же. Д. 5. Л. 1,4.
[28] Там же. Ф. 135. Оп. 2. Д. 956. Л. 1.
[29] Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1—8.
[30] Там же. Кстати, в 1924 г. на праздновании десятилетия "Никитинских субботников" П.Н.Сакулин утверждал, что "дореволюционный период истории общества" ему "недостаточно знаком". См.: Там же. Д. 165. Л. 8.
[31] Там же. Д. 405. Л. 3.
[32] Сообщено Н.И.Либаном.
[33] См., например: ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 23. Л. 58—60.
[34] Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 4—9.
[37] Там же. См. также воспоминания участников на юбилейном собрании 1921 г.: Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 1—14.
[38] Там же. Д. 405. Л. 1—4.
[39] Там же.
[40] См.: Альфа: Стихи и проза. М., 1915.
[41] ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 395—397.
[42] Там же. Д. 2. Л. 4.
[43] Там же. Л. 5.
[44] Там же. Л. 9.
[45] Там же. Л. 13.
[46] Там же. Д. 3. Л. 2.
[47] Там же. Д. 165. Л. 7—9.
[48] Там же. Д. 4. Л. 1—7.
[49] Там же.
[50] Там же. Д. 5. Л. 4.
[51] См. предисловие Б.М.Эйхенбаума к кн.: *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 3.
[52] Там же. С. 32.

53 Там же. С. 34.
54 Там же. С. 36—37.
55 Там же. С. 38.
56 *Эйхенбаум Б. М.* Указ. соч. С. 3.
57 *Аронсон М., Рейсер С.* Там же.
58 *Эйхенбаум Б.М.* Указ. соч. С. 3—4.
59 См., например: *Бельчиков Н.* Из быта литературных кружков 60—70-х годов // *Бельчиков Н.* Народничество в литературе и критике. М., 1934. С. 198—237.
60 *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1964. Т. 11. С. 172.
61 *Стернин Г.Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX—XX веков. М., 1970. С. 14.
62 *Короленко В.Г.* О литературе. М., 1957. С. 217.
63 См., например: *Гнедич П.* Книга жизни: Воспоминания 1885—1918. Л., 1929. С. 192—194.
64 См., например: *Поссе В.А.* Мой жизненный путь: Дореволюционный период (1864—1917). М.; Л., 1929. С. 32—33; *Станюкович В.К.* Воспоминания о В.Я.Брюсове // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 713—758; *Зайцев Б.К.* Далекое. Вашингтон, 1965. С. 38—47.
65 *Маковский С.К.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 274.
66 Там же. С. 275—278.
67 *Барятинский В.В.* "Пятницы Полонского" и "Пятницы Случевского" // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 295—299.
68 См.: *Мазур Т.П.* Литературные пятницы Случевского // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 265—270.
69 *Ясинский И.* Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 214.
70 См. например: *Байдин В.В.* К истории возникновения Московского литературно-художественного кружка // Проблемы истории СССР. М., 1978. Вып. VIII. С. 144—159.
71 Московский литературно-художественный кружок: Устав. М., 1914. С. 3. См. также: РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 6—7.
72 *Тейтель Я.Л.* Из моей жизни: За сорок лет. Париж, 1925. С. 241.
73 См., например: *Белоусов И.А.* Литературная среда: Воспоминания 1880—1928. М., 1928. С. 99.
74 *Телешов Н.Д.* Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1980. С. 17.
75 См.: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 12—13.
76 Там же. Л. 20.
77 Там же. Л. 50—65.
78 Идею сборников предложил С.С.Голоушев, о чем Н.Д.Телешов писал 2 августа 1900 г. И.А.Бунину (См.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. I. С. 516).
79 См., например: Известия книжных магазинов товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1902/1903. № 10—11. С. 98—99.
80 См., например: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 2.Ед. хр. 2. Л. 18.
81 См., например: Архив Горького. Т. 4. С. 222—249.
82 См., например: РГБ. Ф. 386. Карт. 94. Ед. хр. 43. Л. 2; Карт. 69. Ед. хр. 2. Л. 15. См. также: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и "Весы" // Литературное наследство. Т. 85. С. 257—290; *Клинг О.А.* В.Я.Брюсов-журналист в литературно-эстетической борьбе конца XIX — начала XX века: Дис. канд. филол. наук. М., 1981.
83 *Чулков Г.И.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 130.
84 РГАЛИ. Ф. 1339. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1.
85 Там же. Ф. 328. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 7.
86 См., например: *Поссе В.А.* Указ. соч. С. 446.
87 См.: Литературное наследство. Т. 85. С. 386—387.
88 См., например: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Указ. соч. С. 285. См. также письмо Брюсову 9 августа 1913 г. // Там же. С. 536.

89 *Гумилев Н.С.* Наследие символизма в поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 42.

90 См.: *Городецкий С.М.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Там же. С. 46; *Пяст Вл.* Встречи. М., 1929. С. 72. См. также: *Мец А.Г.* Эпизод истории акмеизма // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 111—121.

91 Цит. по: *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956—1961. Т. 13. С. 244—245.

92 *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 370. См. также: *Харджиев Н.* Поэзия и живопись // *Харджиев Н., Малевич К., Матюшин М.* К истории русского авангарда. Стокгольм, 1976. С. 40—45.

93 *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. С. 371.

94 См., например: *Матюшин М.* Русский кубофутуризм // *Харджиев Н., Малевич К., Матюшин М.* Указ. соч. С. 138—141.

95 *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. С. 146—147.

96 *Чуковский К.И.* Собр. соч.: В 6 т. М, 1969. Т. 6. С. 240—241.

97 Там же. См. также: Здесь и там // Аргус. 1913. № 11. С. 125; *Зданевич И., Ларионов М.* Почему мы раскрашиваемся // Там же. № 12. С. 114; *Харджиев Н.* Указ. соч. С. 48—49.

98 *Шершеневич В.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 461. См. также: *Милашевский В.* Вчера, позавчера... Воспоминания художника. М., 1989. С. 82—83; *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. С. 366, 432—437; *Ренников А.* Берегите карманы! // Новое время. 1913. 10 апр.

99 См., например: *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец.С. 458—461.

100 См.: *Лившиц Б.* Дубина на голове русской критики // Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1—2. С. 102—103; *Шершеневич В.* Футуропитающиеся // Там же. С. 86—91.

101 *Шершеневич В.* Великолепный очевидец... С. 510—511.

102 См.: Кофа. Доители изнуренных жаб // Руль. 1913. 14 ноября; *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. С. 439; *Чуковский К.И.* Маяковский // Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 119-120.

103 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.

104 *Милашевский В.* Указ. соч. С. 104.

105 Н.И. Либан учился в 7-й Опытно-показательной школе Московского отдела народного образования. Работали там, главным образом, бывшие преподаватели гимназий. Богушевский, по словам Либана, был одним из лучших учителей, к советским же школьным новациям ("лабораторному методу", "бригадному методу" и т. п.) относился иронически. Репрессирован в 1930-е годы.

106 См., например: *Волков А.А.* Указ. соч.

107 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 52. Л. 14.

108 См.: РГАЛИ. Ф. 116. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 2—8.

109 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357; Известия ВЦИК. 1918. 23 февр. См. также: *Стадник И.* Кто написал декрет Владимира Ильича // Московские новости. 1991. 3 марта; *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Целесообразность или необходимость? // Новый мир. 1989. № 11. С. 264—265.

110 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 65. Ст. 710.

111 См., например: Приказ о заложниках // Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. С. 11; О красном терроре // Вестник народного комиссариата внутренних дел. 1918. № 20—21. С. 1. См. также: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Целесообразность... С. 265—266.

112 Цит. по: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 599 (коммент. Б.Я. Фрезинского). См. также: *Фельдман Д.М.* Вступ. ст. к публ.: Эренбург И. Статьи 1919 г. // De visu. 1993. С. 5—6.

[113] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (глава "О соучастии") — постановление Наркомюста от 28 декабря 1919 г. См. также: *Фельдман Д.М.* Дело Гумилева // Новый мир. 1989 № 4. С. 267; *Он же.* Правила игры // Континент. 1991. № 68. С. 248.

[114] В частности, Эренбург, писавший Волошину о том, как едва не попал в заложники, позже объяснял, что причиной переезда было стремление встретиться с матерью, которая жила в Ялте (*Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. С. 246—247).

[115] См., например: *Фельдман Д.М.* Несанкционированная дискуссия // Дружба народов. 1991. № 10. С. 242—244.

[116] *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 30.

[117] См., например: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 210.

[118] См.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. С. 212—215.

[119] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 212.

[120] Там же.

[121] См.: Петроградский Военно-революционный комитет: Документы и материалы: В 3 т. М., 1966. Т. 1. С. 112; Издательское дело в первые годы советской власти: Сб. документов и материалов. М., 1972. С. 226; *Блюм А.* За кулисами "Министерства правды". М., 1994. С. 34—35; См. также: Летописец. Как это теперь делается // Наша речь. 1917. 16 (29) ноября.

[122] См.: Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. С. 130—134.

[123] См., например: *Чириков Е.* Ужасы Тверского бульвара // Русские ведомости. 1917. 8 (21) ноября; Резолюция общего собрания Союза русских писателей от 17 февраля 1918 г. // Наш век. 1918. 19 февр. См. также: *Окороков А.З.* Ленинский декрет о печати // Книга: Исследования и материалы. М., 1970. Сб. XX. С. 48—50; *Блюм А.* Указ. соч. С. 35—36.

[124] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУиР). № 1. Ст. 10.

[125] См., например: *Окороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 248—259: Издательское дело в первые годы советской власти. С. 152, 157. См. также: *Блюм А.* Указ. соч. С. 36.

[126] См.: Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 23.

[127] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 54.

[128] СУиР. № 10. С. 156.

[129] Там же. № 35. Ст. 471; Ст. 533.

[130] См.: Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 490—491.

[131] См., например: *Окороков А.З.* Указ. соч. С. 310, 343—376.

[132] *Окороков А.З.* Указ. соч. С. 203—215.

[133] См.: СУиР. № 14. Ст. 210; Законы о печати: Сборник декретов, постановлений, уставов, инструкций и распоряжений о печати/Сост. Николаев Н.М. М., 1924. Ч. 1. С. 6—7.

[134] СУиР. № 86. Ст. 900.

[135] Там же. П. 11.

[136] Там же. П. 10.

[137] *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1988. С. 402.

[138] См., например: Издательское дело в первые годы советской власти. С. 158, 190.

[139] *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 33.

[140] СУиР. № 51. Ст. 582; № 73. Ст. 792.

[141] Там же. № 54. Ст. 604.

[142] Там же. № 87-88. Ст. 905.

[143] Там же. См. также: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Выйти живым из строя. Русская литература: поэтика болезни, здоровья и труда // Дружба народов. 1994. № 3. С. 182—183, 187.

[144] *Эренбург И.* Исход // Киевская жизнь. 1919. 6 (19) окт.
[145] Как известно, значительная часть такого рода периодики не учитывалась советскими справочно-библиографическими изданиями. Перечисленные выше журналы хранятся в фондах РГБ и ГАРФ.
[146] *Дроздов А.* Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2. С. 46.
[147] Там же. С. 54.
[148] См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 2. Д. 65—66.
[149] Там же. Ф. 135. Оп. 4. Д. 7. Л. 1—12.
[150] *Дроздов А.* Указ. соч. С. 48.
[151] См., например: *Никитина Е.Ф.* О просвещении // Новый путь. 1918. № 9—10. С. 16—19. Журнал издавался в Ростове-на-Дону Доно-кубано-терским товариществом кооперативов.
[152] *Дроздов А.* Указ. соч. С. 54.
[153] См., например: *Алексеева Л.К.* Ростов в девятнадцатом: Легенда о Голубове-Багрянородном // Литературная учеба. 1991. № 4. С. 157—162.
[154] *Дроздов А.* Указ. соч. С. 54—55.
[155] ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—2; Д. 17. Л. 1—2.
[156] Там же. Д. 6. Л. 6.
[157] Там же. Д. 5—7.
[158] *Дроздов А.* Указ. соч. С. 55.
[159] Там же. См. также: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
[160] *Никитина Е.Ф.* Росы рассветные. Ростов н/Д., 1919.
[161] См., например: *Лехович Д.* Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1993. С. 267—268.
[162] ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
[163] *Дроздов А.* Указ. соч. С. 55—56.
[164] ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
[165] Там же. Д. 52. Л. 4, 14.
[166] Там же. Д. 10. Л. 6; РГАЛИ. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 60. Л. 9—10.
[167] ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
[168] Там же. Л. 4.
[169] Там же. Д. 13. Л. 1—2.
[170] Там же. Д. 17. Л. 1—4.
[171] Там же. Д. 11—12, 14—17.
[172] Там же. Оп. 2. Д. 65. Л. 6—8.
[173] Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.
[174] Там же. Ф. 135. Оп. 2. Д. 966. Л. 1—3.
[175] Там же. Д. 63. Л. 1.
[176] Там же. Д. 959—960.

ЧАСТЬ II

[1] ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 19—20.
[2] Там же. Д. 52. Л. 7—9.
[3] Там же. Д. 41, 44.
[4] Там же. Оп. 2. Д. 223. Л. 1.
[5] Там же. Л. 2—3.
[6] Там же. Л. 1.
[7] См., например: *Голостенов М.Е., Сачков В.Н.* Никитин... // Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 233.

8 См., например: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* <Вступ. ст. и коммент. к публ.: > А.А. Богданов. Пять недель в ГПУ: 8/IX—13/X 1923 г. // De visu. 1993. № 7. С. 28—32.

9 См., например: *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год: Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 23—67.

10 *Ананьин Е.* Из воспоминаний революционера: 1905—1923 // Меньшевики. Benson, Vermont. 1988. С. 210.

11 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

12 СУиР. № 86. Ст. 344.

13 Цит. по: История книги в СССР: 1917—1921. М., 1985. Т. 2. С. 111.

14 СУиР. №. 42. Ст. 187.

15 См., например: *Фельдман Д.* Крестьянская война // Родина. 1989. № 10. С. 52—53.

16 СУиР. № 86. Ст. 891.

17 *Быстрянский В.* Государственное издательство и его задачи // Книга и революция. 1920. № 1. С. 2; *Ионов И.* О "забытом фронте" // Там же. С. 7.

18 См.: От конференции московских кооперативных издательств... // Вестник литературы. 1921. № 4—5. С. 12—13.

19 Государственное издательство: Отчет о деятельности на 1 декабря. М., 1920. С. 6.

20 Там же.

21 *Степанов И.* Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия // Книга и революция. 1920. № 6. С. 5.

22 История книги в СССР... С. 113.

23 *Витязев П.* Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С. 2.

24 Там же. С. 3—20, 31.

25 Государственное издательство: отчет... С. 7.

26 *Витязев П.* Указ. соч. С. 7.

27 *Степанов И.* Государственные издательства, частные фирмы... С. 5.

28 *Витязев П.* Указ. соч. С. 28.

29 См.: Вестник литературы. 1921. № 4—5. С. 10—11.

30 *Замятин Е.* Я боюсь // Дом искусств. 1921. С. 45.

31 Там же.

32 Красная Москва: 1917—1920. М., 1920. С. 621.

33 Там же.

34 Там же.

35 *Степанов И.* Государственное издательство и ведомства, художественная литература и советские меценаты // Книга и революция. 1921. № 1 (7). С. 1—6.

36 Там же.

37 См.: Издательское дело в первые годы советской власти: 1917—1922: Сб. документов и материалов. М., 1972. С. 213; *Динерштейн Е.А.* Реформа издательского дела 1921 г. // Книга: Исследования и материалы. Сб. 20. М., 1970. С. 73.

38 См.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Террор как идеологема // Общественные науки. 1994. № 6. С. 157.

39 *Степанов И.* Положение и задачи Госиздата // Печать и революция. 1921. № 2. С. 102.

40 См.: Издательское дело в первые годы советской власти... С. 212.

41 Там же. С. 104.

42 Там же. С. 179—180.

43 Там же.

44 Там же.

45 См.: *Галактионов И.* Новая беда // Вестник литературы. 1921. № 1. С. 11; *Он же.* Еще о вздорожании книг // Там же. № 12. С. 15.

46 См.: *Сабашников М.В.* Воспоминания. М., 1988. С. 412; См. также: *Фельдман Д.* Несанкционированная дискуссия // Дружба народов. 1991. № 10. С. 244—250.

47 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 54. Л. 8.
48 Там же. Л. 8—9.
49 Там же. Д. 55. Л. 4—5.
50 Там же. Д. 56. Л. 2—3.
51 *Сабашников М.В.* Указ. соч.
52 ГЛМ. Ф. 357. Д. 54. Л. 7—8.
53 Там же. Д. 55. Л. 5.
54 См.: Издательское дело в первые годы советской власти... С. 112.
55 См.: *Динерштейн Е.А.* Положившие первый камень: Госиздат и его руководители. М., 1972. С. 72.
56 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 155—156.
57 См.: Законы о печати: Сб. декретов, постановлений, уставов, инструкций и распоряжений с разъяснениями/Сост. Н.М. Николаев. М., 1924. С. 102; См. также: *Фельдман Д.* Несанкционированная дискуссия... С. 250.
58 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190.
59 Там же. С. 191.
60 См.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* <Вступ. ст. и коммент. к публ.: > Богданов А.А. Пять недель в ГПУ... С. 33—34.
61 См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 28—29.
62 *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция. М., 1929. С. 11.
63 *Кугель А.Р.* Листья с дерева: Воспоминания. Л., 1929. С. 93.
64 См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 59. Л. 8; Д. 60. Л. 1—10.
65 Там же. Д. 72. Л. 2, 10.
66 Литературный кружок "Никитинские субботники" // Свиток. 1922. № 1. С. 175—177.
67 Там же. С. 175.
68 Там же.
69 Там же.
70 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—2.
71 Там же.
72 Там же. Л. 10.
73 *Мещеряков Н.Л.* О частных издательствах // Печать и революция. 1922. № 6. С. 131—133.
74 Литература и НЭП // Литературные записки. 1922. № 2. С. 1.
75 Там же. С. 2.
76 См., например: *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 161—162.
77 *Воронский А.К.* Литературные отклики // Красная новь. 1922. № 2. С. 258.
78 См.: *Подгорнова А.И.* Советское книгоиздание в 20-е годы. М., 1984. С. 25.
79 См.: *Янцкий Н.Ф.* Книжная статистика Советской России: 1918—1923. М., 1924. С. 15.
80 См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.
81 Там же. Д. 91. Л. 2.
82 См.: Свиток. 1922. № 2. С. 2.
83 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1 Д. 91. Л. 2—3.
84 Там же. Д. 60. Л. 2—10; Д. 62. Л. 1—9; Д. 444. Л. 1.
85 Там же. Л. 2.
86 Там же.
87 Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 12; Д. 268. Л. 1.
88 Там же. Оп. 1. Д. 67—87.
89 Там же. Д. 91. Л. 2—3.
90 См.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* <Вступ. ст. и коммент. к публ.:> А.А.Богданов. Пять недель в ГПУ... С. 30—31, 42.
91 СУиР. № 51. Ст. 646.
92 Там же. № 77. Ст. 969.

93 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 98. Л. 1—4.
94 Там же. Д. 99. Л. 2.
95 *Никитина Е.Ф.* Литературное общество "Никитинские субботники" // Свиток. 1924. № 3. С. 224—230. См. также: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.
96 См.: *Резник О.* Жизнь в поэзии: Творчество И. Сельвинского. М., 1981. С. 49.
97 См., например: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т.1. С. 53.
98 *Никитина Е.Ф.* Указ. соч. С. 227.
99 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 2. Д. 248. Л. 3—12.

ЧАСТЬ III

1 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.
2 *Никитина Е.Ф.* Литературное общество... С. 224—230.
3 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.
4 Там же.
5 Там же. Д. 112. Л. 3.
6 Там же. Д. 165. Л. 5.
7 *Никитина Е.Ф.* Указ. соч. С. 229.
8 См. Приложение VII.
9 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 132. Л. 1—2.
10 Там же. Л. 1.
11 Там же. Д. 133. Л. 1—2.
12 Там же. Д. 134. Л. 1—6.
13 См. Приложение VIII.
14 Там же.
15 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.
16 Там же. Д. 102. Л. 2.
17 Цит. по: Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под ред. Вл. Лидина. М., 1926. С. 182.
18 См.: *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1989. С. 289—290.
19 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 2. Л. 12.
20 Там же. Ф. 135. Оп. 2. Д. 970. Л. 1—8.
21 См. например: *Никитина Е.Ф.* Указ. соч. С. 224.
22 Там же.
23 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.
24 Там же.
25 *Никитина Е.Ф.* Указ. соч. С. 225—226.
26 Там же.
27 См.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 404. Л. 1.
28 *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 42.
29 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 382. Л. 3.
30 Там же. Л. 7.
31 См.: Действующее законодательство о печати: Сист. сб. / Сост. Л.Г. Фогелевич. М.; Л., 1929. С. 224.
32 См.: Издательское дело в СССР (1923—1931): Сборник документов и материалов. М., 1978. С. 65.
33 См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 138—150. См. также.: *Никитина Е.Ф.* Литературное общество "Никитинские субботники" // Свиток. 1926. № 4. С. 357—363.
34 См. например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 150. Л. 6—33.
35 Там же. Д. 146. Л. 1—8.

36 Там же. Д. 150. Л. 1—6.
37 Вечерняя Москва. 1924. № 270.
38 Там же. № 275.
39 Там же. № 279.
40 Там же.
41 См., например: *Скобелев В.П.* Александр Неверов: Критико-библиографический очерк. М., 1964. С. 10—27.
42 См. например: *Романов П.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1927. Т. 2. С. 24—27.
43 См.: *Сабашников М.В.* Воспоминания... С. 422—428.
44 См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 122—123, 171—172.
45 Вечерняя Москва. 1924. № 279.
46 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 166. Л. 9—10.
47 Там же. Л. 1.
48 Там же. Д. 161. Л. 2.
49 Там же. Д. 165. Л. 5—21.
50 Вечерняя Москва. 1924. № 281.
51 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 165. Л. 8—12.
52 Там же.
53 Там же. Д. 166. Л. 3, 30—31; Д. 405. Л. 6—10.
54 См.: *Никитина Е.Ф.* Литературное общество "Никитинские субботники" // Свиток. 1926. № 4. С. 357—363.
55 См. Приложение VIII.
56 См.: Бюллететень кооперативного издательства "Никитинские субботники" М., 1926. С. 1—8.
57 Там же.
58 См. Приложение IX.
59 Там же.
60 См., например: Книгоноша. 1926. № 21. С. 42. См. также: Бюллетень кооперативного издательства "Никитинские субботники"... С. 1—9.
61 Там же. С. 1.
62 Там же. С. 2—3.
63 Там же. С. 7—14.
64 Там же. С. 9.
65 См.: Свиток. 1926. № 4. С. 364.
66 См.: Книгоноша. 1926. № 20. С. 37
67 См.: ГЛМ. Ф. 357. Д. 51. Л. 3.
68 *Никитина Е.Ф., Шувалов С.В.* Поэтическое искусство Блока. М., 1926.
69 См.: Книгоноша. 1926. № 37—38. С. 42.
70 *Груздев И.* Норма брака // Звезда. 1927. № 2. С. 156.
71 *Глаголев Н.А.* Научное легкомыслие // На литературном посту. 1927. № 2. С. 70.
72 См. Приложение II.
73 *Городецкий С.М.* Письмо Этингофу Б. Е. // Об Армении и армянской кльтуре. Ереван, 1974. С. 196—197.
74 См., например: *Никитина Е.Ф., Шувалов С.В.* Беллетристы-современники: В 4 т. М., 1927—1931.
75 См.: Советские писатели: Автобиографии: В 2 т. М., 1959.
76 См., например: *Турков А.* О времени и о себе // Новый мир. 1960. № 8. С. 241—244; *Лазарев Л.* Рожденная революцией // Знамя. 1960. № 7. С. 201—208.
77 *Владиславлев И. В.* Литература великого десятилетия: 1917—1927. М., 1928. Т. I. С. 15.
78 См.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 440. Л. 6,12.
79 Там же. Д. 436. Л. 1—5.

80 Там же. Д. 384. Л. 1—26.
81 Там же. Д. 238. Л. 5.
82 Там же. Д. 428. Л. 37.
83 *Городецкий С.М.* Жизнь неукротимая. М., 1984. С. 17.
84 *Шершеневич В.* О друге // Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926. С. 69.
85 *Габрилович Е.* Вторая четверть // Искусство кино. 1970. № 1. С. 96.
86 Там же.
87 *Лунц Л.* Почему мы серапионовы братья? // Литературные записки. 1922. № 3. С. 14.
88 Как известно, уцелевшим соратникам Лунца пришлось не раз публично отрекаться от серапионовского манифеста. См., например: Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М., 1990. С. 229.
89 *Коган П.С.* Литература этих лет. М.; Иваново-Вознесенск, 1924. С. 99—100.
90 *Белоусов И.А.* Литературная среда: Воспоминания: 1880—1928. М., 1928.
91 Там же. С. 200.
92 Там же. С. 199.
93 *Авербах Л.* О задачах пролетарской литературы. М., 1930. С. 101.
94 Там же. С. 100, 102.
95 Там же.
96 *Саянов В.* Современные литературные группировки. Л., 1930. С. 39—40.
97 Там же. С. 39.
98 Это относится прежде всего к хронике "Никитинских субботников" в альманахе "Свиток": до 1924 г. — "кружок", далее — "общество".
99 Цит. по: Грядущее. 1920. № 1—2. С. 28.
100 *Эфрос А.М.* Концы без начал // Шиповник. М., 1922. № 1. С. 114.
101 *Полонский В.П.* Очерки литературного движения революционной эпохи. М.; Л., 1928. С. 26.
102 См.: Коммунисты-футуристы // Искусство коммуны. 1919. № 8. См. также: *Кушнер Б.* Прыжок к социализму // Там же.
103 *Луначарский А.В.* Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М.; Л., 1927. С. 114.
104 Цит. по: *Есенин С.А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1966—1968. Т. 4. С. 251.
105 Там же. С. 253.
106 См.: В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов: 1917—1922 / Сост., вступ. ст. К. Аймермахера. М., 1992. С. 79.
107 См.: Правда. 1920. 1 дек.
108 См. например: РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—2.
109 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 266; Т. 54. С. 23. См. также: Вопросы истории КПСС. 1958. № 1. С. 38.
110 О подготовке и отмене процесса см.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* <Вступ. ст. к публ.:> Богданов А.А. Пять недель в ГПУ (8/IX—13/X 1923 г.) // De visu. 1993. № 7. С. 28—33.
111 Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М., 1925. С. 116—117.
112 См.: Декларация московских пролетарских поэтов и писателей группы "Кузница" // Кузница. 1921. № 7. С. 2. См. также: *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991. С. 161—165.
113 См.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Революция как идеологема: К истории формирования // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 68—77.
114 См.: *Динерштейн Е.А.* Маяковский в "Круге" и "Красной нови" // Маяковский и советская литература. М., 1964. С. 408—413; *Он же.* Маяковский и книга. М., 1987. С. 85—87; *Он же.* А.К.Воронский. Из переписки с советскими писателями 1920—1930-х годов // Литературное наследство. М., 1983. Т. 93. С. 535—541. См. также: *Поливанов К.М.* К истории "артели" писателей "Круг" // De visu. 1993. № 10. С. 5—15.
115 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 409. Л. 18. См. также: *Динерштейн Е.А.* К истории образования "Левого фронта искусства" // De visu. 1993. № 11. С. 3—9.

[116] См. например: *Зубкова Н.А.* Рабочее партийно-кооперативное издательство "Прибой" (1922—1927) // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Вып. 34. С. 79; *Козлов В.Н.* Работа партии по развитию издательского дела в период восстановления народного хозяйства СССР (1921—1925) // Партия в борьбе за социализм и коммунизм. Л., 1973. С. 147—149; *Посадсков А.Л.* Переход к новой экономической политике и советская издательская система на периферии (по материалам Сибири конца 1921—1923 гг.) // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1975. С. 227; *Соскин В.Л.* Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921—1923). Новосибирск, 1971. С. 207.

[117] *Поливанов К.М.* Указ. соч. С. 5.

[118] См.: *Динерштейн Е.А.* К истории образования "Левого фронта искусства"... С. 3.

[119] См., например: В кого вгрызается Леф // Леф. 1923. № 1. С. 9.

[120] РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2; см. также: *Белая Г.А.* Дон Кихоты 20-х годов. "Перевал" и судьбы его идей. М., 1989. С. 256—257.

[121] См., например: *Чичерин А., Сельвинский Э.-К.* Знаем. Клятвенная конструкция (декларация) конструктивистов-поэтов. М., 1923. С. 1—4.

[122] Леф. 1925. № 3 (7). С. 142—143. См. также: *Сельвинский И.* Бизнес. М., 1929. С. 6—9.

[123] *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 104—105. См. также: *Богомолов Н.А.* Андрей Белый и советские писатели // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С. 326—334.

[124] *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. С. 26—27.

[125] Там же. С. 168.

[126] См., например: *Чужак Н.* Партия и искусство // Горн. 1923. № 9. С. 81—88.

[127] *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. М., 1991. С. 149.

[128] *Воронский А.К.* О пролетарском искусстве и художественной политике нашей партии // Красная новь. 1923. № 7. С. 275.

[129] См.: Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925. С. 78.

[130] Там же. С. 102.

[131] См.: Декларация Всесоюзного объединения рабоче-крестьянских писателей "Перевал" // Красная новь. 1927. № 2. С. 235.

[132] Там же. С. 237. О декларациях "Перевала" см. также: *Полонский В.П.* Очерки литературного движения литературной эпохи. М.; Л., 1928. С. 51; *Белая Г.А.* Указ. соч. С. 8—9.

[133] См., например: *Акимов Г.А.* В спорах о художественном методе. Л., 1979. С. 275.; *Дементьев Г.А.* Воронский и советская литература // *Воронский А.* Избранные статьи о литературе. М. 1982. С. 10.; *Динерштейн Е.А.* А.К.Воронский. Из переписки с советскими писателями // Из истории советской литературы 1920—1930-х гг. Новые материалы и исследования. М., 1983 (Литературное наследство. Т. 93.). С. 536; *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители. М., 1984. С. 208—209.

[134] *Белая Г.А.* Указ. соч. С. 42; см. также: *Белая Г.А.* Последний островок "абстрактного" гуманизма: Содружество писателей "Перевал" (20—30-е) // Общественные науки. 1989. С. 183—185.

[135] См.: *Белая Г.А.* Дон-Кихоты... С. 44—46.

[136] *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Террор как идеологема // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 175.

[137] См.: Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925. С. 138—139, 215—220.

[138] От Федерации советских писателей // Известия. 1925. 22 июля.

[139] Записано Л.Э.Разгоном в Центральном доме литераторов при обсуждении вышедшей в 1970 г. книги С.И.Шешукова "Неистовые ревнители". Цит. по: *Белая Г.А.* Указ. соч. С. 274.

[140] См., например: *Адамович Г.* О положении советской литературы // Современные записки. Париж. 1932. Вып. XLVIII. С. 300—301.

1 См., например: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 382. Л. 9.
2 Там же. Д. 301. Л. 6.
3 *Луначарский А.В.* Неизданные материалы // Литературное наследство. М., 1970. Т. 82. С. 344.; *Блюм А.В.* За кулисами "Министерства правды": тайная история советской цензуры 1917—1929. Спб., 1994. С. 121.
4 *Жироду Ж.* Зигфрид и Лимузен/ Предисловие И.Нусинова. М., 1927.
5 См. например: *Фельдман Д.М.* Канонада по канонам // Встречи с прошлым. М., 1990. С. 71; *Перельмутер В.Г.* Когда не хватает воздуха // *Кржижановский С.Д.* Возвращение Мюнгхаузена. М., 1990. С. 3—18.
6 См.: *Перельмутер В.Г.* Литературовидение Сигизмунда Кржижановского // *Кржижановский С.Д.* Страны, которых нет: Статьи о литературе и театре. Записные тетради. М., 1994. С. 512, 140—141.
7 *Арго А.М.* Альбатрос // *Кржижановский С.Д.* Возвращение Мюнгхаузена. М., 1990. С. 529—536.
8 *Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. М., 1931.
9 *Бовшек А.Г.* Глазами друга: Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского // *Кржижановский С.Д.* Возвращение Мюнгхаузена. М., 1990. С. 484—500.
10 См.: *Португалов В.* Егор Оболдуев // День поэзии. М., 1968. С. 185. См. также: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 317. Л. 1—9.
11 ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 133. Л. 9. См. также: *Гаспаров М.Л.* Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С. 444—460.
12 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 235. Л. 1—10.
13 Гоголь и Мейерхольд. М., 1927.
14 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 253. Л. 1—6.
15 См.: *Зайцев П.Н.* Андрей Белый и "Никитинские субботники" // Литературное обозрение. 1995. № 45. С. 125—127. См. также: Андрей Белый и П.Н.Зайцев: Переписка / Публ. и прим. Дж. Мальмстада // Минувшее. М.; Спб., 1993. № 13. С. 250—291.
16 ГЛМ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 133. Л. 8. См. также: *Фельдман Д.М.* Послесловие <к воспоминаниям П.Н.Зайцева> // Литературное обозрение. 1995. № 45. С. 128—134.
17 *Бовшек А.* Указ. соч. С. 501—502. Стоить отметить, что сведения о биографии Никитиной, равным образом, сведения о деятельности ею созданного объединения до 1921 г. Бовшек почерпнула из рассказов самой Никитиной. В частности, Бовшек пишет, что Никитину "по окончании университета" пригласили "читать курс истории русской литературы" (С. 499).
18 См. Приложение IX.
19 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 242. Л. 1—2.
20 Там же.
21 Там же. Д. 383. Л. 13—14.
22 См. Приложение IX.
23 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 263. Л. 1—2.
24 Там же.
25 Там же. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1088. Л. 1—2.
26 Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 449. Л. 1.
27 Приложение VIII.
28 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 440. Л. 1—8.
29 Там же. Д. 278. Л. 2.
30 Приложение IX.
31 Там же.
32 См.: ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

33 Там же. Д. 299. Л. 1—4.
34 Там же. Д. 383. Л. 40—44.
35 Там же. Д. 333. Л. 1—4.
36 Там же.
37 См.: *Коротков Е.П.* Никитинские субботники // КЛЭ. М., 1968. Т. 5. Стлб. 279. Кроме того, Никитина часто демонстрировала экскурсантам цветную репродукцию юоновского полотна с указателем изображенных (см.: <*Кречетова Е.*> Никитинские субботники // Наука и жизнь. 1962. № 9. С. 111—112.).
38 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 439. Л. 1—28.
39 Там же. Д. 434. Л. 16.
40 Там же. Д. 429. Л. 39; Д. 437. Л. 1—3; Д. 438. Л. 1—3.
41 Там же. Д. 346—352.
42 *Топоров А.М.* Крестьяне о писателях. М.; Л., 1930.
43 См., например: *Гусельников В.* Счастье Адриана Топорова. Барнаул. 1965. С. 3—64; *Яновский Н.Н.* Голоса времени. Новосибирск, 1971. С. 124.
44 *Топоров А.М.* Указ. соч. С. 1.
45 *Беккер М.* Против топоровщины // На литературном посту. 1930. № 23—24. С. 57—60.
46 См.: *Фельдман Д.* Несанкционированная дискуссия // Дружба народов. 1991. № 10. С. 253—254.
47 *Топоров А.М.* Вопрос остается открытым // Земля советская. 1932. № 9. С. 142.
48 См., например: *Гусельников В.* Указ. соч. С. 70.
49 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 408.
50 См.: *Прозоров А.* "Перевал" // ЛЭ. М., 1935. Т. 8. С. 500. См. также: *Белая Г.А.* Дон-Кихоты... С. 352.
51 См., например: Письмо М.М.Пришвина С.С.Динамову, цитируемое Г.А.Белой: *Белая Г.А.* Указ. соч. С. 364—366.
52 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 353. Л. 1.
53 Там же. Ф. 135. Оп. 4. Д. 13. Л. 1—7. Некролог Б.Е.Этингофа опубликован в "Правде" 26 февраля 1958 г.
54 ГЛМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 471. Л. 1—8.
55 Там же. Д. 469—470.
56 Там же. Д. 357—378.
57 Там же. Д. 473. Л. 1—21.
58 Там же. Д. 379. Л. 1—3.
59 Там же. Д. 214. Л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Статьи о "Никитинских субботниках", опубликованные после открытия музея

Ардов В. Русская эпиграмма: Необычная коллекция // Вечерняя Москва. 1965. № 173 (12683). 24 июля. С. 3.

Бабаков К. В доме литераторов // Боевой сигнал. 1964. № 88 (2112). 30 октября. С. 2 (Пож.охрана УООП исполк. Мосгорсовета).

Баньковская Г. В гостях у Е.Ф. Никитиной // Новые рубежи. 1965. № 23(501). 11 февр. С. 3.

Баньковская Г. "Никитинские субботники" // Ленинское знамя. 1965. № 43(13704). 22 февр. С. 4.

Блашнин Л. Хозяйка литературных субботников // Московская правда. 1965. № 48(13708). 27 февр. С. 3.

Вентова Н. В дар народу // Москва. 1964. № 8. С. 217—218.

Вспоминая Л. Сейфуллину // Литературная газета. 1964. № 49 (4791). 23 апреля. С. 4.

Грин М. Необыкновенный музей // Огонек. 1964. № 47. С. 18.

Грин М. Никитинские субботники // В мире книг. 1964. № 8. С. 44—45.

Грин М. Путь к людям // В мире книг. 1964. № 9. С. 44—45.

Грин М. Сокровища, подаренные народу // Тамбовская правда. 1964. № 207(12025). 3 сент. С. 4.

Дмитриева Н. Сокровища подмосковного дома // Вечерняя Москва. 1962. № 4 (11596). 5 янв. С. 3.

Друг писателей // Гудок. 1965. № 49(12017). 28 февр. С. 4.

Запрашаюць "Нікіцінскія суботнікі // Література и мастацтва. Минск. 1964. № 71 (1916). 4 сент. С. 1.

Захаров В. Второе рождение // Комсомольская правда. 1963. № 40 (11587). 16 февр. С. 4.

Захаров В. Евдокия Никитина и ее музей // Молот. Ростов-на-Дону. 1963. № 29 (12254). 3 февр. С. 3.

Захаров В. Музей, подаренный людям // Московский комсомолец. 1962. № 183 (7439). 13 сент. С. 3.

Золотникова И. Новый музей столицы // Литература и жизнь. 1962. № 10 (688). 14 сент. С. 4.

Идашкин С. Год литературный // Знамя строителя. 1964. № 73 (1211). 19 июня. С. 4.

И снова — "Никитинские субботники" // Литературная Россия. 1963. № 10. 8 марта. С. 4.

Кириллов К. Хранительница сокровищ // Труд. 1964. № 224 (13306). 22 сентября. С. 2.

Кириченко А. Клад во Вспольном // Вечерняя Москва. 1964. № 221 (12423). 18 сентября. С. 3.

Кірыченка А. Клад на Успольным // Літаратура и мастацтва. Минск. 1964. № 76(1921). 22 сент. С. 4.

Кисель А. Музей, подаренный людям // Нева. 1964. № 3. С. 215—216.
Корн Р. В субботу у Никитиных // Неделя. 1964. № 8 (16—22 февраля). С. 8—9.
Корн Р. "Никитинские субботники" // Вопросы литературы. 1964. № 12. С. 235—239.
<*Кречетова Е.*> "Никитинские субботники" // Наука и жизнь. 1962. № 9. С. 63, 111—112.
Lewaschow Mstislaw. Eine einmalige samlung // Kultur und Leben. 1964. № 6. С. 32—33.
Левит М. Полвека служения прекрасному // Дальневосточный Комсомольск. 1964. № 227 (8767). 17 ноября. С. 3.
Лимарь О. Никитинские субботники // Кабардино-Балкарская правда. 1964. № 232 (10972). 21 ноября. С. 4.
Лоритто А. Сокровища Евдокии Никитиной // Московский комсомолец. 1963. № 36 (7551). 20 февр. С. 3.
Лунин С. Гибель коллекций // Смена. 1964. № 22. С. 11.
Менделевич Г. Неопубликованные автографы Демьяна Бедного // Литературная газета. 1963. № 35 (4622). 21 марта. С. 2.
Музей "Никитинские субботники" // Вечерняя Москва. 1965. № 224 (12734). 22 сент. С. 1.
Назарова М. Рождение музея // Работница. 1963. № 3. С. 25.
Никитина Е. Два портрета // Знание—сила. 1960. № 2. С. 28—29.
Е. Никитиной — 70 лет // Литературная газета. 1965. № 26 (422). 2 марта. С. 2.
"Никитинским субботникам" — полвека // Вечерняя Москва. 1964. 25 октября.
Никитинским субботникам 50 лет // Неделя. 1964. № 38. (13—19 сентября). С. 18.
Никифоров Н. Посмертная маска поэта (Поиски и находки) // Тамбовская правда. 1965. № 256 (12380). 29 октября. С. 2.
Новые залы "Никитинских субботников" // Московская правда. 1965. № 224 (13884). 23 сент. С. 4.
Поздравляем! // Литературная Россия. 1965. № 9 (113). 26 февр. С. 4.
Поздравляем! // Литературная Россия. 1965. № 15 (119). 2 апреля. С. 21.
Поздравляем с высокой наградой // Литературная газета. 1965. № 41 (4937). 3 апреля. С. 1.
Покровский В. Сто шестьдесят тысяч // Вечерний Ростов. 1962. № 231 (1299). 29 сент. С. 3.
Полвека "Никитинским субботникам" // Баку (Вечерний выпуск). 1964. № 239 (419). 8 октября. С. 4.
Ревякин А. Художник-жизнелюб: К 75-летию со дня рождения А.С. Неверова // Литература и жизнь. 1961. № 152 (576). 27 декабря. С. 3.
Синчилина С. Пусть везде будут "Никитинские субботники" // Калининградский комсомолец. 1965. № 53 (203). 7 мая. С. 2.
Сигрист А. Патриарх Никитинских субботников // Московский комсомолец. 1964. № 231 (8004). 21 ноября. С. 4.
Смирнова К. Малахитовая шкатулка // Литературная Россия. 1964. № 44 (96). 30 октября. С. 23.
Смирнова М. С днем рождения, Силыч! // Литературная Россия. 1964. № 13 (65). 27 марта. С. 4.
СССР. Верховный Совет. (Москва. Кремль. 30 марта 1965 г.). Указ о награждении писательницы Никитиной Е.Ф. орденом "Знак Почета" // Московская правда. 1965. № 75 (13735). 31 марта. С. 1.
СССР. Телеграфное агентство. Вручение наград // Правда. 1965. № 112 (17064). 22 апреля. С. 3.
Стрельцова А. Необычный музей // Учительская газета. 1964. № 69 (5275). 11 июня. С. 4.
Уникальная коллекция // Правда. 1964. № 303 (16889). 29 октября. С. 4.
Хацянов Г. "Никитинские субботники" // Гудок. 1964. № 48 (11744). 8 апреля. С. 2.
Юков Ю. Никитинские субботники // Новые рубежи. 1964. № 149 (439). 20 окт. С. 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Никитина Е.Ф. (Личное творческое наследие)

Никитина Е.Ф. Русская литература от символизма до наших дней: Литературно-социологический семинарий / Предисл: Н.К.Пиксанова. М.: Кооп. изд-во писателей "Никитинские субботники" (Далее: Н.С.), 1926. 544 с., биобиблиогр. словарь; синхрон. табл.

Никитина Е.Ф., *Шувалов С.В.* Беллетристы-современники: статьи и исследования. Т. 1—4. 1-е изд. М.: Н.С., 1927. 208 с., библиогр. Тираж 2000.

Никитина Е.Ф., *Шувалов С.В.* Беллетристы-современники: статьи и исследования. Т. 1—4. 2-е изд., испр. и доп. М.: Н.С., 1928. 207 с., библиогр. Тираж 3000.

Никитина Е.Ф. Кооперативное издательство писателей "Никитинские субботники": История, отчет // Свиток. Вып. 3. Альманах литературного общества "Никитинские субботники". М.: Н.С., 1924. 230 с. Тираж 3000. [Вышел в изд-ве "Земля и фабрика"].

Никитина Е.Ф. Жизнь и творчество Новикова-Прибоя А.С.: вступ. ст. // *Новиков-Прибой А.С.* Рассказы. М.: Н.С., 1925, 1926. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).

Никитина Е.Ф. Творчество А. Яковлева: вступ. ст. // *Яковлев А.* Рассказы. М.: Н.С., 1925. 197 с. Тираж 5000.

Никитина Е.Ф. Русь у Романова // Свиток. Вып. 4. Альманах литературного общества "Никитинские субботники". М.: Н.С., 1926. 363 с. Тираж 3000.

Никитина Е.Ф. Отчет о деятельности литературного общества "Никитинские субботники" // Там же.

Никитина Е.Ф. Жизнь и творчество А. Яковлева: вступ. ст. // *Яковлев А.* Рассказы. М.: Н.С., 1926. 222 с., библиогр. Тираж 5000.

Никитина Е.Ф. Творчество М. Горького: вступ. ст. // *Горький М.* Рассказы. М.: Н.С., 1929. 230 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).

Никитина Е.Ф. Объяснительный текст к галерее современных русских писателей. Сер. 1. М.: Н.С., 1927. 30 с. Тираж 3000.

Никитина Е.Ф. Библиографический указатель // Там же.

Никитина Е.Ф. Творчество Романова: вступ. ст. // *Романов П.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1927. Т. 2. С. 5—21.

Никитина Е.Ф. Жизненный путь Максима Горького. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной. Критич. серия). М.Горький. Юбилейное издание.

Никитина Е.Ф., *Шувалов С.В.* Беллетристы-современники: статьи и исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Н.С., 1928. 207 с., библиогр. Тираж 3000.

Никитина Е.Ф. Яковлев А.С.: тематика, композиция и стиль. М.: Н.С., 1929. 92 с. Тираж 100.
Никитина Е.Ф. Творчество Новикова-Прибоя А.С.: вступ. ст. // *Новиков-Прибой А.С.* Рассказы. М.: Н.С., 1929. 246 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).
Никитина Е.Ф. Артем Веселый // В мастерской современной художественной прозы. М.: Н.С., 1931. Т. 2. С. 171—218.
Никитина Е.Ф. А.Малышкин: Тематико-идеологический и формально-художественный анализ творчества // *Малышкин А.Г.* Рассказы. М.: Н.С., 1931. 243 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).
Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Поэтическое искусство А.Блока (Социология поэзии Блока. Поэтика Блока). М.: Н.С., 1926. 192 с., библиогр.
Никитина Е.Ф. Библиография // Там же. С. 161—191.
Никитина Е.Ф. Библиография произведений А.С.Неверова // Неверов А.С.: сб. М.; Л.: Земля и фабрика, 1924. С. 117—131.
Никитина Е.Ф. В мастерской современной художественной прозы. М.: Н.С., 1931. Т. 1—2.
Никитина Е.Ф. Галерея современных писателей. Сер. 1. М., 1927.
Никитина Е.Ф.: [сост.] Есенин: Жизнь, личность, творчество: сб. М.: [Н.С.], 1926.
Никитина Е.Ф. Росы рассветные: стихи. Ростов н/Д: Культура и жизнь, 1919. (б/н).
Никитина Е.Ф.: [сост.] Жизнь и лира: о жизни великого русского поэта Ал. Пушкина, о его чудесной лире, о тех местах России, где он жил, работал, радовался и любил и так много страдал: Сб. М.: Книга, 1970. (спорное).
Никитина Е.Ф. Ясная Поляна. М.: Госкиноиздат, 1942. 63 с., ил. (спорное).
Никитина Е.Ф., Богданов-Березовский В.М. Советские композиторы - лауреаты Сталинских премий. Л.: Музгиз, 1954. 460 с., библиогр. ил. и нот.ил. Тираж 3000.
Никитина Е.Ф. Вступ. ст. // *Шолохов М.* Рассказы. М.: Н.С., 1931. 318 с., библиогр. указ. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).
Никитина Е.Ф. Поэты и направления (Пути новейшей поэзии) // Свиток. Вып. 3. С. 123—173.
Никитина Е.Ф., Богданов-Березовский В.М. Советские композиторы — лауреаты Сталинских премий. М.: Музгиз, 1959.
Письмо Е.Никитиной (б.д.), отрывок / Корн Р. "Никитинские субботники" // Вопросы литературы. 1964. № 12. С. 235.
Никитина Е.Ф. О землячке, которую мы все любили // Сейфуллина в воспоминаниях современников / Сост. А. Коптелов и З. Сейфуллина. М.: Советский писатель, 1961. 298 с., ил.
Никитина Е.Ф. Другу // А.С. Неверов: сб./Сост. Литературное общество "Никитинские субботники". М.; Л.: Земля и фабрика, 1924. С. 17—28.
Никитина Е.Ф. Александр Неверов. М., 1928, 268 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной. Критич. серия).
Никитина Е.Ф. Леонид Леонов (Анализ романа "Барсуки") // Памяти П.Н. Сакулина. М., 1931. С. 166—178.
Никитина Е.Ф. Под гвардейским знаменем. М., 1942.

Литературные произведения, вышедшие под редакцией Никитиной Е.Ф.

Свиток. Вып. 2. Альманах литературного общества "Никитинские субботники". М.: Н.С., 1922. 128 с. Тираж 1500.

Свиток. Вып. 3. Альманах литературного общества "Никитинские субботники". М.: [Н.С.], 1924. 230 с. Тираж 3000. (Вышел в изд-ве "Земля и фабрика").

Свиток. Вып. 4. Альманах литературного общества "Никитинские субботники". М.: Н.С., 1926. 363 с. Тираж 3000.

Есенин: жизнь, личность, творчество: Сб. Литературно-художественной секции Центрального дома работников просвещения. М.: Изд-во работников просвещения, 1926. 286 с., библиогр.

Гоголь и Мейерхольд: сб. лит. ассоциации ЦДРП. М.: Изд-во работников просвещения, 1927.

О Блоке: Сб. лит. исследований ассоциации ЦДРП. М.: Изд-во работников просвещения, 1929. 380 с.

[А.С. Неверов: (о нем)] / Сост. Литературное общество "Никитинские субботники". М.; Л.: Земля и фабрика, 1924. 174 с., библиогр.

Новиков-Прибой А.С. Рассказы / Предисл. А.В. Луначарского, вступ. ст. Е.Ф. Никитиной. М.: Н.С., 1925. 190 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).

Яковлев А. Рассказы. М.: Н.С., 1925. Тираж 5000.

Ляшко Н. Рассказы / Предисл. А.В. Луначарского, вступ. ст. А.К. Воронского. М.: Н.С., 1925.

Иванов В. Рассказы / Предисл. А.В. Луначарского, вступ.ст. А.К. Воронского. М.: Н.С., 1925. 244 с.

Ляшко Н. Рассказы / Предисл. А.В. Луначарского, вступ.ст. А.К. Воронского. М.: Н.С., 1926. Тираж 5000.

Яковлев А. Рассказы/Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С.,1926. 222 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).

Вольнов И. Рассказы / Предисл. А.В. Луначарского, вступ. ст. Л.М. Клейборта. М.: Н.С., 1926. 153 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).

Бибик А. Рассказы/Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. С.В.Шувалова. М.: Н.С., 1927. 170 с. Тираж 5000 (Библиотека современных писателей для школы и юношества/Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Бибик А., о нем] / Критическая серия. М.: Н.С., 1927. 152 с. Тираж 5000.

Вересаев В. Рассказы / Вступ.ст. В. Львова-Рогачевского. М.: Н.С., 1927. 163 с. Тираж 7000.

Вольнов И. Рассказы / Предисл. А.В. Луначарского, вступ.ст. Л.М. Клейнборта. М.: Н.С., 1927. 153 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф. Никитиной).

Горький М. Рассказы / Вступ. ст. В.В. Воровского, Е.Ф. Никитиной. М., Н.С., 1929. 230 с., библиогр. Тираж 5000.

Гладков Ф. Рассказы / Вступ. ст. Л. Лозовского. М.: Н.С., 1927. 158 с.; библиогр. Тираж 7000.

Крестьянские поэты: сб. / Вступ. ст. И. Розанова. М.: Н.С., 1927. 122 с.

При участии Е.Ф.Никитиной

Брайнина Б.Я., Никитина Е.Ф. Советские писатели: автобиографии / Вступ. ст. Б. Брайниной. М.: Художественная литература, 1959. Т. 1—2. Т. 1. 702 с. Тираж 30000. Т. 2. 759 с. Тираж 30000. Худ. М.Шлосберг.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Е.Ф.НИКИТИНА

О ЧУДЕСАХ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Был страшный год. В Ростове свирепствовала холера, по улицам носили гробы, облитые карболкой. К кладбищу прибавили еще два таких пространства, и там складывали новые жертвы.

Как раз в это время умерла моя мать. Мне было тогда год и два месяца. Мать с отцом жили в очень тяжелых условиях в однокомнатном доме, где всё было вместе, без перегородок. Пол был глиняный. Одна стена покривилась и шла горбом. Отец, рассказывали люди, жившие в этом дворе, был нехороший человек, пьяница и картежник. Когда он возвращался домой, он считал, что то, что ему остается делать, — это бить жену. Жена была веселая, красивая украинка. Она любила петь песни, но никла, когда домой возвращался муж.

В таком же "замке", как наш, жила прелестная девушка шестнадцати с половиной лет, которую я называла Антониночкой и так ее и буду называть. Она очень жалела мою мать, так как она часто плакала и ходила в синяках. Когда мать хоронили, Антониночка принесла меня на кладбище. Хотя мне было год и два месяца, я ходить не умела, но стоять могла. Она рассказывает, что я стояла около могилы и смотрела на все. После похорон мой отец исчез. Антониночка поняла, что он пошел пьянствовать, и принесла меня к себе домой. Насколько Антониночка была моим добрым гением, и если я что-нибудь знаю, то только благодаря ей, — настолько ее мать была неприятным и нехорошим человеком. Я тогда была серьезно убеждена, что у каждого человека есть своя профессия, а у нее профессия быть ведьмой, и она каждую ночь улетает. И доказательство было, что около ее кровати стояла метла, такая метла, которой метут не комнаты, а улицу. И все мои догадки подтверждались. Мне показалось даже приятным: все-таки в доме живет настоящая ведьма. Она была очень злая и требовала, чтобы Антониночка отправила меня сразу в приют. Мой отец так и не вернулся.

Он решил избавиться от отцовских обязанностей, уехал куда-то и бросил меня на произвол судьбы. Антониночка не хотела отдавать меня в приют, так как там дети скоро превращались в ангелочков. Она заменила мне родителей. Жилось нам тяжко. Я считаю первым чудом в моей жизни то, что она взяла меня к себе и воспитала меня. Несмотря на то, что я была очень болезненной от недоедания, даже ходить начала поздно, она выходила меня и дала мне возможность выжить.

Мы жили на Пушкинской улице № 106, в доме № 108 было самое примитивное трехклассное училище. Забор между домами был, как полагается, с щелями. В три года я была очень маленькой, худенькой и легко пролезала сквозь щели в соседний двор. Там меня встречала ватага девочек, толстеньких, румяных. Самым интересным были качели, гигантские шаги — для меня это были совсем необыкновенные качели, вращавшиеся вокруг столба. Я просила: нельзя ли и мне немножко покататься, так полетать. Но мне сказали: тебе еще нельзя, ты маленькая.

В этом возрасте у девочек очень развит материнский инстикт, игра в куклы. А я была такая худая, что мною можно было играть. Они становились шестерками друг против друга и кидали меня туда и обратно. Я была в восторге от того, что я по-настощему летала. Они все стоят, а я одна летаю.

Однажды они сказали мне: "Быть может, ты хочешь к нам в школу. Только ты будешь сидеть не на парте, а под партой". Я не знала и думала, что под партой, быть может, даже лучше. "Только будешь сидеть совсем тихо. А в школе делается много и интересного. Ты не должна шуметь и по возможности старайся не дышать." Я не знала, как это сделать — не дышать, но обещала: "Да, я не буду дышать".

Меня взяли и посадили под третью парту, так как на первой парте усаживалась сама учительница. Я сидела тише воды, и так прошло около половины урока. Девочкам тоже было очень интересно, — какое-то живое существо сидит под партой. Постепенно они задвигались и стали тереть ногами о мою спину, об мой весьма скромный наряд. Они подняли пыль, и я чихнула. Учительница спрсила:

— Кто там чихает?!

Я помнила завет Антониночки, что надо всегда говорить правду. Я высунулась и сказала:

— Это я чихаю.

Подошла учительница — высокого роста, очень красивая, типичная учительница — и сказала:

— Это что за безобразие!

Я не знала, что такое безобразие, и сказала, что я не безобразие, а соседка из соседнего дома.

Девочки сказали: "Эта девочка — сиротка, очень бедная, она часто бывает голодная, и мы иногда ее кормим. Сейчас мы привели ее погреться". Тогда учительница призадумалась, на челе ее высоком что-то изобразилось, и она сказала:

— Что же вы усадили ее под парту, почему не на парту?

Девочки сказали: "Свободна только одна парта, самая высокая".

Она сказала:

— А вы не можете, что ли, ее подсадить?

И после этого я приходила каждый день в школу и сидела там. Это было замечательным осуществлением моей мечты, еще не совсем сознательной, но все же мечты. В школе было, конечно, много интересного, хотя это была самая простая школа для неимущих детей, почти без учебных пособий. Таково было второе чудо в моей жизни.

Девочки перешли во второй класс, и я с ними. Они стали дарить мне карандаши, тетради. Запоминала я очень хорошо и знала все, что проходили в школе. Я отвечала на все вопросы; когда я видела, что девочки отвечали неправильно, я вставляла свое слово. Никто не обращал внимание на то, что я вякаю, правильно или неправильно. Перешла я с ними и в третий класс.

И вот наступила замечательная ростовская весна. Мне кажется, что в других городах такой весны не может быть. У меня есть обида на Ростов за то, что он посадил меня в тюрьму, но если это положить на одну чашку весов, то все же перевесит другая. Я люблю Ростов. Как курились деревья! Акации были покрыты белыми гроздьями цветов, к небу тянулись желто-розовые свечи — это цвели каштаны.

И вот, в один из таких дней, пьяных от красоты, двери школы открылись и вошло чудище. Надо сказать, что в училищах начались экзамены, воспитанницы нашего училища должны были получить свидетельство об окончании. Итак, вошло чудище. Я смотрела с удивлением и страхом. Мне было в это время пять лет. На нем было странное черное одеяние ниже колен вроде юбки; на голове два носа — один смотрел вперед, другой назад. Из кармана высовывался золотой крендель (золотое оружие большого чиновника). На ногах были два огромных зеркала — лаковые башмаки, которые произвели на меня уж совсем необыкновенное впечатление.

Он вошел в комнату, когда девочки должны были отвечать выпускной экзамен. Он сказал: "Я попечитель харьковского учебного округа граф Коцебу Вернер фон Пильхау. Я приехал к вам в Ростов в учебные заведе-

ния посмотреть, как принимаются экзамены". Он сел. Я видела, что начальница дрожит от страха. Я подумала: почему она так дрожит? Наверное, испугалась двойного носа у него на голове. А я не боялась и решила это сказать тому, кто меня спросит, но меня не спрашивали.

Девочки стали отвечать, многие отвечали неправильно. Одна сказала, что Волга впадает в Черное море — и я исправила. В молитве были пропущены слова — и я вставляла.

Наконец он обратился к начальнице и спросил:

— Это кто?

Она, заикаясь, сказала:

— Никто.

— Как никто?

— Это соседка, бедная девочка.

После этого я вякнула еще несколько раз. Потом граф Коцебу фон Пильхау сказал:

— Девочка, подойди ко мне.

Я была почти без веса и знала, что ко взрослому, если он говорит "подойди ко мне", надо подойти и сесть на колени. Я подошла и села на колени к графу Коцебу.

Он спросил: "Что ты знаешь?"

Теперь, в мои годы, я ответила бы, что знаю маловато, но тогда я сказала:

— Я знаю все.

— Что же ты знаешь?

— Я знаю диктант. (Он удивился — как это можно знать диктант).

— И еще знаю молитвы и стихи.

— Хорошо, расскажи стихи. Какие ты знаешь?

Я сказала: "Русские женщины".

Он сказал:

— Ну, это ты не выдумывай.

Я встала и сказала: "Если вы чего не знаете, то не говорите".

Начальница почти совсем умерла: ее карьера окончилась, она была полна жалости к себе. "И чем только я виновата? — думала она. — И все из-за этого чертенка — от горшка два вершка".

Он сказал: "Если знаешь, расскажи".

Память у меня была феноменальная. Я стала рассказывать и рассказывала долго, встав в должную позу и сложив руки. Потом, во время паузы, я сказала: "Я не спрашивала, как вам читать — с выражением или без".

Он: "А что это значит?"

— С выражением долго читать, а без выражения можно скорее.

Он сказал: "Теперь прочитай, как она к нему приехала".

Я стала читать.

Потом он сказал: "Теперь поближе к концу".

Я стала рассказывать не очень близко к концу, а с запасом.

Когда я кончила, он сказал: "Это феноменально".

Я была удивлена и обижена: я старалась, а он почему-то лается.

Он подошел к начальнице и сказал:

— Что же мы с ней будем делать?

Начальница ответила в испуге: "Простим ее..."

Он сказал: "Простить — за что?" Он вытащил блокнот с серебром и написал: "Уважаемая Екатерина Васильевна! — (Это была начальница Екатерининской казенной женской гимназии.) — Посылаю к вам девочку, у которой феноменальные способности и память. Если она выдержит экзамен, прошу в исключение из общего правила принять ее в первый класс. Если она поступит, назначаю ей свою стипендию, которая вам известна, — 120 рублей: 60 руб. за ученье и 60 на руки — приобрести учебники и одеться."

Он сказал мне: "Я хотел бы, чтобы эта записка была не у вас, а у начальницы".

Начальница была счастлива. Она поняла, что туча прошла и гром пронесло. Он распростился и ушел. Перед уходом он сказал: "Каждый год, когда будешь переходить из класса в класс, ты пиши мне".

Я сказала:

— А вы будете отвечать?

— Посмотрю по своей занятости, если смогу — отвечу.

Так пришло в мою жизнь третье чудо в лице графа Коцебу фон Пильхау.

Осенью я пришла с Антониночкой в женскую гимназию. На паркете я несколько раз упала, а затем протянула начальнице эту бумажку. Одета я была очень плохо, в шлепанцах из материи, которые мне шила Антониночка. Она очень хорошо воспитывала меня. Когда я спрашивала, почему другие девочки в кожаных ботинках, она отвечала: "Потому что их мамы не умеют шить". И я жалела девочек, у которых мамы не умеют шить.

И вот я подала начальнице записку и сказала: "Это я".

В это время по коридору проходил священник. Начальница позвала: "Отец Василий, идите сюда, здесь интересное дело".

Я посмотрела на отца Василия и сказала:

— Как это вы такая старая, а отец у вас такой молодой?

Она хотела посмотреть сурово, но прыснула.

— Ты чего же хочешь?

— Экзаменуйте меня.

Я выдержала экзамен и была принята в первый класс. Так осуществилась первая мечта человеческой жизни — я осталась жить, Антониночка спасла меня; вторая — я попала в школу; и вот третья — граф Коцебу признал меня и я поступила в гимназию.

Каждый год я исправно писала графу Коцебу. Гимназия требовала много труда, и я охотно училась. Дома условия были очень трудные. Злая мать Антониночки не давала подчас ни хлеба, ни сахара. Она требовала, чтобы Антониночка работала, если хочет растить меня. Антониночка стала шить ситцевые платья, она работала по ночам, по 20 коп. за платье.

Я училась хорошо, каждый год получала похвальный лист, книжку.

Антониночка, начав работать, оказалась среди революционно настроенных работниц, они стали просвещать ее, ввели в подпольные кружки. Теперь это называлось бы "Союзом работников иглы".

Часто мы с Антониночкой ходили относить платья заказчицам, а потом она останавливалась около витрины магазина "Золотое детство" и говорила мне: "Ну, играй". И я смотрела и играла в солдатики и в куклы, все было в моем распоряжении.

Но скоро у меня начались более взрослые занятия. От товарищей Антониночки я услышала слова "Маркс", "коммунизм", которых в гимназии, понятно, не приходилось слышать. Стала произносить их в гимназии, другие девочки откликнулись. Оказалось, что существует ученическое революционное общество, и они постарались, чтобы меня туда приняли. Так я была втянута в нелегальную ученическую жизнь.

Сегодня вы можете видеть тех, которые были членами этого ученического кружка: должен прийти профессор, доктор юридических наук Александр Михайлович Ладыженский. В те времена он был в нашем кружке. А теперь я вижу его у себя каждый год 2 апреля, когда мы отмечаем день рождения первого коменданта Берлина тов. Берзарина. Генералитет приезжает сюда в этот день ко мне без пригласительных билетов, делаются и записываются доклады; собираются материалы о Берзарине, который возглавлял 5-ю армию, вошедшую в Берлин...

Кружок требовал много времени и забот и доставлял много радости. Мы слушали чтение произведений Писарева, Добролюбова, Чернышевского, читали "Астрономические вечера" Фламмариона. Нам предлагались доклады на самые разнообразные и очень интересные темы.

В один весенний день, когда я окончила семь классов — в женских гимназиях получали аттестат после семи классов, а восьмой был педагогический, — мы получили бумажку о том, что из Петербурга приезжает док-

ладчик, который выступит в Балабановской роще — между Ростовом и Нахичеванью. Мы шли туда разными дорогами, незаметно, но там все были арестованы: докладчик оказался провокатором из охранки. Был арестован и А.М.Ладыженский, и моя приятельница Людмила Осиповна Назаревич. Мы пробыли в тюрьме 7 месяцев. Родители Л.О.Назаревич были богаты и пригласили на суд адвоката. Я немного помогла ему в его деле. Когда он говорил что-нибудь трогательное, то смотрел в мою сторону, и наконец сказал: "Скоро вы, наверное, и грудных детей будете арестовывать". Я была мала, худа и страшна. Нам дали по два года и взяли на поруки.

Преподаватель словесности при прощании подошел ко мне и сказал:

— Я социалист-революционер, и у нас много общего. Советую вам: всеми способами старайтесь поехать в Москву и поступить в частную гимназию. Я обещаю вам: я сейчас в Харьковском учебном округе, а в будущем году я переведусь в Москву и буду вам помогать столько лет, сколько понадобится. Пока вы перебейтесь.

Хорошо сказать "перебейтесь", когда я в Москве никого не знаю.

Он сказал: "Когда вы приедете в Москву, поезжайте на Самотечную. Там есть несколько гимназий. Обращайтесь только в частные, в казенную вас не примут".

Я сказала об этом Антониночке. Но где взять деньги? Ведь ничего нет. Она рассказала об этом товарищам, и они, как важному революционеру, выделили мне 18 рублей. Антониночка 17 рублей зашила в коленкор, в подкладку, а один рубль разменяла и дала мне с собой в коленкоровом кошельке (коленкор вообще играет роль в моей жизни).

Я приехала в Москву, села в трамвай и добралась до Самотечной. В трех гимназиях меня не только не приняли, но прогнали с очень плохими словами: такая овца будет портить все стадо.

Я пришла в четвертую гимазию. Там в кабинете у начальницы сидел человек, у которого на лице и на руках не было места, где бы не было конопатин. Я так засмотрелась, что забыла, зачем пришла. Он обратил внимание на то, что я разглядывала его лицо и руки. Наконец начальница спросила: "Что ты хочешь?"

Я представила свой аттестат. Она обратилась к собеседнику и сказала:

— Николай Леонтьевич, полюбуйтесь. От горшка два вершка, уже политически неблагонадежна.

Николай Леонтьевич сказал:

— А кроме того, что вы занимались революцией, вы что-нибудь делали?

Я знала, что это плохо, и ответила: "Вот я училась и получила золотую медаль". — Последовало последнее плохое, а затем все было хорошее. Он

сказал в нос: "А вы критику как жанр (с французским произношением) признаете?"

Я с трудом поняла это произношение, но ответила:

— Я читала Писарева, Чернышевского, Саводника, Бродского.

— Что вы помните? Что вам понравилось?

Я сказала.

— А что у Бродского?

Я прочла ему лекцию на тему о том, что критики не поэты, а Бродского можно читать как стихи. Он слушал и теребил свои рыжие усы.

Он сказал начальнице: "Быть может, вы отпустите ее на время?"

Она сказала: "Откуда ты только пришла? Уходи, чтобы тебя здесь не было".

Что же делать. Я взяла свой "чемодан", а это была салфетка, неизвестно откуда оказавшаяся у нас дома. Салфетка, с вензелем, и в ней уместилось все, что у меня было.

Николай Леонтьевич сказал: "Вы сейчас идите". Открыл дверь, посадил меня на диванчик в коридоре и сказал: "Как бы ни было долго, вы отсюда не уходите".

Я сидела и читала странное слово. Было написано: "Рекреационный зал". Каких только слов я не знала, но такого не было. Я стала напевать "Рекреационный зал".

Наконец дверь открылась, и он позвал меня.

Начальница терла один висок, потом другой от мигрени и сказала:

— Скоро ли ты покончишь со своим вольнодумством? Вот благодари своего благодетеля, ведь это твой Бродский. Он заставил меня принять тебя в восьмой класс.

Это был Бродский, которому я читала из его статьи о тургеневских женщинах! Я сказала:

— Живой?

— Да, пока живой. Только ты должна дать слово, что никакими революционными идеями не будешь пичкать моих барышень, не будешь вести себя как уличная девчонка.

Я решила промолчать об уличной девчонке, чтобы не повредить тому, который вступился за меня. — И все это на фоне условий того времени.

В этот вечер он привез меня к себе и долго беседовал со мной. Я была голодна и с трудом выдержала этот долгий разговор до глубокой ночи.

Училась в 8-м классе с большими трудностями и лишениями, а в высшее учебное заведение меня не принимали, так как не было еще двух лет благонадежности: откуда приехала, там не было благонадежности, а здесь я была только один год. Николай Леонтьевич рекомендовал мне сдать эк-

замен на аттестат зрелости за мужскую гимназию и сказал, что будет меня поддерживать. Приехал тот социалист-революционер и сказал: "Я могу дать вам комнату при кухне, для домработницы. Можете там жить, и я буду вам помогать." Я была очень рада. Следующий год был нетрудный. Меня приняли на высшие женские курсы, так как я сдала экзамен на аттестат зрелости на пятерки. Николай Леонтьевич в качестве доцента там преподавал. А когда мне было девятнадцать с половиной лет, я получила там кафедру — это теперь 2-й МГУ на Девичьем поле. И у нас с Николаем Леонтьевичем Бродским был долгий совместный путь. Вот на картине Юона стоит Евдоксия Федоровна Никитина, а рядом, с рыжими усиками, Николай Леонтьевич Бродский. А вот Анатолий Васильевич Луначарский читает свою пьесу "Кромвель".

Таким образом, четвертым чудом в моей жизни была встреча с Николаем Леонтьевичем Бродским, открывшим мне путь к высшему образованию.

В университете, когда я там преподавала, был год студенческих забастовок — я произнесла с кафедры одну неугодную речушку и попала в Бутырскую тюрьму...

А потом пришло совершенно фантастическое время.

Таковы были первые четыре чуда в моей жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Е.Ф. НИКИТИНА
ИЗ РАССКАЗОВ ОБ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Издательство у нас получилось совершенно невероятным и необычным образом. Мы сидели за столом. Анатолий Васильевич Луначарский пришел несколько раньше, чем полагалось; обычно он приходил несколько позже, чем полагалось, так как приезжал с какого-нибудь заседания. И он, всегда внимательный и ласковый к нашим скромным достижениям и невзгодам, на этот раз очень серьезно и нескладно смотря в сторону, сказал: "Евдоксия Федоровна, мне хотелось бы вам сказать, что вам надо, по возможности, ликвидировать бестактность, которую вы позволяете себе по отношению к посетителям".

Что же это такое! Приходил все субботы, все было хорошо, и вдруг — бестактность! Смотрю, проглатываю эту фразу, жду продолжения. Он говорит:

— Вот смотрю сегодня: у вас будет читать цикл стихотворений Павел Антокольский. Я подсчитал, сколько пришло человек. Все достойные люди, читают свои произведения. (Это было на Тверском бульваре, напротив Дома Герцена, где Луначарский передал нам прекрасную квартиру в доме № 24.)

— Приходит около 70 человек, люди отдают много времени, а вы не умеете это использовать: слушают только 70 человек. Это нехорошо и даже некрасиво.

Что со мной сделалось! Смотрю и думаю: что произошло? Кто-нибудь наверное подложил свинью. Помалкиваю. А он:

— Должна быть аудитория в 5000 человек... — Помолчал и сказал: — 10 000 человек. А 70 человек, и чтобы писатели теряли время! И вообще даю вам совет. Время подходящее. Создавайте группы по пяти человек, чтобы нечетное число, рассадите их в разных местах и скажите, чтобы они записывали свои впечатления о собраниях, о выступлениях, особенно то, что понравится. Потом тот, кто полу-

чит больше голосов и о ком будет хороший отзыв — пригласите его в перерыв и потихонечку, как вы это умеете делать, скажите, чтобы он дал рукопись; просмотрите ее и будете публиковать.

Тут я не выдержала: такая издевка над человеком. Ведь для этого нет никакой возможности. Я говорю: "Анатолий Васильевич, как мы можем публиковать, ведь у нас нет издательства!" Он говорит: "В эту субботу нет издательства, да, сегодня суббота, — а в среду уже может быть".

Я была поражена всем этим: какая это бестактность, и как же сделать, чтобы была аудитория в 5000 человек. "Как же мы это сделаем?"

— А вот как: давайте кончим заседание и немножко задержимся. Подберите лоскут бумаги и оставьте нескольких товарищей, и мы быстро это сделаем.

— Когда?

— Сегодня!

Сегодня! Я не выдержала. Вела собрание отвратительно, давала слово тому, кто не просил, а кто просил, тому не давала. Все думала: вот вдруг появится машина, и шофер скажет: "Вызовите наркома". И при чем лист бумаги? Все нескладно.

А дальше было так. Заседание окончилось, мы все остались, Анатолий Васильевич сказал: "Напишите кратко. Вы народ, и имеете все основания, чтобы вам дали издательство. Скажите, хозяйчик вам нужен?"

— Да как-то обходились.

— Это очень важно. Давайте хлопотать о кооперативном издательстве писателей без хозяйчика.

Это была картина наподобие запорожцев, которые писали письмо султану. Все сидели, писали и придумывали. Заявление было написано.

— Теперь подпишите.

Листочек перешел на другую сторону стола и остановился около Анатолия Васильевича. Он смотрит на меня и говорит: "Мне тоже подписывать?"

— Да, конечно.

Он подписал, потом сказал: "Давайте большой конверт". Но большого конверта у меня в квартире не было. Я так и сказала. Он сказал: «Понимаю, это хитрость. Это означает в переводе на русский или, скорее, с русского на русский вот что — я сейчас переведу. Это означает: "Возьмите к себе бумагу, найдите у себя большой конверт, запечатайте, сядьте в машину и поезжайте туда, где надо говорить об издательстве. Там скажите несколько ласковых слов и скажите, что есть подписи." Этого вы хотите?»

У нас действительно не было большого конверта, но он нарисовал такую ласковую картину, что я сказал: "Ах, Анатолий Васильевич, было бы так замечательно".

На девятый день после того, как написали письмо, мы получили трехспальный конверт. Неизвестно было, с какой стороны его распечатывать. Все было напечатано типографским способом, указаны штрафы за что-то, было много умного написано. А чернилами только два слова на двух страницах, такие единообразные. На одной странице было написано: "Да" — разрешается кооперативное издательство писателей "Никитинские субботники", на другой было написано "да" — утверждается наш пай — 30 копеек. Это называлось "один миллион", но стоило на наши деньги 30 коп. Часто писатели приходили, хлопали себя по карману и говорили: "Получил сегодня 14 ЛИМОНОВ — можно праздновать".

ПРИЛОЖЕНИЕ V

СПИСОК
ЧЛЕНОВ КООПЕРАТИВНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ПИСАТЕЛЕЙ "НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ"
по состоянию на 1 января 1930 г.*

№№ п/п	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО	
1.	Артюшков А.В.	Педагог
2.	Архангельский А.Г.	Беллетрист и поэт
3.	Акульшин Р.М.	Поэт
4.	Антоновская А.А.	Беллетристка
5.	Адуев Н.Н.	Поэт
6.	Альвинг Арс.	Поэт и беллетрист
7.	Арго (Гольденберг) Абр.И.	Поэт
8.	Антокольский П.Г.	Поэт и драматург
9.	Ардов В.Е.	Беллетрист
10.	Белоусов И.А.	Литератор
11.	Белинкий П.М.	Поэт
12.	Брайнина Б.Я.	Педагог
13.	Бугаев Б.Н. (Андрей Белый)	Беллетрист
14.	Беляев С.М.	-"-
15.	Благой Д.Д.	Литератор
16.	Большаков К.А.	Беллетрист
17.	Бибик А.	-"-
18.	Буданцев С.Ф.	-"-
19.	Бродский Н.Л.	Профессор
20.	Волькенштейн В.М.	-"-
21.	Вышеславцев Н.Н.	Художник
22.	Вересаев В.В.	Беллетрист
23.	Вольнов И.	Беллетрист
24.	Владимирова А.В.	Поэт
25.	Гудзий Н.К.	Профессор
26.	Гинзбург Л.С.	Педагог
27.	Городецкий С.М.	Поэт
28.	Гумилевский Л.И.	Беллетрист
29.	Герасимов М.П.	Поэт
30.	Гроссман Л.П.	Профессор
31.	Григорьев С.Т.	Беллетрист
32.	Грузинский А.Е.	Профессор
33.	Голубков В.В.	Педагог
34.	Гливенко И.И.	Профессор
35.	Галицкий Я.М.	Драматург
36.	Дынник В.А.	Литератор
37.	Дорохов П.Н.	Беллетрист
38.	Демидов А.А.	Беллетрист
39.	Деев-Хомяковский (чл. ВКПб)	Беллетрист
40.	Жаворонков В.Н.	Педагог
41.	Жиц Ф.А.	Критик
42.	Журавлев В.В.	Художник
43.	Жданов Лев	Беллетрист
44.	Зелинский К.Л.	Поэт
45.	Зайцев П.Н.	Беллетрист
46.	Звягинцева В.К.	Поэт
47.	Завадовский Л.	Беллетрист
48.	Зенкевич М.А.	Поэт
49.	Захаров-Мэнский Н.Н.	Поэт
50.	Иванов В.В.	Беллетрист
51.	Инбер В.М.	Поэт
52.	Ивнев Р.А.	Беллетрист
53.	Ильина Вера	Поэт
54.	Евдокимов Ив.	Беллетрист
55.	Кириллов В.Т.	Поэт
56.	Козырев М.Я.	Беллетрист
57.	Кржижановский С.Д.	Беллетрист
58.	Коротков Е.П.	Литератор
59.	Казин В.В.	Поэт

*Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

60.	Куренной А.А.	Художник
61.	Касаткин И.М. (чл. ВКПб)	Беллетрист
62.	Коган П.С.	Профессор
63.	Кубиков И.Н.	Профессор
64.	Кремлев-Свэн И.Л. (чл. ВКПб)	Беллетрист
65.	Липскеров К.А.	Поэт и драматург
66.	Лозовской Л.С. (чл.ВКПб)	Критик
67.	Левонтин Э.Е.	Поэт
68.	Луначарский А.В. (чл. ВКПб)	Поэт, драматург и историк литературы
69.	Лукашин И.Д.	Беллетрист
70.	Леонов Л.М.	Беллетрист
71.	Луначарская А.А.	Беллетрист
72.	Львов-Рогачевский В.Л.	Историк литературы
73.	Лутовской В.Л.	Поэт
74.	Мандельштам Р.С.	Литератор
75.	Мачтет Т.Г.	Беллетрист
76.	Малашкин С.И. (чл.ВКПб)	Беллетрист
77.	Мешков Н.М.	Беллетрист
78.	Морской Д.И.	Поэт
79.	Минаев Н.Н.	Поэт
80.	Малкин Б.Ф. (чл.ВКПб)	Литератор
81.	Морозов М.В. (чл.ВКПб)	Литератор
82.	Новиков-Прибой А.С.	Беллетрист
83.	Никитина Е.Ф.	Профессор
84.	Нейман Б.В.	Профессор
85.	Новиков И.А.	Беллетрист
86.	Наседкин В.Ф.	Поэт
87.	Низовой П.Г.	Беллетрист
88.	Насимович А.Ф.	Педагог
89.	Обрадович Сергей	Поэт
90.	Озаровская О.Э.	Этнограф
91.	Оболенский Л.Л. (чл. ВКПб)	Литератор
92.	Окунев Я.М.	Беллетрист
93.	Пешковский А.М.	Профессор
94.	Пиксанов Н.К.	-"-
95.	Попов И.И.	Литератор
96.	Приблудный И.	Поэт
97.	Пешков А.М. (Максим Горький)	Беллетрист
98.	Перцов П.П.	Литератор
99.	Ракицкий Н.	Литератор
100.	Рукавишников И.С.	Поэт
101.	Розанов М.Н.	Академик
102.	Розанов И.Н.	Профессор
103.	Радимов П.А.	Художник
104	Радимов П.П.	Поэт
105.	Романов П.С.	Беллетрист
106.	Сельвинский И.Л.	Поэт
107.	Скосырев П.Г.	Поэт
108.	Сеферьянц А.И. (Ильина)	Поэт
109.	Степной Н.А.	Беллетрист
110.	Сверчков Д.Ф. (чл.ВКПб)	-"-
111.	Сакулин П.Н.	Академик
112.	Сейфуллина Л.	Беллетрист
113.	Садофьев Илья	Поэт
114.	Соколов Юрий Мат.	Профессор
115.	Соколов Борис	-"-
116.	Телешов Н.Д.	Литератор
117.	Тарловский М.А.	Поэт
118.	Федорченко С.З.	Беллетрист и поэт
119.	Фомин С.Д.	Поэт
120.	Федин К.	Беллетрист
121.	Фигнер Вера	
122.	Шенгели Г.А.	Поэт и беллетрист
123.	Шершеневич В.Г.	Поэт
124.	Шишков Вяч.	Беллетрист
125.	Шувалов С.В.	Профессор
126.	Ширяев Петр	Беллетрист
127.	Цявловский М.А.	Профессор
128.	Чумаченко А.А.	Беллетрист
129.	Черный Б.К.	Поэт
130.	Яковенко В.В.	Педагог
131.	Яковлев А.С.	Беллетрист
132.	Юон К.Ф.	Засл. деят. искусства

ЗАМ. ПРЕД. ПРАВЛЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

УСТАВ

I. Цель кружка

§ 1. Целью Литературного Кружка "Никитинские субботники" является содействие развитию художественного слова и его теоретическое и историческое изучение.

Район действия Кружка — г. Москва.

§ 2. Для достижения указанной цели в собраниях Кружка читаются и обсуждаются художественные произведения его членов или их научные доклады. Кроме того, Кружок издает труды своих членов, устраивает литературные и художественные экскурсии и организует публичные выступления своих членов: чтение лекций, рефератов и литературных произведений.

§ 3. Кружок действует на основании законов РСФСР и имеет печать со своим наименованием.

§ 4. Кружок отвечает всеми своими капиталами и имуществом, имеет право заключать договоры и пользуется правом юридического лица.

II. Состав кружка

§ 5. Кружок состоит из действительных членов, почетных членов и постоянных гостей.

§ 6. Действительными членами могут быть писатели и поэты, историки и теоретики литературы и критики.

Примечание. По постановлению общего собрания действительными членами кружка могут избираться и представители других областей искусства и науки: художники, артисты, ученые и т.п.

§ 7. Звание почетного члена дается лицам, оказавшим особые услуги Кружку или вообще энергично содействовавшим поставленным Кружком задачам.

§ 8. Постоянными гостями могут быть лица, проявившие в том или ином отношении свой интерес к литературе и ее изучению, но не удовлетворяющие условиям § 6.

§ 9. Выборы в действительные члены того или другого лица производятся общим собранием на основании его письменного заявления с указанием печатных или известных членам Кружка рукописных работ его.

§ 10. Выборы в постоянные гости производятся по рекомендации членов Кружка с представлением письменного заявления от лица, желающего войти в него.

§ 11. Члены Кружка выбывают по своему заявлению или в случае непосещения Кружка в течение 6 месяцев одного года.

§ 12. В случае нарушения Устава или действий, порочащих звание члена Кружка, таковые члены могут быть исключены из числа членов постановлением общего собрания.

III. О должностных лицах кружка

§ 13. Управление делами Кружка возлагается на президиум, который состоит их пяти лиц: председателя, товарища председателя, секретаря, казначея и одного члена президиума, который находится в Москве.

§ 14. На случай болезни или отсутствия кого-либо из членов президиума избираются общим собранием два кандидата в члены президиума.

§ 15. Все лица, входящие в состав президиума, и кандидаты избираются общим собранием на один год.

§ 16. Председатель созывает правление Кружка, собрание членов его, руководит заседаниями.

§ 17. Все бумаги, исходящие от Кружка, подписываются Председателем или товарищем его и секретарем или одним из членов президиума.

§ 18. В случае отсутствия председателя, его может заменить товарищ председателя.

§ 19. Секретарь ведет протоколы заседаний и переписку Кружка.

§ 20. Казначей ведает финансовой частью Кружка и ведет Приходно-Расходные книги.

§ 21. Президиум ведает всеми делами Кружка, составляет годовые отчеты, сметы, разрешает все дела в текущей деятельности Кружка и является представителем Кружка.

§ 22. Из членов Кружка общим собранием избирается на один год редакционная коллегия для руководства изданиями, выходящими от имени Кружка.

§ 23. Для проверки деятельности правления, отчетности, имущества Кружка общим собранием избирается ревизионная комиссия в составе трех лиц и одного кандидата к ним.

§ 24. Из состава Кружка могут выделяться комиссии со специальными задачами; эти комиссии действуют на основании утвержденных общим собранием инструкций.

IV. Членские взносы

§ 25. Члены Кружка делают постоянные ежемесячные взносы по 100 руб. Членские взносы при выходе из Кружка членам не возвращаются.

§ 26. Члены отвечают по делам Кружка своими членскими взносами и никакой дальнейшей ответственности не подлежат.

V. Общее собрание

§ 27. Заседания Кружка происходят еженедельно по субботам в составе почетных и действительных членов и постоянных гостей.

Примечание. Президиум может отменять очередные собрания или переносить их на другие дни. Годичное собрание для выслушивания отчета президиума и утверждения сметы на следующий год созывается в октябре месяце каждого года.

§ 28. По приглашению президиума в заседаниях Кружка могут выступать с чтением своих художественных произведений или научных докладов и лица, не состоящие членами Кружка.

§ 29. На общих собраниях при разрешении дел правом голоса пользуются действительные и почетные члены Кружка. При утверждении отчета и обсуждении деятельности президиума члены его голосом не пользуются.

§ 30. Все дела Кружка решаются простым большинством голосов, причем для выборов должностных лиц необходимо присутствие в собрании не менее трети членов, находящихся в Москве.

§ 31. Общие собрания избирают должностных лиц Кружка, утверждают отчеты и сметы, рассматривают все вопросы, вытекающие из деятельности Кружка, вносимые президиумом или членами его.

§ 32. На общих собраниях, посвященных чтению литературных произведений и докладов, председательствует председатель президиума или его товарищ, на годичных собраниях председатель и секретарь избираются из числа членов Кружка.

§ 33. На общих собраниях ведутся протоколы, подписываемые председателем, секретарем и присутствующими членами Кружка.

VI. Отчетность Кружка

§ 34. В Кружке ведется приходно-расходная книга с указанием всех отдельных операций Кружка и книга ежемесячных взносов его членов.

§ 35. Отчетным годом считается время с 15 октября по 15 октября. Отчет составляется с указанием баланса на 15 октября каждого года.

§ 36. Все расходы производятся казначеем по ассигновкам, подписываемым председателем и казначеем.

VII. Изменение Устава

§ 37. Изменение Устава производится по постановлению общего собрания в порядке, указанном законом.

VIII. Ликвидация Кружка

§ 38. Ликвидация Кружка производится по постановлению общего собрания президиумом Кружка.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

РОСТОВСКИЕ СУББОТНИКИ

У евдоксиных ворот
Собирается народ
По субботам.
Беспартийно, легко,
В задушевном трико
Всем тепло там.
Евдоксиюшкин глаз
Там горит, как алмаз,
Нам приветом,
И ее голосок
Словно нектарский сок
Всем поэтам.
Средь мужчин и средь дам
Есть "маститые" там
Лица:
Вот вам Чириков — раз!
Вот Билибин вам — два-с!
Вот Столица!
Вот Ладыженский — дед,
У него волос нет,
Совсем гладко!
Лазаревский Борис,
Как мешок, весь обвис:
Пожил "сладко"!
А кругом молодежь,
Недотрога, как еж,
Смотрит гордо...

И Багряный-кубист
По субботам на лист
Кладет "морды"!

Евгений Чириков

Е.Ф. и А.М.Никитиным

Странноприимный некий дом,
Дарящий нам уют семейный.
В его субботник юбилейный
Пою [наивнейшим] стихом.

Забуду ль этот кабинет,
Где сердцем отдыхаем все мы,
Где тонко вьются хризантемы,
И лампы сеют мягкий свет.

Где новых книг раскроет нам лист
И где в примерном примиреньи
Свои читают сочиненья
И футурист, и реалист.

Забуду ль место за столом,
Где с Чириковым раз в неделю
Мы мирно рядышком сидели
Пред сдобным с дыней пирогом.

В вареник спрятанный орех
И пурпурные мухоморы,
Что сделаны из помидора,
И веселящие столь всех?

Скитальцы грустные, мы тут
Глядим светлей и беззаботней
И чтим не только день субботний,
Чтим наших скромных муз здесь труд.

И вновь встает здесь как поэт
Тавриды сумрачный работник...
Цвети, Никитинский субботник,
Не шесть, а втрое больше лет!

1919 года октября 26 дня. Ростов. Любовь Столица.

ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛА

Среда 10 декабря 1924 г.

Дорогой Сеня!

Прости, что до сих пор не собрался тебе написать, но здесь, в бывшей белокаменной, а теперь красной столице — голова у меня идет кругом, выражаясь поэтически, купаюсь я здесь в самых лучших сливках русской литературы. Столичные жители — не чета нашим увальням: раскроют рот, что твой Троцкий или Луначарский, — чрезвычайно красиво говорят. Только скажу я тебе, не без ехидства это у них выходит: все норовят как бы шпилечку какую-нибудь подпустить, а сами улыбаются, а тот кто слушает, нарочно делает вид, что шпилечки не заметил, кланяется и благодарит. А потом еще, говорят красиво, а что и к чему не поймешь, да и ты бы и даже, думаю, сам наш вридпредком не понял бы. Да, ухо надо в Москве держать востро. Мне уже раз обчистили карман на трамвае. Но расскажу тебе как я был 4 дня назад 6 декабря на одном литературном юбилее в доме Герцена. Общество называется Никитинские Субботники. Ты вероятно подумал, что это в честь поэта И.С.Никитина, того самого, что сочинил "Ехал на ярмарку ухарь купец" — ничего подобного, того давно вычистили, а это не Никитин, а Никитина, и зовут ее Евдоксия Федоровна. Это я хорошо запомнил.

Эх, дружище, сидим мы с тобой в медвежьем углу и что мы с тобой знаем, кого из новых читаем, Пыльника, да Демьяна Бедного, раз-два и обчелся, а в Москве литература идет вперед, как на гигантских шагах: то тот, то другой взлетает, юбилей стоит за юбилеем. Спрашиваю одного: какой юбилей. Улыбнулся и отвечает: трехсотлетний. Батюшки, думаю, а мы сидим в своем Стерлитамаке и ничего не знаем. Спрашиваю другого, говорит — десятилетний. Немного от сердца отлегло, а все-таки думаю, — где же правда; только вижу садятся за стол гражданин почтенного возраста, бородатый, с длинными волосами, лицо приятное благообразное, не то поэт Плещеев, не то наш благочинный. Рядом с ним садится дама кудреватенькая, это и есть сама Евдоксия Федоровна, далее какой-то черненький, щупленький с бородкой. Ну еще кто-то там. Спрашиваю соседа про этих двух граждан, объясняет: это из любителей литературы: тот кто с бородой — председатель, а кто с бородкой — секретарь. Ну, вижу, все по чину, как следует. Ясно.

Только вот думаю, какой же вот это юбилей один нуль или два нуля, единица или три, а потом, почему это "субботники". Вижу, встает пред-

седатель, поглаживает бороду и начинает объяснять. И все сразу стало для меня понятно и просто. Не десять, говорит, и не триста, а среднее между ними: нуль один, а цифра три. Оно, собственно говоря, десять лет, как существуют субботники, но в условиях революционного времени, каждый год нужно считать за три, — выходит 30 лет. Объяснил и что значит "субботники". Это значит со времен революции начались у нас трудовые субботники. Так и здесь: каждую субботу, в порядке трудовой дисциплины должны литераторы являться в Газетный, дом № 3, и хочешь, или не хочешь, а двигай литературу. И председатель мне очень понравился: во-первых, говорит без всякого ехидства, не как иные прочие, а, во-вторых, никакого тумана не напускает. А потом пошли и туманы и ехидства. Встает Евдоксия Федоровна и говорит: Василий Петрович наш субботник, Лев Борисович наш субботник, так что выходит, что это не дни недели, а люди, а потом говорит: есть в нашем обществе писатели, а есть и не писатели. Неписатели — это те, кто критики, или историки литературы, а мы-то с тобой, Сеня, думали, что Белинский, Добролюбов были русские писатели. Ничего подобного, — остались за штатом, сократили. Правильно.

Потом встает секретарь, должно быть поэт, и начинает читать стихотворение в прозе. Очень красивое. Вы, говорит, Евдоксия Федоровна, посадили маленькое зернышко, а выросло дерево, т.е. мы, субботники. Ну, думаю, к чему это он клонит, на что намекает, как это можно человека, да еще писателя, называть деревом. Я даже испугался: вот, думаю, сейчас начнется скандал. Но он ловко вывернулся. Мы, говорит, корабль, а вы наш капитан. Ну, конечно, без дерева корабля не выстроить. Кончил, все захлопали. Потом пошли говорить из публики. Все по чину — председатель порядок знает. Сначала встает старичок, самый старый во всем собрании, седой и в очках, но бодрый. Глаза смеются, а на лице некоторое ехидство написано. Я, говорит, от кружка любителей литературы, каждому из нас не менее ста лет (это он, конечно, шутит — ему самому не более 65) — сто лет тому назад мы были только любителями литературы, а теперь стали писателями. Ну а вы, граждане субботники, — какие вы писатели, не писатели вы, а просто любители литературы. Но не отчаивайтесь: будет вам, как и нам по сто лет, тогда станете писателями. Очень всем понравилось, что обнадежил старик. Ну, ясно, похлопали ему.

Потом встал человек среднего возраста, самый высокий во всем собрании. Спрашиваю соседа — кто это. Отвечает — Грессер. Ну это я и сам вижу, что выше других, по-немецки кое-чему учился, а мне бы фамилию хотелось узнать.

И этот автор опять прикинулся столетним. Помню, говорит, как сейчас вижу перед собой, сто лет тому назад, здесь вот Владимир Федорович, здесь Каролина Карловна. Очень они тогда любили мудрость, так вот эти люди, граждане субботники, решительно ни чем не похожи на вас. Одно единственное сходство есть, что собирались они в том же Газетном переулке как и вы, есть и еще, пожалуй, сходство: и они и вы выпустили по четыре книжки Альманаха. Но вы собираетесь издать пятую, следовательно это отпадает.

Очень красиво говорил, и очень всем понравилось, что субботники ничем не похожи на тех, кто жили сто лет тому назад и очень любили мудрость. И все там хлопали.

Потом пошел комсомол, председатель порядок знает, все по чину. Встает девочка, повертелась, повертелась и начала рассказывать про какую-то свою подругу и про какого-то мальчика, которых оставили без сладкого, а потом вдруг как вскрикнет обиженно: — ах, когда же я вырасту большая, и мне устроят точно такой же юбилей. Потом вышел волосатый юноша и начал не читать стихи, а кричать. Из стихов этих я многое узнал про субботники, оказывается поэты играют там в футбол, а если кто провинится, заставляют надевать сюртук, очевидно для унижения, как символ отрыжки старого мира. Так и сказал про одного: закованный в сюртук. Всех поэтов вообще и каждого в отдельности хвалил. Окончил так: все поэты вместе взятые не стоят ни одного вашего мизинца, очаровательная Евдоксия Федоровна, пожалуйте ручку.

Наконец дело дошло и до юных пионеров. Председатель порядок знает. Выходит такой розовенький, упитанный, пудов пяти весу и говорит:

— Вы субботники, а мы белые столбы, но в сущности это одно и то же, разница только в возрасте, вы существуете десять лет, а мы один год. Но уважаемый председатель изволили разъяснить нам, что в революционное время один год надо считать за три, следовательно, вам тридцать и вы в тридцать раз нас старше. Тут я удивился, почему же это толкование председателя он не распространил и на свое общество и считает, что столбам один год, а не три. Но дальше пошли речи еще более удивительные. Желаете ли вы этого, или не желаете, говорит, а только я при свидетелях вам заявляю, что мы ваше незаконное дитя. Только вот название белые столбы, уверяю вас, чистая случайность. Ей богу ничего белого и в помине нет, даже совсем наоборот. Хотели мы, столбы, написать вам адрес, да вспомнили, что годовалые писать не умеют. И кончил. Такой хитрый, знает, что с ребенка нечего взять: может не уметь ни считать, ни говорить вразумительно.

И что это они все прикидываются людьми непризывного возраста, кто дряхлыми стариками, кто младенцами, уж не будет ли войны с Антантой, им тут в Москве виднее, но прямо ни о чем не говорят, а все намеками. Да, прав был у нас вридпредком, когда предупреждал меня при отъезде из Стерлитамака, что в Москве ни одному человеку ни в одном слове нельзя верить, и народ все мудреный, у меня даже голова кругом пошла. Всех приветствий и не упомню.

В конце юбилея выступил какой-то беллетрист, блондин, по виду скромный и тихий, а начал читать рассказ, и вижу, что здесь тоже какая-то подковырка. Рассказывается, как за ненадобностью решили мужики сломать какой-то дом. Ведь это же рассказ, выдумка, автор мог бы придумать любой номер дома, а он прямо так и говорит — дом номер третий, очевидно с намеком на Никитинские субботники. Надо, говорит, надо его разрушить. Ну, думаю, опять скандалом пахнет. Встал и ушел по добру по здорову. И на другое утро все башка трещала: неужели, думаю, война с Антантой будет, тогда нас с тобой в первую голову потянут. Умные люди уже разнюхали, о чем и спешу предупредить тебя как друга.

Твой любящий и верный друг
Спиридон Косоворотов.

К X-летию Никитинских субботников

Идут года — годам на убыль,
Но слез, История, не лей!
И наш Субботний Юбилей
Произведен не словом "Übel".
И, оглянув десятилетье,
Веселым ладом стану петь я!

\- 2 -

Семь мудрецов Эллада знала,
Но знала-ли она о том,
Что все повторится с Начала,
И все воскреснут всемером —
В годины Интернационала?!
Каких искать для лиры тем ?! —
Не на Самосе, не на Крите —
В Москве — рождается днесь критик —

И в нашем Обществе их семь: —
Знаток писаний и анналов
Наш Гудзий, рядом с ним Шувалов —
Любезный расточитель дум, —
Подстать вышереченным двум, —
В сей век упорный критицизма
И Гинзбург — лебедь Пушкинизма; —
И Розанов — коварный мастер
На "поэтесс" наклеить пластырь —
И с Достоевским совопросный
Над Лирой глас подъявший Гроссман,
И от Тургенева отпав,
Встал Бродский — грозный Голиаф,
И высился в словесном гуле
Монументальнейший Сакулин.

- 3 -

В характеристике шутливой,
Невнявши Музе шаловливой —
Со всем стараньем и раченьем
Подводных я избег каменьев —
И вижу берег мой счастливый
И в отмель врезанный Арго!

- 4 -

Теперь о легком и веселом!
И стих становится футболом!
К чему же с чинным пиэтетом
Писать приветствия поэтам!
Я как Давид пред Голиафом
Всегда стоял пред книжным шкафом.
И как Премудрость — не пиши, —
Метаю сердце из пращи!
Поэты, милые, о вас
Мне любо вспомнить в этот час: —

- 5 -

Тягучее вино из Туркестана
Медлитель-Липскеров, ты лил через клинок!
И блюдо Лунное, с главой Нокапаана (sic!)

Округлым голосом приподняла Парнок.
И пел — баян Косноязычный
былинно необычный

И захватил Герасимов упрямо —
Ревун-гудок от фабрик озорных, —
Заколохтала под соском — динамо
И стало — сердцем — и сверлился стих.
И бросив якорь в златоносность ила,
Задумался о Вечере Кириллов.
Клычков в клочки срывает ветошь слов
И прозой думает писать, но вместо прозы
Рождает новый сказ; и громок звонкий ков
И льется кровь от солнцевой занозы.
И мудр, как змий, точа словесный яд —
Анатомируя, и крыл не видя в теле,
О Пушкине тоскует, как собрат, —
В сюртук закованный Шенгели.
Как амазонка — женственную речь
Инбер — конструкцией старается отсечь,
И Мандельштам из Ленинградских вод
Тритоном петербургским приплывет,
Но жалко мне — меж нас не видеть Пяста,
Он на Субботнике не появлялся часто —
Не по своей, но Питера, вине —
Весь предан декламаторской войне!
Не человек — почти химера,
Тень Маяка, но не Маяк —
Глухие, властные размеры
Пробуревестил Пастернак —
И взмыл у нашего предела
Заоблачно, заочно — Белый.

- 6 -

И как оправу для брильянта
(поверьте мне — я — нелукав,
не хуже камня — блеск оправ) —
Прозаиков я славлю "кантом".
Была б поэзия без вас —
Как неоправленный алмаз.

Моя-б кантата днесь была
Без вас — как хата без угла: —
Романов — с полчищем романов;
Леонов - царственный Лев-Оный —
За Львом — толстейший Лео-нид —
Хоть и субтилен он на вид;
И Насимович-терпеливый
Защитник душ неприхотливых;
И Вересаев, что сумел
Стиху и прозе дать предел.
Он — в половолье наших дней
Плыл на ладье Анакреона
И слушал Пушкина законы
При свете фетовских огней.
И в "Палисаднике" калину
Смиренно видел за окном
Глубокий Новиков (хоть сыну
Земному снился — горний дом).
И Соболь, с горестью живой,
Что кажется порою сладкой,
И Федорче́нко с вековой
Пришла былинною загадкой.
И "человека из пустыни"
Не даром Яковлев припас.
И снится по ночам, по синим —
Больной Сейфуллинский рассказ.
Древлянские сжигает стены
И Форш, как Ольга древних дней,
И Шепеленко — слов сирена,
И Карпов — пламенник ночей,
И Волькенштейн с улыбкой Гейне,
Певец Тибета и Энштейна.

- 7 -

Ах в наше время роковое
Делилась мысль и сердце вдвое!
Спасибо всем, спасибо вам
Субботним, дружным вечерам, —
Когда идя ночной дорогой
Сходились мы у лампы строгой

Деля раздумья и мечты —
И смутность замыслов и плана —
И нас манила — к песне ты,
Россия, — сказочной Светланой!

И президент — любимый наш
Как рулевой, внимая буре —
Вел наш корабль на абордаж
В боях, за стяг — в литературе!
Афины дочь — нам — сестра,
Среди премудрых — трижды <нрзб>, —
Да устыдятся "доктора" —
Увы, нестоющие когтя
Твоих простых и милых рук —
Тебе последний лиры звук!
Нас "<амнистируют>", конечно,
Должно вести чистосердечно, —
И если символ в Мире все, —
То — ты — нам в Мире — символ мира,
И рулевое колесо
В твоих руках звучит, как лира —
На рубеже промчавших лет,
Тебе, Никитина, — привет!

Борис Зубакин.
В день Юбилея — 1924. Москва.

Орфография и пунктуация автора

Никитинский музей

Дети! Овсяный кисель на столе...
(Гекзаметры)

Дети! Уже литкисель на столе. Колокольчик прозвякал.
Смирно сидеть. Зря не марайте блокнотов. В ладонь не зевать.
Слушайте, светы мои, не усните, Главлит вас помилуй!
Слушайте — всякий нам дар совершен и даяние — благо.
Ежесубботно Олимпит Никитина красноречиво-безгласна.
Слева Лозовский сидит с выраженьем сугубо-марксистским,
Там же фанфарит Сверчков медноголосо и мрачно,

Справа же Козырев Миша струит протокол, комарино звеня,
Ада прилипла к плечу и лорнетит и, сбычившись, адски клокочет.
Вот невидимкой малютка Арго приткнулся к колонне скромненько,
Он и не ест, и не пьет, а, сердечный, хиреет и блекнет в чахотке.
Пулькин, напртив, цветет и сосет потихоньку из пальца
Теоретический дым и туман для словесных плетений.
Роется вглубь, как пескарь, многодумный профессор Шувалов,
Корма он ищет в цитатах, и часто находит.
Беловолосый Лев Жданов вздымается облачком мирным,
Глядь — нагустился и каплет, и хлещет, как ливень, течет — не удержишь.
Реет Малашкин Сергей, справа луною ему Хомяковский.
В пене прибоя всплывает моряк и потемкинец Силыч.
Совстанюковичу — лавры и честь. Литброненосцу — плаванье в море.
Словно как мать на дитя, улыбнулся Нетропову Менский...
Женственный Ивнев поник, точно плакучая ива:
Нежность — товар дорогой, россыпь любви золотую он не нашел на Камчатке.
Гордо вошел Пантелеймон Романов, зело именинник,
Ясно: гремит он по всей сэсэсэрной земле и ныне и присно
И переведен он даже санскритом и иероглифом.
Тут же Леонов расцвел, напитавшись медом сотовым из "Соти",
"Вором" прославлен, не будучи вором нисколько.
Инбер впорхнула, остренько взглянула лисичкой,
Впрок ей все жанры — поэзия, проза, сатира и юмор,
Советскую Тэффи носило по всем заграницам.
Грозно сверкая стеклами, прогремел бронепоезд Иванов,
Колеса буксуют во МХАТ'е... Сыпь "Голубые пески"!
С карандашами пришли Кукрыниксы и пригоршней щедрой
Роздали флюсы, носы и рыла. Владейте — не жалко.
Сгрудились, ахают все, улыбки, восторги и хохот,
В сердце ж занозы зудят: "Чорт бы побрал эти шаржи!
С этакой рожею в вечность войти неприлично...
Впрочем, ведь всякий нам дар совершен и даяние благо."

Як. Окунев
5/IV 1930.

Орфография и пунктуация автора

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

Каталог издательства "Никитинские субботники" (1922—1931)

Аксельрод Л. Толстой Л.Н. (теория, история литературы и критики). М.: Н.С.

Альвинг А. Введение в стиховедение. М.: Н.С., 1931. 75 с. Тираж 3000.

Ардов В. Туземцы: Юмористические рассказы. М.: Н.С., 1931. 203 с. Тираж 7000.

Артюшков А. Основы стиховедения. М.: Н.С., 1929. 73 с.

Архангельский А. Пародии. Стихи. М.: Н.С., 1929. 100 с.

Белоусов И. Литературная среда: Воспоминания. 1880—1928. М.: Н.С., 1928. 287 с. Тираж 3000.

[Бедный Д., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 269 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: Л.Сосновский, А.Воронский, В.Л.Львов-Рогачевский, В.Евгеньев-Максимов, Л.Войтоловский, Н.Н.Фатов, А.Ефремин].

[Бедный Д., о нем]: сб. ст. М.;Л.: Н.С., 1930. 237 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Авторы: А.Ефремин, С.Коган, Л.Сосновский, Л.Войтоловский].

Белый Андрей. Крещеный китаец. М.: Н.С., 1927.

Белый Андрей. Крещеный китаец. М.: Н.С., 1928. 235 с. Тираж 5000.

Белый Андрей. Московский чудак: роман "Москва". Ч. I. М.: Н.С., 1927. 250 с. Тираж 4000.

Белый Андрей. Москва под ударом: роман "Москва". Ч. 2. М.: Н.С., 1927. 239 с. Тираж 4000.

Белый Андрей. Пепел: стихи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Н.С., 1929. 189 с. Тираж 3000.

Белый Андрей. Петербург: роман. Ч. 1—2. М.: Н.С., 1928. Тираж 5000.

Бибик А. Рассказы / Предисл. А.В. Луначарского, вступ. ст. С.В.Шувалова. М.: Н.С., 1927. 170 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Бибик А., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1927. 152 с., библиогр. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Авторы: И.Кубиков, В.Львов-Рогачевский, С.Шувалов, А.Зонин, Л.Клейнборт, Анчар, М.Полякова].

[Бибик А.П., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1930. 168 с., автобиогр., библиогр. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Авторы: И.Кубиков, В.Львов-Рогачевский, С.Шувалов, А.Зотов, Л.Клейнборт, Анчар, М.Полякова].

Большаков К. Сгоночь: роман. М.: Н.С., 1927. 315 с. Тираж 5000.

Браун Н. Любовь к дальнему. М.: Н.С., 1929.

Брихничев И. Книга в жизни великих людей. М.: Н.С., 1931. 44 с. Тираж 5000.

Бродский Н. И.С.Тургенев и русские сектанты. М.: Н.С., 1922. 48 с. Тираж 2000.

Васильев. Трезвая жизнь. Антиалкогольная хрестоматия. М.: Н.С., 1931.
Вересаев В. Рассказы / Вступ. ст. В.Львова-Рогачевского. М.: Н.С., 1927. 163 с. Тираж 7000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Вересаев В. Рассказы / Вступ. ст. В.Львова-Рогачевского. 2-е изд. М.: Н.С., 1929. 169 с. Тираж 4000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Библиогр. указ. произведений Вересаева и литература о нем].
Веселый Артем. Рассказы. М.: Н.С., 1931. 143 с. Тираж 5000.
[Веселый А., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1931. 143 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Аторы: В.Красильников, Е.Ф.Никитина, С.Пакентрейгер, Вяч.Полонский].
Владимирова А. Ливень: Стихи. М.: Н.С., 1929. 55 с. Тираж 1000.
Волькенштейн В. Черный рыцарь: Драматический эскиз. М.: Н.С., 1922. 63 с. Тираж 500.
Вольнов И. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. Л.М.Клейнборта. М.: Н.С., 1926. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Вольнов И. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ.ст. Л.М.Клейнборта. М.: Н.С., 1927. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Вольнов Ив., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Авторы: Л.Клейнборт, И.Кубиков, В.Львов-Рогачевский, С.Шувалов].
[Вольнов Ив., о нем]: сб. ст. 2-е изд. М.: Н.С., 1930. 167 с., библиогр. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Авторы: Л.Клейнборт, И.Кубиков, В.Львов-Рогачевский, С.В.Шувалов].
Вольтман (Спасская) В.В. Стихи. М.: Н.С., 1929. 119 с. Тираж 1000.
Воровский В. Горький. Жизнь и творчество. М.: Н.С., 1927. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Воровский В., биогр. заметка]). М.: Н.С., 1930, 307 с., библиогр. указ. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Русские критики в марксистском освещении).
[Авторы: П.Орловский, Ю.Адамович, Шварц, В.Бонч-Бруевич, В.Фриче, Б.Волин, В.Воровский].
[Марксистская критика о В.Воровском. Статьи Воровского].
[Воровский Н., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1930. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Русские критики в марксистском освещении. Вып. 5, 4 сер.). 307 с.+1 л. вкл., портрет. Тираж 5000.
[Гаршин В., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: М.Неведомский, И.Кубиков, Ев.Соловьев-Андреевич, С.Шувалов, В.Львов-Рогачевский, Л.Назаренко, Е.Маевский].
[Гаршин В., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1931. 165 с., библиогр. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Н.Коробка, М.Неведомский, И.Кубиков, Евг. Соловьев (Андреевич), С.Шувалов, В.Львов-Рогачевский, Е.Маевский].
Герасимов М., Кириллов В. Лирический вечер: Стихи. М.: Н.С., 1927. 78 с. Тираж 3000.
Гладков Ф. Рассказы / Вступ. ст. Л.Лозовского. 1-е изд. М.: Н.С., 1927. 158 с., автобиогр. Тираж 7000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной)
Гладков Ф. Рассказы / Вступ. ст. Л.Лозовского. 2-е изд. М.: Н.С., 1929. 163 с., автобиогр., библиогр. Тираж 2000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества/ Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Гладков Ф., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: Г.Лелевич, Г.Якубовский, Г.Горбачев, В.Полонский, А.Воронский, В.Вешнев, П.Коган, С.Шувалов].

[Гладков Ф., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: А.Воронский, Р.Горбов, Деревенский (А.С.Неверов), В.Евгеньев-Максимов, И.Кубиков, В.Львов-Рогачевский, П.Лебедев-Полянский, Л.Лозовский, Г.Якубовский].

Гливенко И.И. Поэтическое изображение и реальная действительность. М.: Н.С., 1929. 286 с. Тираж 6000.

Гоголь и Мейерхольд: сб. / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1927.

[Авторы: А.Белый, Л.Гроссман, П. Зайцев, Л. Лозовский, В.Мейерхольд, М.Коренев, М.Чехов].

[Гоголь Н.В., о нем]: сб. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества/Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).

[Авторы: В.Переверзев, А.Луначарский, Евг.Соловьев (Андреевич), Л.Войтоловский, Н.Коробка].

[Гоголь Н.В., о нем]: сб. М.: Н.С., 1930. 254 с., библиогр. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).

[Авторы: В.Переверзев, А.Луначарский, Евг.Соловьев (Андреевич), Л.Войтоловский, Н.Коробка.]

[Гончаров И.А., о нем]: сб. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистком освещении).

[Авторы: П.Коган, В.Переверзев, Н.Пиксанов, В.Евгеньев-Максимов].

[Гончаров И.А., о нем]: сб. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).

[Авторы: П.Коган, В.Переверзев, Н.Пиксанов, В.Евгеньев-Максимов, А.Цейтлин].

Городецкий С. Грань: лирика (1918—1928). М.: Н.С., 1929. 102 с. Тираж 2000.

Городецкий С. Московские рассказы. М.: Н.С., 1927. 104 с. Тираж 5000.

Горький М. Рассказы / Вступ. ст. В.Воровского. М.: Н.С., 1927. 190 с. Тираж 7000.

Горький М. Рассказы / Вступ. ст. В.В.Воровского, Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1931. 230 с., библиогр. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Горький Максим, о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия. М. Горький. Юбилейное издание).

[Авторы: В.Воровский, А.Воронский, И.Кубиков, А.Луначарский, М.Неведомский, Е.Никитина, В.Полянский, В.Полонский, Г.Плеханов, В.Фриче].

[Горький Максим, о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: А.Луначарский, В.Воровский, Г.Плеханов, А.Воронский, В.Львов-Рогачевский, В.Евгеньев-Максимов, А.Лепснев, В.Полонский].

Грибоедов и старое барство / Сост. Н.К.Пиксанов по неизданным материалам. М.: Н.С., 1926. 76 с. Тираж 3000.

[Грибоедов А.С., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).

[Авторы: Н.Пиксанов, Евг.Соловьёв (Андреевич), В.Вагрисов, С.В.Шувалов, Н.Ропеков, Я.Назаренко].

Григорьев С. Собр. соч. Т. 1—3, 8. М.: Н.С., 1927.

Т. 1 — Лестница любви: повести и рассказы. М., 1927. 160 с. Тираж 4150.

Григорьев С. Собр. соч. Т. 1—3; 8. М.: Н.С., 1927.
Т. 2 — Черемуха: повести и рассказы. М.: 1927, 202 с., Тираж 5000.
Григорьев С. Собр. соч. Т. 1—3; 8. М., Н.С., 1927.
Т. 3 — Васса. М., 1927. 230 с. Тираж 5000.
Григорев С. Собр. соч. Т. 1—3; 8. М.: Н.С., 1927.
Т. 8 — С мешком за смертью: повесть. М., 1927. 231 с., автобиогр. Тираж 5000.
Григорьев С. Собр. соч. Т. 1, 2, 3, 8. М.: Н.С., 1927.
Т. 8 — 3-е изд. по ист.б-ке отд.изд.
Григорьев С. Собр. соч. Т. 2. Повести и рассказы. Черемуха. М.: Н.С., 1927. 201 с. Тираж 5000.
Григорьев С. Тайна Ани Гай: роман. Л., 1926. 252 с.
Гроссман Л. Борьба за стиль: опыт по критике и поэтике. М., Н.С., 1927. 337 с. Тираж 3000.
Гроссман Л. Борьба за стиль. 2-е изд. М.: Н.С., 1929. 337 с. Тираж 3000.
Гроссман Л. Достоевский на жизненном пути. Вып. 1. Молодость Достоевского (1821—1850). М.: Н.С., 1928. 224 с. Тираж 3000.
Гроссман Л. Собеседник Толстого: Ромен Роллан и его творчество — по неизвестным материалам. М.: Н.С., 1928. 101 с. Тираж 2000.
Гумилевский Л. Чертова музыка // Собр. соч. М.: Н.С., 1928. Т. 1. (дополн. изд.)
Гумилевский Л. Вторая казнь // Собр. соч. М.: Н.С., 1928. Т. 2.
Гумилевский Л. Собр. соч. Т. 1—4; 6. М.: Н.С., 1928—1929.
Т. 1 — Рассказы. Чертова музыка (1917-1924). М., 1928. 369с.
Т. 2 — Вторая казнь: рассказы. (1914-1923). М., 1928. 253 с.
Т. 3 — Собачий переулок: роман (1925-1926). М., 1928. 268 с.
Т. 4 — День самоубийц: рассказы (1914-1917). М., 1929. 293 с.
Т. 6 — Игра в любовь: роман (1929). М., 1929. 240 с.
Демидов А. Рассказы. М.: Н.С., 1927. 142 с., автобиогр. Тираж 7000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Демидов А. Рассказы. 2-е изд. М.: Н.С., 1929. 147 с., автобиогр., библиогр. Тираж 4000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной)
Докторов М., Марцинкевич А. Популярное руководство по вагонному хозяйству для монтеров, осмотрщиков-смазчиков и проводников-истопников. Изд. авторов. М.: Н.С., 1928. 268 с. Тираж 7000.
[Достоевский Ф.М., о нем]. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: А.Луначарский, Б.Переверзев, В.Полонский, Е.Соловьев (Андреевич), Л.Войтоловский, Г.Горбачев, В.Львов-Рогачевский].
[Достоевский Ф.М., о нем]. М.: Н.С., 1929. 325 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: А.Луначарский, Б.Переверзев, В.Полонский, Е.Соловьев (Андреевич), Л.Войтоловский, Г.Горбачев, В.Львов-Рогачевский].
Есенин С.: Альбом неизданных фотографий / Под ред. Е.Есениной. М.: Н.С., 1928.
Есенин: жизнь, личность, творчество: сб. литературно-художественной секции Центрального Дома работников просвещения / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.: Изд-во работников просвещения, 1926. 286 с. Тираж 4000.
[Вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. Утицкая П. "Произведения Есенина". Швейдель М. "Литература о Есенине"].
Житков Б. Биология лесных зверей и птиц. М.: Н.С., 1928. 264 с., библиогр. Тираж 3500.
Жироду Ж. Восторженный роман / Пер. с фр. А.Грузинского, под ред. и с предисл. А.Луначарского. М.: Н.С., 1928.
Зубакин Б. Медведь на бульваре: стихи. М.: Н.С., 1929. 56 с. Тираж 2000.

Иванов В. Рассказы / Предисл. А.Луначарского, вступ. ст. А.Воронского. М.: Н.С., 1925. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Иванов В. Рассказы / Вступ. ст. А.Воронского. М.: Н.С., 1927. 167 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Иванов В. Рассказы / Вступ. ст. А.Воронского. 2-е изд. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Иванов В. Сказки. М.: Н.С., 1929.

[Иванов Вс., о нем]): сб. М.: Н.С., 1927. 194 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: А.Воронский, П.Коган, Л.Клейнборт].

Инбер В. Его животные. М.: Н.С., 1923. 20 с.

Инбер В. Его животные. М.: Н.С., 1926. 20 с. Тираж 4000.

Кара-Мурза С. Малый театр. М.: Н.С., 1928.

Козырев М. Город энтузиастов. М.: Н.С., 1931.

Козырев М. Запрещенные слова: юмористические рассказы. М.: Н.С., 1928. 197 с. Тираж 5000.

Козырев М. Мистер Бридж: повести и рассказы / Вступ. ст. В.Львова-Рогачевского. М.: Н.С., 1928.

Козырев М. Муравейник: веселые рассказы. М.: Н.С., 1926. 170 с. Тираж 5000.

Козырев М. Подземные воды: роман. М.: Н.С., 1928. 356 с. Тираж 4000.

Козырев М. Рассказы / Вступ. ст. В.Львова-Рогачевского. М.: Н.С., 1927. 282 с. Тираж 4000.

Козырев М. Собр. соч.: Т. 1—4. М.: Н.С., 1928.

Кокто Ж. Самозванец Тома: повесть / Пер. с фр. В.Мониной. М.: Н.С., 1925. 92 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Кольцов А.В. и Никитин И.С., о них]: сб. М.: Н.С., 1929. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Л.Войтоловский, Я.Назаренко, М.Ольминский, В.Кранихврельд, С.Шувалов, В.Львов-Рогачевский, И.Кубиков].

[Короленко В.Г., о нем]: сб. 1-е изд. М.: Н.С., 1928. 268 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: А.Луначарский, П.Лебедев-Полянский, И.Кубиков, Н.Пиксанов, В.Львов-Рогачевский, Р.Григорьев, П.Коган, В.Евгеньев-Максимов, А.Воронский].

[Короленко В.Г., о нем]: сб.ст. 2-е изд. М.: Н.С., 1930. 296 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: А.Луначарский, П.Лебедев-Полянский, И.Кубиков, Н.Пиксанов, В.Львов-Рогачевский, Р.Григорьев, П.Коган, В.Евгеньев-Максимов, А.Воронский].

Крестьянские поэты: Сб. / Вступ. ст. И.Розанова. М.: Н.С., 1927. 122 с. Тираж 3000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Н.С., 1931. 32 с. Тираж 3000.

Кричевский. Друг домохозяйки: Руководство кройки и шитья. М.: Н.С., 1928.

Ларский Л. Поединок: рассказы. М.: Н.С., 1931. 203 с. Тираж 5000.

Левонтин Э. Фелука: Стихи. М.: Н.С., 1928. 59 с. Тираж 1000.

Леонов Л. Рассказы. М.: Н.С., 1927. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Леонов Л. Рассказы. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Леонов Леонид, о нем]: сб. ст: М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: Д.Горбов, Л.Войтоловский, А.Лежнев, В.Ермилов, В.Евгеньев-Максимов, Ж.Эльсберг, Г.Горбачев, А.Воронский, Е.Никитина, К.Локс, М.Машбиц-Веров, В.Лунин]

[Лермонтов М.Ю., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. 150 с. Тираж 5000. (Библиотека писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Н.Рожнов, Евг.Соловьев, Л.Войтоловский, Г.Лелевич, Г.Горбачев, П.Коган, С.Шувалов].

[Либединский Ю., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 200 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: П.Лебедев-Полянский, Г.Горбачев, В.Евгеньев-Максимов, В.Вешнев, А.Ревякин, Д.Горбов, П.Коган, И.Кубиков, И.Гроссман-Рощин, В.Правдухин, С.Крылов, Л.Либединский, Л.Тоом].

Либединский Ю. Рассказы. М.: Н.С., 1929 (год.усл.)

Липскеров К. Карменсита: Драма в 4-х действиях. М.: Н.С., 1927. 149 с. Тираж 3000.

Липскеров К. Морская горошина: Драматическая поэма в 1-м действии. М.: Н.С., 1925. 78 с. Тираж 2000.

Лукашин И. Через пни: роман. М.: Н.С., 1927. 246 с. Тираж 5000.

Луначарская А. Город пробуждается: роман. М.: Н.С., 1928. 360 с.

Луначарский А. Концерт: поэма. М.: Н.С., 1926. 52 с. Тираж 2000.

Любавин. Лирика. М.: 1929. 29 с. Тираж 1000.

Ляшко Н. Рассказы / Вступ. ст. А.К.Воронского, предисл. А.В.Луначарского. М.: Н.С., 1925. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной)

Ляшко Н. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. А.К.Воронского. М.: Н.С., 1926. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Ляшко Н.Н., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 169 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: П.Лебедев-Полянский, Г.Горбачев, П.Кубиков, С.Шувалов, А.Зонин, Г.Якубовский, Л.Клейнборт, В.Евгеньев-Максимов, А.Воронский].

[Ляшко Н.Н., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: П.Лебедев-Полянский, Г.Горбачев, П.Кубиков, С.Шувалов, А.Зонин, Г.Якубовский, Л.Клейнборт, В.Евгеньев-Максимов, А.Воронский].

Малышкин А. Рассказы / Вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1931. 243 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Малышкин А., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1931. 189 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: А.Селивановский, А.Зонин, Е.Никитина, Н.Смирнов].

Московский пушкинист: статьи и материалы. М.: Н.С., 1927. 99 с. Тираж 2000.
[Авторы: В.Гольцев, Н.Голицын, М.Цявловский, Е.Коншина, Л.Крестова, В.Саводник, В.Нечаев].

Наседкин В.Ф. Последний год Есенина (из воспоминаний). М.: Н.С., 1927. 46 с. Тираж 3000.

Наседкин В. Теплый говор: стихи (1922—1926). М.: Н.С., 1927. 106 с. Тираж 2000.

[Неверов А.С., о нем]: сб. сост. Литературным обществом "Никитинские субботники" / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.; Л.: Земля и фабрика, 1924. 174 с., библиогр.
[Авторы: П.Дорохов, Н.Степной, Л.Гинзбург, А.Насимович, С.Шувалов — Композиция рассказов Неверова].

[Неверов А., о нем]: сб. М.: Н.С., 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: А.Воронский, Г.Горбачев, А.Дорогойченко, В.Евгеньев-Максимов, С.Ингулов, Л.Клейнборт, П.Лебедев-Полянский, В.Львов-Рогачевский, Е.Никитина, Т.Николаева, Н.Фатов, К.Чужак, Г.Якубовский].
[Некрасов Н.А., о нем]: сб. М.: Н.С., 1927. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Некрасов Н.А., о нем]: сб. М.: Н.С., 1928. 265 с., библиогр. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества/Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Г.Плеханов (Бельтов), А.Луначарский, В.Полянский (Лебедев), М.Покровский, И.Кубиков, Г.Горбачев, С.Шувалов, В.Евгеньев-Максимов].
[Некрасов Н.А., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929.
Низовой П. Рассказы / Вступ. ст. Г.Якубовского. М.: Н.С., 1927. 146 с. Тираж 7000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Низовой П. Рассказы / Вступ. ст. Г.Якубовского. М.: Н.С., 1928. 146 с. Тираж 7000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Низовой П. Рассказы / Вступ. ст. Г.Якубовского. 2-е изд. М.: Н.С., 1929. 150 с., автобиогр., библиогр. Тираж 4000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Поэтическое искусство Блока. М.: Н.С., 1926. 191 с. Тираж 2000.
Никитина Е.Ф. В мастерской современной художественной прозы. Т. 1—2. М.: Н.С., 1931. 263 с. Тираж 3000.
[Содержание: Л.Леонов, А.Неверов, Л.Сейфуллина, Г.Никифоров, М.Шолохов].
Никитина Е.Ф. Русская литература от символизма до наших дней / Предисл. Н.И.Пиксанова. М.: Н.С., 1926. 544 с., библиогр.
Никитина Е.Ф. Яковлев А.С.: тематика, композиция и стиль. М., 1929. 92 с. Тираж 100.
Никитина Е.Ф. Писатели современной эпохи. М.: Н.С., 1928.
Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Беллетристы-современники. М.: Н.С., 1927—1930. Т. 1—4. Т. 1 — 1927. 208 с., библиогр. Тираж 2000.
[Содержание: А.Бибик, Ф.Гладков, А.Неверов, А.Новиков-Прибой, П.Романов].
Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Беллетристы-современники. М.: Н.С., 1927—1930. Т. 1—4. Т. 2 — 1929. 289 с., Тираж 4000.
[Содержание: И.Вольнов, Н.Ляшко, Л.Сейфуллина, А.Серафимович, А.Яковлев].
Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Беллетристы-современники. М.: Н.С., 1927—1930. Т. 1—4. Т. 3 — 1930. 307 с., библиогр.
[Содержание: Л.Леонов, А.Малышкин, Ю.Либединский, А.Фадеев].
Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Беллетристы-современники. М.: Н.С., 1927—1930. Т. 1—4. Т. 4 — 1931. 209 с.
[Содержание: А.Веселый, М.Шолохов, Г.Никифоров, Ф.Панферов, А.Чапыгин].
Никитина Е.Ф., Шувалов С.В. Беллетристы-современники. 2-е изд., испр. и доп. М.: Н.С., 1928. Т. 1. 207 с. Тираж 3000.
[Содержание: А.Бибик, Ф.Гладков, А.Неверов, А.Новиков-Прибой, П.Романов].
Никифоров Г. Рассказы. М.: Н.С., 1928.
[Никифоров Г., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1930.
Новиков И. Две зори: стихи. М.: Н.С., 1927. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Новиков И. Между двух зорь: роман (Дом Оримбовских). 2-е изд. М.: Н.С., 1927. Т. 1—2.
Новиков И. Современные повести. Т. 1—2. Изд. автора. М.: Н.С., 1925.
Новиков И. Современные повести: Товарищ из Тулы. М.: Н.С., 1925. 54 с. Тираж 5000.

Новиков-Прибой А.С. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1925. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Новиков-Прибой А.С. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. 2-е изд. М.: Н.С., 1926. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Новиков-Прибой А.С. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1929. 246 с., библиогр. Тираж 4000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества /Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Новиков-Прибой А.С., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 193 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: И.Кубиков, Л.Клейнборт, Г.Якубовский, Е.Никитина, А.Воронский, А.Ревякин, В.Красненетов, С.Обрадович, А.Лепснев, Н.Замошкин, А.Шилов].

[Новиков-Прибой А.С., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1930. 210 с., библиогр. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич.серия).

[Авторы: И.Кубиков, Л.Клейнборт, Г.Якубовский, Е.Никитина, В.Красильников, А.Ревякин].

О Блоке: сб. лит. исслед. ассоц. ЦДРП / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1929. 380 с. Тираж 3000.

Объяснительный текст к галерее современных русских писателей. Сер. I. М.: Н.С., 1927. 30 с., библиогр. указ. Тираж 3000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

[Овсянико-Куликовский Д.Н., о нем]: сб. ст. М.: Н.С. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Русские критики в марксистском освещении).

[Островский А., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. 320 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества /Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).

[Авторы: П.Лебедев-Полянский, А.Луначарский, Г.Плеханов, П.Кони, И.Кубиков, Н.Пиксанов].

[Островский А., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1930. 328 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).

[Авторы: П.Лебедев-Полянский, А.Луначарский, Г.Плеханов, П.Кони, И.Кубиков, Н.Пиксанов].

Островер Л.И. Когда река меняет русло: роман. М.; Л.: Госиздат, 1927. 303 с. Тираж 5000.

Островер Л.И. Когда река меняет русло. 2-е изд. М.: Жизнь и знание, 1930. 382 с. Тираж 5000.

Памяти Сакулина: сб. ст. М.: Н.С., 1931. 353 с., библиогр. указ. Тираж 1500.

Перцов П.П. [сост.] О Тургеневе. Русская и иностранная критика. М.: Кооп. изд-во, 1918. 234 с., библиогр.

Пиксанов Н.К. (ред.) Творческая история: исследования по русской литературе. М.: Н.С., 1927. 247 с.

[Содержание: Пушкин, Грибоедов, Достоевский, Гончаров, Островский, Тургенев].

Пильняк Б. Рассказы / Вступ. ст. А.Воронского. М.: Н.С., 1927. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Пильняк Б. Рассказы / Вступ. ст. А.Воронского. 2-е изд. М.: Н.С., 1929. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).

Полонский В.П. Максим Горький. М.: Земля и фабрика, 1928. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

Плакат-биография М.Горького. М.: Н.С., 1928.

Приблудный И. Тополь на камне: стихи (1923—1925). М.: Н.С., 1926. 62 с. Тираж 2000.
Пролетарские поэты. М.: Н.С., 1927. 196 с. Тираж 3000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Пушкин А.С., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. 303 с. Тираж 5000. (Библиотека для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Г.Плеханов, А.Луначарский, Евг.Соловьев (Андреевич), Н.Пиксанов, С.Шувалов, Д.Благой, Л.Сосновский].
Розанов И. Есенин о себе и других. М.: Н.С., 1926. 24 с. Тираж 5000.
Розанов И. Литературные репутации / Предисл. автора. М.: Н.С., 1928 146 с. Тираж 3000.
[Состав лиц: пролетарские и крестьянские поэты, уточн. В.Казин и поэты "Кузницы"; певцы комсомола (Безыменский, Жаров); крестьянские поэты (Родимов, Орешин, Доронин); начинающие (Прибтудный, Наседкин, Акульшин, Уткин); футуристы и их наследники (Б.Пастернак, Каменский, Кирсанов, Асеев, Ушаков, Сельвинский); конструктивисты (Д.Туманный, В.Инбер, Тихонов, Д.Бедный, Багрицкий, Светов, Тарковский)].
Розанов И. Очерки. М.: Н.С., 1929. 210 с. Тираж 3000.
[Содержание: Казин, Безыменский, Жаров, Родимов, Орешин, Доронин, Прибтудный, Наседкин, Акулин, Уткин, Пастернак, Каменский, Кирсанов, Асеев, Ушаков, Сельвинский, Туманный, Инбер].
Романов П. Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1925—1927.
Т. 1. — Рассказы. М., 1925. 222 с. Тираж 5000.
Романов П. Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С, 1926.
Т. 1, доп. тир., отд. выпуск. Рассказы.
Романов П. Собр.соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1925—1927.
Т . 2. — Хорошие места: рассказы / Вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1927. 209 с., автобиогр. Тираж 5000.
Романов П. Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1925—1927.
Т. 3. — Заколдованные деревни: рассказы. М., 1927. 169 с. Тираж 5000.
Романов П. Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1925—1927.
Т . 4. — Детство. М., 1926, 194 с. Тираж 5000.
Романов П. Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1925—1927.
Т. 5. — Пьесы. 3-е изд. М., 1926. 205 с. Тираж 5000.
Романов П. Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1925—1927.
Т . 7 (доп.) — рассказы. М., 1926. 150 с.
Романов П. Собр. соч.: В 6 т. М.: Н.С., 1925—1927.
Т. 6. — Вопросы пола: рассказы. М., 1926. 174 с. Тираж 5000.
[Романов П., о нем]: сб. М.: Н.С., 1928. 244 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: В.Львов-Рогачевский, Е.Никитина, Г.Горбачев, С.Пакентрейтер, П.Лебедев-Полянский, С.Абакумов, Н.Замошкин, Л.Войтоловский, А.Лежнев, П.Ионов, В.Полонский, Д.Горбов, В.Ятрин, С.Гусев].
Савич О. Г. Плавучий остров: повесть. М.: Н.С., 1927.
Сакулин П.Н. Некрасов Н.А. М.: Н.С., 1928. 72 с. Тираж 4000.
[Салтыков-Щедрин М.Е., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929.
[Авторы: Евг.Соловьев (Андреевич), П.Лебедев-Полянский, В.Евгеньев-Максимов, М.Неведомский, Л.Войтоловский, В.Кранихфельд, М.Ольминский, В.Данилов].
[Салтыков-Щедрин М.Е., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1931. 264 с., библиогр. указ. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Евг.Соловьев (Андреевич), П.Лебедев-Полянский, В.Евгеньев-Максимов, М.Неведомский, Л.Войтоловский, В.П.Кранихфельд, М.Ольминский, В.Данилов].
Сверчков Д.Ф. Товарищ Ильин: рассказы. М.: Н.С., 1920. 131 с. Тираж 5000.

Сверчков Д. Георгий Гапон. М.: Н.С., 1930. 182 с. Тираж 5000.

Свиток. Вып. 1. Альманах Литературного общества "Никитинские субботники" / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1922. 178 с. Тираж 1500.

[Содержание:

1. Поэзия: В.Казин, К.Лавров, К.Липскеров, О.Савич, М.Цветаева.

2. Проза и драматургия: В.Волькенштейн, В.Вешнев, А.Насимович, А.Яковлев.

3. Критика: А.Гроссман, Н.Бродский, С.Шувалов.

4. Письма Достоевского к Лорену и О.А.Новиковой.

5. Неизданные стихи Некрасова.

6. Письма Некрасова к А.Н.Грошину, А.А.Фету.

7. Бродский Н.Л. Творчество Достоевского / Под ред. Л.Гроссмана].

Свиток. Вып. 2. Альманах Литературного общества "Никитинские субботники" / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1922. 128 с. Тираж 1500.

[Содержание:

Стихи — М.Волошина, К.Лавровой, К.Липскерова, В.Мониной, С.Парнок, О.Савич, В.Самбор, В.Федорова.

Рассказы — Н.Ляшко, Б.Пильняка, М.Шишкевича.

Статьи — Н.Бродского, Л.Гроссмана, Н.Гудзия, М.Португалова. Бродский - Тургенев и русские сектанты.

Волькенштейн В. Черный рыцарь: поэма].

Свиток. Вып. 3. Альманах Литературного общества "Никитинские субботники" / Под ред. Е.Ф.Никитиной. М.: Земля и фабрика, 1924. 230 с. Тираж 3000.

[Ст. Е.Ф.Никитиной: Поэты и направления.

Авторы: А.Яковлев, А.Неверов, П.Романов, И.Новиков, В.Вешнев, Арс.Альвинг, О.Мандельштам, В.Звягинцева, К.Бальмонт, К.Л.Лаврова, Р.М.Рильке, А.Белый, Л.Гроссман, И.Розанов, Петковский].

Свиток. Вып. 4. Альманах Литературного общества "Никитинские субботники". М.: Н.С., 1926. 363 с. Тираж 3000.

[Поэзия: А.Луначарский, В.Вересаев, М.Герасимов, В.Кирьянов, В.Инбер, М.Волошин, К.Лаврова.

Проза: А.Яковлев, А.Неверов.

Критика: П.Перцов, Л.Гроссман, В.Воровский, Н.Пиксанов, С.Шувалов, А.Ахматова, И.Розанов, Е.Ф.Никитина — Русь у Романова; Очерк о "субботниках"].

[Лидия Сейфуллина, о ней]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 176 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: А.Воронский, В.Евгеньев-Максимов, П.Коган, Е.Никитина, Н.Асеев, Г.Горбачев, В.Правдухин, В.Переверзев, Дм.Фурманов, Н.Смирнов, С.Оленев, Г.Якубовский].

[Лидия Сейфуллина, о ней]: сб. ст. М.: Н.С., 1930. 238 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: А.Воронский, В.Евгеньев-Максимов, П.Коган, Е.Никитина, Н.Асеев, Г.Горбачев, В.Правдухин, В.Переверзев, Дм.Фурманов, Н.Смирнов, С.Оленев, Г.Якубовский].

[Серафимович А.С., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 222 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: Г.Якубовский, П.Коган, И.Кубиков, В.Евгеньев-Максимов, С.Шувалов, П.Лебедев-Полянский, Дм.Фурманов, Н.Фатов, В.Вешнев].

[Серафимович А.С., о нем]: сб. ст. 2-е изд. М.: Н.С., 1930. 339 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).

[Авторы: Г.Якубовский, П.Коган, И.Кубиков, С.Шувалов, П.Лебедев-Полянский, А.Зонон, Дм.Фурманов, В.Вешнев, Н.Саввин].

Степной Н. Записки ополченца. Пг.: Петроградский совет рабочих и крестьянских депутатов, 1917 (обл. 1918). 88 с., перед. загл.: Н.Афиногенов (Н.Степной).

Степной Н. Записки ополченца. Пг.: Петроградский коллектив рабочих и крестьянских писателей, 1924. 174 с. 3-е изд., перед. загл.: Н.Степной (Афиногенов).
Степной Н. Семья: роман в трех частях. 3-е изд. М.: Н.С., 1926. 143 с. Тираж 3000.
Соболь А. Паноптикум: четвертая книга рассказов. М.: Н.С., 1925. 267 с.
Толстая Т. Рылеев. М.: Н.С., 1928. Библиогр. указ.
Творческая история / Под ред. Н.К.Пиксанова. М.: Н.С., 1927.
Телешов Н.Д. Все проходит. М.: Н.С., 1927. 96 с., библиогр. указ. Тираж 3000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Тургенев И.С., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. 230 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: В.Воровский, П.Коган, Н.Пиксанов, И.Кубиков, В.Львов-Рогачевский, Л.Войтоловский, В.Фриче, С.Шувалов].
[Успенский Г., о нем]: сб. ст.: М.: Н.С., 1929. 317 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Г.Плеханов, А.Луначарский, П.Коган, И.Кубиков, Евг.Соловьев (Андреевич), М.Неведомский, О.Аптекман].
[Успенский Г., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1931. 238 с. Тираж 5500. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: Г.Плеханов, А.Луначарский, П.Коган, И.Кубиков, Евг.Соловьев (Андреевич), М.Неведомский, О.Аптекман].
Федорченко С. Народ на войне. Т. 1—3. М.: Н.С. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Т. 1 — Москва. Новая Москва. 1923. 167 с. Тираж 5000.
Т. 2 — Революция. 1925. 130 с. Тираж 6000.
Т. 3 — Сказки. 1925. 158 с. Ттраж 10000.
Фомин С. Зов Земли: стихи. М.: Н.С., 1927. 59 с. Тираж 2000.
Фомин С. Зов Земли: стихи. М.: Н.С., 1928.
Фурманов Д. Рассказы / Вступ. ст. В.Полонского; биогр.очерк А.Фурмановой. М.: Н.С., 1929. 197 с., библиогр. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Честертон Д. Человек, который слишком много знал / Предисл. А.В.Луначарского. М.: Н.С., 1926.
[Чехов А.П., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 251 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: А.Луначарский, П.Лебедев-Полянский, В.Воровский, Евг.Соловьев (Андреевич), В.Львов-Рогачевский, Я.Назаренко, М.Неведомский, И.Кубиков, Н.Пиксанов].
[Чехов А.П., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1930. 208 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Классики в марксистском освещении).
[Авторы: А.Луначарский, П.Лебедев-Полянский, В.Воровский, Евг.Соловьев (Андреевич), В.Львов-Рогачевский, Я.Назаренко, М.П.Неведомский, И.Кубиков, М.Кольцов].
Шейдлин Б. Москва в пословицах и поговорках. М.: Н.С., 1929. 76 с. Тираж 3000.
Шолохов М.А. Рассказы / Вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1931. 318 с., библиогр. указ. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[М.Шолохов, о нем]: сб. ст. М.: Н.С. 171 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Авторы: С.Динамов, А.Селивановский, Е.Ф.Никитина, И.Машбиц-Веров].
Шувалов С.В. М.Ю.Лермонтов: жизнь и творчество. М.: Н.С., 1925.

Шувалов С.В. Семь поэтов. М.: Н.С., 1927. 209 с. Тираж 2000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Содержание: Рылеев, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Брюсов, Герасимов].
Эмон Л. Жмурки: роман. М.: Н.С., 1928.
Яковлев А. Без берегов: рассказы. М.: Н.С., 1926. 207 с.
Яковлев А. В родных местах: рассказы. М.: Н.С., 1925. 141 с. Тираж 7000.
Яковлев А. Собр. соч. М.: Н.С., 1926. Т. 1—4.
Т. 1 — Октябрь: рассказы / Вступ.ст. А.В.Луначарского. М., 1926. 234 с., автобиогр. Тираж 5000.
Яковлев А. Собр. соч. М.: Н.С., 1926. Т. 1—4.
Т. 2 — Смерть Николина камня: рассказы. М., 1926. 214 с. Тираж 5000.
Яковлев А. Собр. соч. М.: Н.С., 1926. Т. 1—4.
Т. 3 — Без берегов: рассказы. М., 1926. 206 с. Тираж 5000.
Яковлев А. Собр. соч. М.: Н.С., 1926. Т. 1—4.
Т. 4 — Нечестивый кот Фомка: рассказы. М., 1926. 215 с. Тираж 5000.
Яковлев А. Октябрь: повесть. 3-е изд. М.: Н.С., 1925. 144 с. Тираж 5000.
Яковлев А. Октябрь: повесть. 4-е изд. М.: Н.С., 1926. 144 с. Тираж 3000.
Яковлев А.С. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1925. 197 с. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Яковлев А. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ. ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1925. 222 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Яковлев А. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ.ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1926. 222 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
Яковлев А. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского, вступ.ст. Е.Ф.Никитиной. М.: Н.С., 1929. 290 с. Тираж 4000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной).
[Яковлев Александр, о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1928. 138 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: М.Левидов, А.Воронский, П.Коган, В.Максимов, И.Кубиков, Е.Никитина, Г.Горбачев, В.Воровский, В.Фриче, А.Луначарский, В.Полонский, С.Шувалов, А.Неверов].
[Яковлев А., о нем]: сб. ст. М.: Н.С., 1929. 238 с. Тираж 5000. (Библиотека современных писателей для школы и юношества / Под ред. Е.Ф.Никитиной. Критич. серия).
[Авторы: И.Кубиков, А.Луначарский, В.Львов-Рогачевский, Д.Горбов, Деревенский (А.Неверов), Н.Леонов].
Яковлев А. Рассказы / Предисл. А.В.Луначарского; вступ.ст. С.В.Шувалова. М.: Н.С., 1926.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Фельдман Давид Маркович

САЛОН-ПРЕДПРИЯТИЕ:
писательское объединение и кооперативное издательство "НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ" в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов

Редактор
Н.Л. Петрова

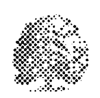
Художник
В.В. Сурков

Корректоры
Т.М. Козлова
М.Е. Побережнюк

Технический редактор
Г.П. Каренина

Компьютерная верстка
Л.В. Плехова

Лицензия Л.Р. №020219
от 25.09.96
Подписано в печать 17.06.96.
Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л.
Уч. изд. л.
Тираж 1000 экз.
Заказ 82

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125267 Москва,
Миусская пл., 6
(095) 973 42 00

ББК 83.3 (2)
Ф 39

Фельдман Д.М.

Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство "Никитинские субботники" в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М.: Российск. гос. гум. ун-т, 1998. 224 с.

Впервые на основе неизвестных прежде архивных материалов освещается деятельность "Никитинских субботников" на протяжении 20 лет, как в Москве, так и на территории «белого движения». В книге анализируются правовые установки, обусловившие вытеснение частноиздательской инициативы во времена гражданской войны, ее законодательное разрешение в период нэпа и последующую окончательную ликвидацию в 1930-е годы, а также приводятся эпизоды творческой биографии А. Белого, М.А. Булгакова, М.А. Волошина, М.И. Цветаевой, Г.А. Шенгели и др.

Для историков литературы и широкого круга читателей.

Ф $\frac{4603010000-008}{ОТ8(03)-98}$ 97–42 ББК 83.3 (2)

Впервые на основе неизвестных прежде архивных материалов освещается деятельность «Никитинских субботников» на протяжении 20 лет, как в Москве, так и на территории «белого движения». В книге анализируются правовые установки, обусловившие вытеснение частноиздательской инициативы во времена гражданской войны, ее законодательное разрешение в период нэпа и последующую окончательную ликвидацию в 1930-е годы, а также приводятся эпизоды творческой биографии А. Белого, М.А. Булгакова, М.А. Волошина, М.И. Цветаевой, Г.А. Шенгели и других.

Для историков литературы и широкого круга читателей.

РГГУ